

11-D-333

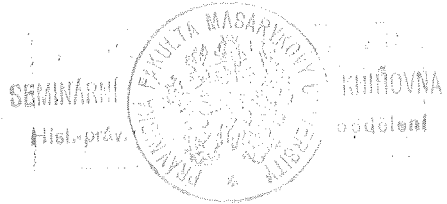
АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

АКАДЕМИК

Н. С. ДЕРЖАВИН

СЛАВЯНЕ В ДРЕВНОСТИ

Культурно-исторический
очерк

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Под общей редакцией Комиссии АН СССР по изданию
научно-популярной литературы.
Председатель Комиссии Президент Академии Наук СССР
академик *С. И. ВАВИЛОВ*
Зам. председателя член-корреспондент АН СССР
П. Ф. ЮДИН

Koupil od	<i>fu. Kominke</i>
Darem od	<i>~</i>
v	<i>Brne</i> za Kčs <i>88-</i>
Inv	<i>33.914</i>
Si	

ÚSTŘEDNÍ KNIHOVNA PRÁVNICKÉ FAKULTY UJEP STARÝ FOND Č. inv.: <i>0114</i>

О Г Л А В Л Е Н И Е

Часть I

Историко-этнографический очерк

Глава I. Древнейшие известия о славянах	7
§ 1. Венеды	7
§ 2. Славяне, анты	11
Глава II. Славянские племена в древности	23
§ 1. Восточные, или русские, славяне	24
§ 2. Западные славяне	28
§ 3. Южные славяне	45
Глава III. Общественный строй у славян в древности	52
Глава IV. Древне-славянский город	95
Глава V. Промышленность и торговля	116
Глава VI. Военное дело	122
Глава VII. Физический тип	124
Глава VIII. Быт и нравы	127
Глава IX. Религия	134

Часть II

Первые государственные образования у славян и их история в древности (VII—XI вв.)

Глава I. Государство Само (623—658)	165
Глава II. Чехия и Моравия	167
§ 1. Великоморавское княжество (818—906)	167
§ 2. Богемское княжество (874—1041)	176
Глава III. Польша (870—1138)	182
Глава IV. Первое болгарское царство (679—1018)	191
Глава V. Сербия и Хорватия (IX—XII вв.)	207

Часть I

**ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК**

Глава I

ДРЕВНЕЙШИЕ ИЗВЕСТИЯ О СЛАВЯНАХ

§ 1. ВЕНЕДЫ

Наиболее ранние известия о славянах под именем венедов, или венетов, восходят к концу I и ко II вв. н. э. и принадлежат они римским и древне-греческим писателям: Плинию Старшему (23—79 гг. н. э.), Публию Корнелию Тациту (около 55 г. — умер около 120 г. н. э.) и Птолемию Клавдию (II в. н. э., умер около 178 г.).

Согласно показаниям названных авторов, венеды жили вдоль Балтийского побережья между Штетинским заливом, куда впадает р. Одра, или Одер, и Данцигским заливом, куда впадает р. Висла, и по р. Висле от ее верховьев в Карпатских (Венедских) горах и до побережья Балтийского моря. По характеристике Птолемея Клавдия, венеды были «великий народ» (μέγιστος ἔθνος). Случайные упоминания о венедах имеются, однако, и у более ранних авторов; например у Геродота и Софокла (V в. до н. э.). Геродот, в частности, говорит о том, что янтарь приходит с р. Эридана, от венетов, славившихся, повидимому, в древности разработкой и торговлей янтарем. Специальные химические исследования установили, что янтарь, оказавшийся в микенских могилах XIV—XII столетий до н. э., а также в египетских гробницах эпохи V династии (3-е тысячелетие до н. э.), именно северного происхождения.

Имя реки Вислы впервые встречается у римского писателя Помпония Мелы (I в. н. э.) под названием *Vistula*. У других авторов древности эта река называется *Vistla*, *Visculus*, *Οἰστούλα*, *Visula*, *Viskla*.¹ Большинство ученых, начиная с Шафарика и до настоящего дня, останавливавшиеся на вопросе о том, какому языку принадлежит название реки Вис-

¹ См. L. Niederle, *Slovanské starožitnosti*. Dil. I, sv. I. v Praze, 1902, стр. 173 сл.

да и каково исходное значение этого слова, склонны считать имя реки Вислы словом славянского языка. Шафарик в своих «Славянских древностях» возводил его к основе *is*—, *vis*— «вода», и это объяснение остается доминирующим в науке и в настоящее время (I, 538). Интересно при этом отметить, что в некоторых польских говорах слово *висла* имеет нарицательное значение и употребляется в смысле большой, полноводной реки вообще. С другой стороны, отмечается широкое распространение этого названия рек в славянских странах в разнообразных вариантах: Вис, Исloch, Свисloch, Иследзь, Вислица (в бассейне р. Припяти), Вислок, Вислока, Висляновка (в бассейне р. Вислы).¹

Что касается названия народа *венеда*—*венеты* или *венды*—*винды*, то оно, прежде всего, не кельтского происхождения, как некоторые склонны были думать на том основании, что это слово в форме *vinde*— входит во множество географических названий, приписываемых кельтскому языку: *Vindobona* (Вена), *Vindomagos* («белое поле»), *Vindobriga* и др., а также в той же форме *vinde*— или *vindona*— во множество древних надписей, дошедших до нас из районов, населенных некогда кельтами (Верхняя Паннония, Норик, Реция), как собственное имя. Ввиду того, что кельтское слово *vindos* значит *белый*, делалось заключение, что кельты, будучи сами, как и германцы, красно-рыжими, называли русских славян *белыми*, и это имя осталось за ними (ср. Белая Русь, Белохорваты и пр.) и в устах германцев. К этому прибавляется, что первое арабское известие о славянах, восходящее к VII в., прямо отмечает их белокурость; впоследствии арабы вообще называли славянским (*Siklab*) тип белокурого европейца.

На этой точке зрения стоит профессор Л. Нидерле, обосновавший свою теорию на учете огромного топонимического и ономастического материала.²

Из более ранних попыток истолкования племенного названия *венеда*, *венда* отметим, между прочим, попытку увязать это название с древним северно-германским *vand* (лат. — *unda* «вода»), откуда *венды*—«люди воды», «жители вод» или «морские жители»; или с немецким *wenden*, откуда *Wanderer*—«странники, скитники»; либо с готским *vinja* и немецким *weiden*, откуда *weidenden*—*wenden*—«пастухи» и т. п. Были попытки объяснить племенное название народа *венеда* и из славянского языка. Так, например, Гильфердинг связывал имя *венет* то с древне-индийским названием народа *vanita* (греч. *Ἐυετοί*

и *ἄντα*), то с именем древне-русского племени *вятичей*; другие (Первольф) возводили то же имя *венет* к старославянскому корню *vet*—«великий», пережиточно сохранившемуся в форме старославянской сравнительной степени—*вѣщии* и в измененном виде в форме *вятичи* и *ант*. С вятичами связывал *венетов* и проф. Ф. А. Браун в своих «Разысканиях в области готославянских отношений» (СПб, 1899, стр. 334). Последний стоял на точке зрения, что *венедами* первоначально называлось немцами только одно из славянских племен, а затем это название было распространено ими на весь народ.

Все эти толкования наименования народа *венеда* надуманы и не выдерживают критики. Подходя к вопросу палеонтологически, в каждом племенном наименовании древности мы должны искать, прежде всего, значение—«человек», «муж», «дети», «народ», «племя», как это мы имеем, например, в наименованиях народов—*скифы*, *мари*, *готы* и др.¹

С другой стороны, в каждом племенном наименовании, как и в каждом племени, мы должны видеть известную скрежденность, т. е. «слияние двух и более однозначных различных слов того же количества племен, образующих одну общность и скрепившихся уже физически».²

«Племенные названия», замечает Марр, — прежде всего, конечно, суть названия племен, но они также не связаны своим возникновением именно с племенем в целом, как и теперь с унаследовавшими их и по ним хорошо известными народами или национальностью. По происхождению племенные названия также не племенные, как они не национальные. Племенные названия генетически еще менее восходят к названию рода или тем более семьи, вообще физиологически определяемой социальной формации, поскольку так называемое племенное название имеет право почитаться действительно созданием древнего происхождения, что в свою очередь объясняется не тем, что разбираемое название упоминается таким-то писателем феодальной поры или оно известно из такого-то авторитетного памятника письменности или не упоминается ни одним автором и неизвестно из каких бы то ни было письменных источников. Источники познания, определения и приурочения так называемого племенного названия к тому или иному народу—дописьменная речевая надстройка («культура») в целом, неразрывно связанная с материальной культурой, как с ее базой, при соответственной социальной структуре, и раскрыть этот источник можно лишь с помощью палеонтологии звуковой речи, в каком бы языке ни

¹ L. Niederle, назв. соч., стр. 27, примечание; K. Müllenhoff, Deutsche Alterthumskunde, II (1887), стр. 208 и сл.

² См. L. Niederle, назв. соч., ч. 1, вып. 1. V Praze, 1902, стр. 198—201.

¹ Н. Я. Марр. Чуваши-яфетиды на Волге. Избр. раб., т. V, стр. 352 и сл. Егोजе. Скифский язык, V. Егोजе, Готское слово, guma «муж», IV и др.

² Н. Я. Марр. Скифский язык. Избр. раб., т. V, стр. 194.

обреталось ныне данное племенное название, и народу какой бы так называемой семьи ни было оно усвоено позднейшей исторической жизнью капиталистического периода».¹

Подходя с этой точки зрения к разъяснению племенного термина в е н е д ы — в е н е т ы, в е н д ы, в е н д, мы должны прежде всего подчеркнуть, что уже самый факт распространения этого термина на широком пространстве Центральной Европы и за ее пределами, предположительно связанном в древнейшее время с кельтским населением, свидетельствует о том, что слово «вен-д» со всеми своими вариантами не кельтского, не германского и не славянского, а до-индоевропейского, т. е. яфетического, происхождения; что оно представляет собою скрещенный двуплеменный термин, первую часть которого составляет хорошо известная нам яфетическая основа ven- со всевозможными вариантами озвончения и огласовки (ven—men, van—man, равно vat—mat и т. п.), как это мы имеем, например, в скрещенных наименованиях* Per—men—«Пермь», Ger—man, Slo—ven, Sar—mat, и т. п., в значении «народ», «племя». Вторая часть названия народа в е н-д, звук *d* или *m*, представляет собою остаточный пережиток того же, повидимому, племенного наименования, которое присутствует во второй части названия народа с к и ф ы: *skh—dh*, где *dh* представляет собою ионское племенное название в усеченной форме в м. полного—*dhv*.²

Н. Я. Марр отметил, между прочим, слово vent как экающую, чисто фонетическую разновидность одного из трех основных названий для одного и того же в о т с к о г о п л е м е н и: vat—«ватка», vot—«вотьяк» и vent—«вят»—«вятка», «вятичи», и рядом с последним поставил и в е н е д о в.³

То обстоятельство, что славяне под именем в е н е д о в впервые выступают в истории с конца I и во II вв. н. э., не может, конечно, истолковываться в том смысле, что до этого времени данного народа, вернее—славянского протонарода или дославянского субстрата позднейшего славянского народа в е н е д о в, на территории Европы не существовало вовсе. Протославяне, т. е. славяне на стадии дославянского этнографического оформления,—такой же исконный с глубокой древности народ в Европе, как и их позднейшие соседи—германцы и кельты, первоначально—протогерманцы и протокельты на западе или протолитовцы и протофинны—на востоке, но на доиндоевропейской, т. е. яфетической, стадии, общей для всех европейских народов, они не выделялись, как особый, окончательно сложив-

¹ Н. Я. Марр. Готское слово guma «муж». Избр. раб., т. IV, стр. 264.

² См. Н. Я. Марр. Скифский язык. Избр. раб., т. V, стр. 196.

³ См. Н. Я. Марр. Приволжские и соседящие с ними народы и пр. Избр. раб., т. V, стр. 299.

шийся в процессе племенных скрещений этнографический тип среди прочих племен, населявших европейский материк, о чем прекрасно свидетельствует, между прочим, характеристика народа в е н д о в, данная Тацитом, который в своем сочинении «О происхождении, местоположении, нравах и народах германцев» («De origine, situ, moribus ac populis Germanorum»), известном чаще под сокращенным заглавием «Германия», пишет о в е н е д а х: «Что касается певкинов, в е н е т о в и финнов, то я колеблюсь, причислить ли их мне к германцам или к сарматам... (Более похожи на сарматов) в е н е д ы: (они) сходятся с ними (до известной степени) и обычаями, ведя бродячую жизнь и живя грабежом. Тем не менее, я их также скорее отнес бы к германцам, так как они умеют строить дома, знают употребление щитов и, будучи проворными пешеходами, охотно ходят пешком: всех этих черт нет у сарматов, которые живут на телегах и на конях...» С другой стороны, далекие от культурных центров древности Греции и Рима, расположенные за пределами Римской империи, они долгое время или оставались вне поля зрения древних авторов, или же, если и были известны им, то выступали под другими племенными названиями—к и м м е р и й ц ы, ф р а к и й ц ы, с к и ф ы, с а р м а т ы, г о т ы и т. п. Эти же последние представляли собою, чаще всего, крупные межплеменные объединения или племенные союзы, имена которых заслоняли собою наименования частных племенных организаций, входивших в состав этих объединений, причем коллективные племенные наименования—к и м м е р и й ц ы, с к и ф ы, ф р а к и й ц ы, с а р м а т ы, г о т ы, г у н н ы и пр.—нередко переносились и на отдельные, входившие в их состав племена, в том числе и на протославян, позже—на славян.

§ 2. СЛАВЯНЕ, АНТЫ

После II в. славяне на целые четыре столетия сходят со страниц исторических источников и вновь появляются в них только в VI в. у готских и византийских историков, из которых наибольший интерес представляют готский историк Йордан, или Йордан, и византийский историк Прокопий Кесарийский. Первый из них говорит о «многочисленном народе в и н и д а х, который живет на неизмеримом пространстве», начиная от верховьев Вислы, и состоит из множества «родов», имеющих свои местные названия. Несмотря, однако, на это многообразие частных или местных племенных названий, в и н и д ы, говорит Йордан, «большую часть называются с л а в и а м и и а н т а м и». В и н и д ы, а н т ы и с л а в ы, по Йордану, это три наименования одного и того же народа.

Второй из названных историков, Прокопий, говорит о «бесчисленных народах антов» и указывает территорию их расселения: «дальнейшие края на север от Меотийского залива», т. е. от Азовского моря.

Таким образом, согласно данным названных историков, к середине VI в. н. э. вепеды делились на две основные группы: склавины, или склавы, *Σκλάβηνοι, Σκλαυηνοί, Σκλάβοι* — западные славяне и «бесчисленные» анты (*Ἄνται, Ἄντες*) — восточные славяне. Западные славяне, по этим данным, жили на территории в границах древней Паннонии (западная часть территории б. Австро-Венгрии), Чехо-Моравии, Словакии и Польши, а также на запад от Вислы, имея северную границу Балтийское побережье на запад от Вислы вплоть до Эльбы и ее притока Салы. В VIII—IX вв. западная граница этой территории была, по видимому, этнографической границей, отделявшей славянские племена от западных германских племен. Что касается восточных славян — антов, то, по тем же данным, они занимали обширные пространства, начиная от Причерноморья и Приазовья на юге и далее внутрь страны на север и север-запад.

Названная выше обширная территория, занятая в середине первого тысячелетия н. э. вепедами, т. е. племенами славян и антов, представляла собою, таким образом, исторически засвидетельствованную территорию, на которой к этому времени уже сложился в процессе племенных скрещений, культурно и этнографически дифференцировавшийся в общей массе окружающих племен славянский народ. На основании весьма веских исторических, этнографических и лингвистических данных можно предполагать, что тот же процесс этнографической кристаллизации протославянских племен переживало в это время, по видимому, и население Балканского полуострова.

По характеристике Прокопия, славяне и анты имеют общий, весьма грубый язык, общий быт, общие верования и обычаи, общую внешность и общий духовный облик. Они сообща предпринимают набеги на римские владения и участвуют вместе в вспомогательных отрядах, двинутых ромеями, т. е. византийцами, против готов. Однако другие показания того же источника говорят о том, что славяне и анты представляют собою два отдельные объединения: каждое из них в своих международных отношениях живет независимо друг от друга политической жизнью, а в своих взаимоотношениях они не всегда поддерживали мирные, добрососедские отношения. Так, например, при императоре Иустине (518—527) анты одни, без славян, переходят Дунай и предпринимают набег на римские владения; анты одни, без славян, состоят на военной службе у византийского правительства и принимают участие в итальян-

ской экспедиции; анты же самостоятельно, независимо от славян, заключают договоры с римлянами и т. д.

В антах акад. А. А. Шахматов видел предков русских славян.¹ Акад. М. С. Грушевский видел в антах предков только украинского народа.² «Решительно не могу согласиться с этим положением, — говорит А. А. Шахматов, — распадение русского племени произошло позже появления антов в южной России; оно явилось результатом его расселения именно из тех территорий, которые были захвачены, согласно Иордану и Прокопию, антами; в последних вижу поэтому предков всего вообще русского племени».³

Академик И. И. Срезневский считал антов предками уличей и тиверцев, которых «Повесть временных лет» помещает в юго-западном Причерноморье, говоря о них: «...седяху по Бугу и по Днепру и приседаху к Дунаеву; и бо множество их, седяху бо по Бугу и по Днепру оли до моря».⁴ В пользу мнения, что уличи и тиверцы были потомками антов, предположительно высказался в 1917 г. и проф. А. А. Спицын в учебном курсе «Русская историческая география» (Петроград, стр. 18). Более определенно по этому вопросу тот же автор высказался несколько позже в статье «Древности антов», где он толкует показание Прокопия о том, что многочисленное племя антов обитает в районе Азовского моря и далее, в смысле — «где-то за Азовским морем», и при этом — в полосе лесостепи, на черноморском берегу. Именно в такой полосе, — говорит проф. Спицын, — начиная от низовьев Днестра и до верховьев Дона, известны древности, принадлежащие к одной и той же культуре VI—VII вв., которую и приходится признавать антской. Видимо, эта культура находится под сильным влиянием Византии, и вследствие мирового значения последней, если не все, то очень многие ее вещи должны повторяться и у других соседних народностей как соседних, так и кочевых...». По характеристике проф. А. А. Спицына, антская культура выступает в виде многочисленных и богатых кладов, которые бывают более или менее значительны по количеству вещей, доходя иногда до многих фунтов веса. Таких кладов сейчас открыто свыше 30 — в б. Херсонской, Киевской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Харьковской, занимающей песка по этимкладам первое место, в Воронежской губ. На этой же территории, включая сюда и б. Курскую губ., обнаружено и 8 могильников, в которых открыты

¹ См. А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Петроград, 1919, стр. 10 и сл.

² См. М. С. Грушевский, История Украины—Руси, 1, 176. Его же. Киевская Русь, 1, 209.

³ См. назв. соч., стр. 12.

⁴ См. «Известия II Отд. ИАН», VIII, 314.

вещи, характерные для названных выше кладов, что говорит о том, что могильники эти принадлежат тому же народу, как тому же народу, можно полагать, принадлежит и ряд открытых городков Приднепровья и Днэца в районах б. Полтавской, Харьковской, Черниговской и Курской губ. Проф. А. А. Спицын был склонен ставить антов в связь с тиверцами—северянами, но почти полное отсутствие здесь археологического материала заставило его воздержаться от решения этого вопроса.¹

Древнейшие источники, говорящие о лангобардах, начиная с I в. н. э., и отмечающие затем на протяжении времени вплоть до V в. их продвижение с берегов Эльбы на юг в Морэвию, в Венгрию (490), в Паннонию (526) и, наконец, в Италию (568), отмечают, между прочим, что лангобарды в этом направлении на юг достигли до страны, расположенной где-то на востоке по имени Anthab или Antab, т. е. земли или области антов (Antorum pagus).²

Где лежала эта «страна антов», имя которой сохранила нам лангобардская традиция, в точности неизвестно. Предположительно, исходя из показаний этой традиции, которая говорит о востоке за землю бургунов, ее указывали где-либо на Днэстре или в западной части Полесья (Л. Нидерле), или же в верховьях Днэстра и Сана в области лесистого Закарпатья.

В. О. Ключевский в своем «Курсе русской истории» (т. I), исходя из представления о Прикарпатье, как «общеславянском гнезде», откуда впоследствии славяне разошлись в разные стороны, учитывая также показания «Повести временных лет» о нашествии авар на дулебов и арабского географа и историка Али-Абдул-Хасан Масуди (X в.), который говорит о том, что одно из славянских племен, коренное между ними, некогда господствовало над прочими, и называет это господствовавшее славянское племя именем валиана, т. е. волыняне, а волыняне те же дулебы,—высказался в том смысле, что именно дулебы господствовали в VI в. над всеми восточными славянами и покрывали их своим именем, как впоследствии все восточные славяне стали зваться Русью по имени главной области в русской земле, ибо Русью первоначально называлась только Киевская область.³ Таким образом, Ключевский, говоря о существовании у восточных славян на Карпатах в VI в. «большого военного союза под предводительством князя дулебов», тем

¹ См. «Сборник ОРЯС АН СССР», т. CI, № 3, Статьи по славянской филологии и русской словесности. Л. 1928 г., стр. 492—495.

² См. Павел Диакон (Paulus Diakonus), он же Варнефрид (около 720—800 гг.), *Historia Longobardorum*.

³ В. О. Ключевский, *Курс русской истории*, т. 1. Петроград, 1918, стр. 124—126; Боярская дума, 1919, стр. 18.

самым разрешал проблему об антах в том смысле, что это были дулебы, а организующим центром антского племенного союза считал Волынь.

Новейшие исследования антской проблемы советскими учеными, построенные на сравнительном изучении показаний письменных источников с данными вещевого материала археологических раскопок, дали весьма убедительные основания видеть область распространения «бесчисленных антских племен» на территории лесостепной полосы от устья Дуная (она опускается здесь почти до самого Черного моря) и далее на северо-восток в направлении на Киев, Чернигов, Полтаву, Курск и Воропеж, причем степь освоена антами лишь частично.¹ Это та самая территория, на которой еще не так давно в прошлом мы знаем скифские племена и на которой вскоре после антов мы увидим восточно-славянские племена уличей, тиверцев, отчасти древлян, полян, волынян, отчасти радимичей, северян и отчасти вятичей.²

Таким образом, как в территориальном, так и в культурно-этнографическом отношении анты представляют собою связующее звено между скифами и позднейшими восточными или русскими славянами в известной, конечно, части племен, входивших в состав этих народов-коллективов. О славянские языки антов, помимо показаний источников, говорят также и называемые этими источниками собственные имена антов—Доброгаст, Всегорд, Бож, Межамир, Келагаст и т. п. «Открытие изумительной преемственности культовых изображений между скифо-сарматским миром и позднейшим славянским,—замечает Б. А. Рыбаков,—позволяет предполагать, что анты были неизбежным промежуточным звеном, воспринявшим часть скифо-сарматских религиозных представлений и передавшим их Киевской Руси, а через нее и далее».³

У Иордана мы имеем и некоторые исторические подробности, касающиеся антов IV века. Он рассказывает о том, что тотчас после вторжения в 376 г. гуннов готский король Винитар напал на антов, хотя вначале был разбит антами, однако же осилил их и распял короля их Божка вместе с его сыновьями и 70-ю начальниками. Сам Винитар погиб от гуннского короля Баламбера в 376 г.

С именем антского короля Божка акад. А. А. Шахматов связывал известное место в «Слове о полку Игореве»: «Се бо готския красныя дэвы въспеша на брезу синему морю, звонячи златом: поють время Бусово, лелеют мечь Шароканю...».

¹ Б. А. Рыбаков, *Анты и Киевская Русь*. «Вестник древней истории», кн. 1, 1939, стр. 322.

² Там же, стр. 323.

³ Там же, стр. 327.

видя в нем отклик старой готской традиции, ведущей свое начало со времени, когда Винитар победил Божжа.¹

Впервые имя ант ("Аутас") встречается в наших источниках в III в., в греческих надписях из Керчи.

Решительный удар по могуществу антов был нанесен уйгурским племенем а в р о в. Когда в половине VI в. н. э. авары впервые явились на территорию нынешней УССР, они столкнулись здесь в Причерноморье с антами. Анты отправили к аварам посла, члена знатного рода, некоего Межамира, сына Идаризия, брата Келагаста.² Об этом антском посольстве к аварам и его последствиях история рассказывает, что так как посол Межамир гордо держал себя перед аварами, они убили его, но за убийство Межамира анты не сумели отомстить аварам, и после этого авары стали еще свободнее нападать на страну антов и, в конце концов, в середине VI в. покорили ее. Но, когда после этого авары ушли на запад и в начале 60-х годов заняли область Сирмию (впоследствии Срем в Югославии), а в 568 г. всю славянскую Панионию, анты, ставши вновь свободными, стали служить восточно-римскому императору Маврикию (582—602) против авар и славян. Ввиду этого в 602 г. аварский хакан отправил против антов специальную карательную экспедицию под начальством Аписиха с поручением разгромить и уничтожить этот народ.

Чем закончилась эта экспедиция, неизвестно, но имя народа ант о в, который еще так недавно характеризовался Прокопием как народ бесчисленных племен, совершенно исчезло со страниц истории, о нем уже больше не упоминает ни один ни римский, ни византийский источник. Этот факт исчезновения антов представляется старым историкам своего рода загадкой. Одни предполагают, что аварская экспедиция Аписиха успешно справилась с возложенным на нее поручением и совершенно уничтожила антов; другие — что анты в качестве союзников римлян переплыли на Балканский полуостров, были водворены здесь на жительство, а затем растворились среди болгар. Наконец, Шафарик, а вслед за ним и другие полагали, что под нажимом авар анты отошли в глубь России и здесь стали основой всего ли русского или только украинского народа, либо, по крайней

¹ См. А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Петроград, 1919, стр. 10, примеч. 1; вслед за Шахматовым на этой же точке зрения стоял и акад. В. Н. Перетц в своем «Слове о полку Игореве», у Кліві, 1926, стр. 24.

² В Межамире А. А. Шахматов склонен был видеть Мечимира, в Келагасте — Целогоста. Относительно имени Идаризий Шахматов придерживался точки зрения Шафарика и видел в нем «отечественное имя с окончанием — ич». См. его «Древнейшие судьбы русского племени». Петроград, 1919, стр. 16, примечание.

мере, племени русских в я т и ч е й, которое позже выступает на верхней и средней Оке.

О поголовном уничтожении ант о в аварами не может быть, конечно, никакой речи. Как мы уже знаем, анты были известны в Византии как самая сильная группа славянских племен, и если бы в 602 г. они действительно были уничтожены аварами, то этого факта византийские историки никоим образом не могли бы пройти молчанием, а между тем, о каком-либо поражении антов аварами или, тем более, о полном их уничтожении византийские источники ничего не знают. Гораздо естественнее поэтому предположить, что молчание византийцев об антах после смерти Маврикия (602) было вызвано новым сложившимся здесь положением вещей. Дело в том, что до тех пор византийское правительство вело упорную борьбу за Дунай, и Маврикий усердно и настойчиво защищал Дунай, как наилучшую и естественную границу Восточно-Римской империи от вторжения на ее территорию северных варваров. В связи с этим отношения, складывавшиеся до сих пор на Дунае и на его левом побережье, постоянно были предметом исключительных забот римского правительства и находили свое отражение у историков. При ближайших же преемниках Маврикия, императорах Фоке (602—610) и Ираклии (610—641), охрана дунайской границы вынужденно была снята, ввиду чрезвычайных внутренних и внешних осложнений, переживавшихся в это время империей: социальная революция при Фоке и напряженная война с персами и арабами при Фоке и Ираклии. Дунайская граница не могла интересоваться в это время правительство, да и для надлежащей охраны в его распоряжения не было ни сил, ни средств. С момента же возникновения вскоре после этого на северо-востоке византийской территории в Добрудже, Делиормане и Герилове первой славянской державы болгар, официально признанной византийским правительством на основании договора, заключенного с болгарями в 679 г., сфера византийских интересов в северная граница империи были отодвинуты к югу, сначала к предгорьям Старой Планины (главный Балканский хребет), а вскоре затем и далее к югу, почти к самым стенам столицы. Так и произошло, что анты, которые перед этим сидели за Дунаем, в ближайшем соседстве с империей, перестали иметь непосредственное с нею соприкосновение, перестали существовать для нее как опасный противник, и вместе с этим прекратились о них и известия у византийских историков. В последний раз имя антов встречается у византийского историка Феодосия в IX в. Таким образом, об уничтожении антов аварами не может быть никакой речи. В то время, когда, начиная со второй половины VII в., на полуострове сложилось, росло и крепло первое славянское государство — Болгария, возникшее вначале в целях самообороны преддунай-

ских славянских племен против аварских вторжений на полуостров, а в среде западных славян несколько ранее, но в этом же веке возникает племенной союз во главе с Само (627—662) в целях организованного отпора хищническим насилиям тех же авар, — восточные славяне, объединенные в мощный антский союз племен, продолжают жить на своих прежних местах и в своем хозяйственном, культурном и общественно-политическом развитии уже к VII в. достигают таких высот, которые дают основание историку характеризовать общий уровень их развития, как высшую ступень варварства, как ту ступень, которой норманны достигли, по Энгельсу, только к эпохе викингов, т. е. к IX в.¹ Тем самым антский союз племен смог заложить прочные основы для образования в своей среде, из своих социальных недр в IX в. первого восточно-славянского государства — Киевской Руси.

«Вещественные памятники свидетельствуют, — говорит историк, — что культура, созданная в VI столетии антскими племенами, послужила основой для Киевского государства, для богатой и яркой Киевской Руси. Антские племена, достигшие уже в VI в. высшей ступени варварства, стояли в X—XI вв. на пороге цивилизации.

Многие явления киевской жизни X—XI вв. уходят корнями в антскую культуру: земледелие, скотоводство, рабство, сожжение рабынь на могиле князя, накопление сокровищ и т. д. Киевские князья X в. говорили на том же языке, что и анты в VI в., верили в того же Перуна, плавали на тех же «моноксилах» и по тем же старым антским путям.

Воины Святослава с Цимисхием переносят нас далеко назад, когда вокруг того же Доростола шла борьба между антами и византийцами.

Возможно, что отзвуком древних антских походов к границам Византии является комментарий автора «Повести временных лет» к рассказу о Кие, Щеке и Хориве.

Анты — не только предки восточных славян, но и создатели всей их культуры. Предшественниками Олега и Игоря были Межамир Идарич, Хвилибуд и неизвестные нам по именам владельцы приднепровских кладов.

Начало в IX в. грабительских набегов норманнов, привлеченных богатством Киева и его окружения, норманнов, только что вступивших в ту стадию развития, которую приднепровские славяне уже изживали, никакой эпохи не составило и не могло составить.

Варяги не могли составить никакой новой культуры, не могли повлиять на способ производства, на социальные отношения: горсточка искателей приключений попала в старую, ус-

¹ См. Б. А. Рыбаков, назв. ст., стр. 333.

тойчивую приднепровскую культурную среду и очень быстро совершенно растворилась в ней. «Варяжская закваска» — это недоброкачественный миф, созданный норманистами. Предпосылки для создания государства Ярослава Мудрого начали накапливаться не в IX в., а за триста лет до варягов, в силу чего и историю Киевской Руси надо начинать не с Рюрика и Олега, а с Божя и Межамира, с первых походов на Византию в VI столетии.¹

Что касается этимологии слова а н т, то она не представляет определенной ясности. Некоторые толковали это слово, как модификацию слова *vend, vent*; другие связывали его с немецким *enz*, англ. *enf* — «великан». Хорватский историк Рачки видел в нем славянское слово *atinь* — *vir gigas*, т. е. гигант, великан. Ламбин видел в нем греческую измененную форму славянского *ules, unlic* из *anlic*. Другие, как Куник и Wirth, видели в антах черкесскую династию, либо черкесское племя, владевшее славянами. Если принять эту точку зрения, то в именах антов Доброгаст, Всегорд, Бож, Межамир Идарич и т. п. мы, очевидно, должны будем видеть тоже черкесские имена! Известный Peisker, который вообще рассматривает славян, как пассивное быдло, способное только покорно подчиняться, но не жить самостоятельной и независимой культурной и политической жизнью, видел в антах вообще чужеземцев, господствовавших над славянами. Можно отметить, кстати, что в числе знаменитых русов, отправленных князем Игорем в 945 г. в Царьград в составе посольства к византийскому императору, мы читаем также и имя У т и н, которое для X в., как предполагают, указывало бы на старшую форму *Antinь* (Лавр. 46), но проф. Л. Нидерле, исходя из совершенно ошибочных представлений о племенном составе Киевской Руси в X в., не допускает возможности, чтобы среди игоревых бояр, исключительно, как он полагает, не-славян по национальности, присутствовал потомок княжеского рода антов.²

Акад. А. А. Шахматов, склонный считать имя антов вообще не славянским, отверг, по фонетическим соображениям, возможность увязки его с именем «вятичи» и видел в нем кельтское слово.³ Несколькими строками, однако, ниже в том же очерке, останавливаясь на известном имени славянского города *Vantit*, встречающемся у арабско-персидского географа Гардизи (Гур-

¹ Б. А. Рыбаков, назв. ст., стр. 337.

² Подробнее об этимологии термина а н т см. у В. Брима. Племенное название «Анты». «Яфетич. сборник», V, 1927, стр. 23—31.

³ См. А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени, 1919, стр. 11.

дези) и других, он видит в нем имя «вятичи»¹ и говорит: «Появление, а н, т. е. естественной передачи носового е. в этом имени, объясняю себе тем, что в я т и ч и, как ляшское племя, называли сами себя weŕis, между тем как соседние с ними восточные славяне произносили wjatič: носовой звук воспринят как а н (или е н?) хозарами, откуда vantit Джейхани и пр.»²

Таким образом, фонетическая связь между в е н т — а н т и в я т и ч и не исключается и Шахматовым.

В 1926 г. этимология племенного названия а н т была предметом специального рассмотрения германиста В. Брима (см. выше). Исходя из толкования слова, предложенного еще Шафариком в его «Славянских древностях» (1837), Брим устанавливает ряд соответствий в индоевропейских языках для слова а н т, начиная с русского ут-к-а, и из сравнительно-лексикологического анализа этого слова приходит к заключению, что по своему происхождению оно не индоевропейское, а чужое, т. е. заимствованное из другой языковой группы, и действительно находит его в языке этрусков в значении «орел». В этом значении этрусское а н т представляет собою, по толкованию автора, такой же результат более поздней дифференциации на почве этрусской, как «утка», вероятно, представляет собою продукт семантической дифференциации на почве индоевропейской. Отсюда автор делает заключение, что основным значением для того или другого названия было просто «птица». Другими словами, «утка», по предположению автора, восходит к яфетическому субстрату, означавшему «птица—крылатое существо». Этот образ, замечает автор, играл весьма важную роль в яфетическом мировоззрении, ибо он был тотемом урарто-этрусского племени, о чем писал Н. Я. Марр (см. «Яфетический сборник», I, 133—136).

Формулируя свое предположение, автор пишет: «Существовала в Европе какая-то яфетическая народность, тотемом которой была птица. На основании этрусского слова antas (орел) мы заключаем, что название птицы по звукам подходило к форме anta, а отсюда выводим племенное название antai, antes ... О существовании этого имени свидетельствует позднее название страны Anthail у Павла Диакона. От этого яфетического племени унаследовала название и та часть славян, которая выступает в истории под именем *Antai*, *'antec*, antai. Конечно, замечает автор, трудно указать, какие исторические факты обусловили этот переход названия. Но вообще нельзя считать подобные случаи редкими явлениями. От кельтского «Nemeti»

¹ А. А. Шахматов, назв. соч., стр. 35, примечание.

² Там же, стр. 38.

произошло «немцы», от «Volcae» — «волохи», «Вольны» и т. д. Таким образом, «одна часть славянского племени, жившая когда-то в стране яфетических антов, получила по стране свое имя». Сходное название кельтского имени Antobroges, означающее «жители Антии», первоначальное поселение которых обнимало южную Германию до Дуная, наличие у венгров собственных имен Antus, Ont, Onthus и факты топонимики, производные от Ant, дают основание автору «искать страну антов где-нибудь в бассейне Дуная, может быть, в южной Германии, скорее всего в Баварии».

Изложенные выше соображения В. Брима заслуживают внимания, поскольку автор ищет разрешения проблемы происхождения племенного наименования а н т в доиндоевропейской, т. е. в яфетической, давности народов Европы. Однако они далеко не разрешают проблемы этногенеза интересующего нас народа антов, имеющих к середине VI в. н. э. совершенно определенную, не вызывающую никаких сомнений локализацию далеко на восток от южной Германии. Прочно сложившаяся в VI веке лангобардская традиция, как видели мы выше, помещает «страну антов» на востоке, за землей бургундов, принадлежавших к вандальской группе германских племен и занимавших некогда территорию восточной Померании, т. е. Привислянский район, заселенный впоследствии, к концу V в. н. э., славянскими племенами лехитской группы (хижане, лютичи, поморяне — кашубы). Если исходить из этого совершенно определенного показания источников, то в поисках «страны антов» нам незачем обращаться к южной Германии уже потому, что это будет не восток от бургундов, а юг или юго-запад.

Начиная с 40-х годов VII в. анты подвергаются нападению хазар, подчинивших себе сначала славянские (антские) племена на восток от Днепра, а позже и полян на правом его берегу.¹ По теории А. А. Шахматова, усвоенной и проф. Л. Нидерле, анты под нажимом авар и хазар отступили внутрь России на Дон и Оку, в район, где в X—XII вв. сидело сильное славянское племя в я т и ч е й.

Так представляла себе исторические судьбы антов старая наука, исходившая из представления об антах только как об одном командном племени, игравшем господствующую, подчиняющую роль в ряду соседних восточно-славянских племен. Мы же рассматриваем антов этнографически, как целый комплекс восточно-славянских племен, конкретно вырисовывающийся в своем племенном составе несколько позже, начиная, предполо-

¹ См. L. Niederle. Původ a počátky slovanů východních. Oddíl I. v. IV. V. Praze, 1925, стр. 80, примеч. 1.

жительно, с VIII в. в том виде, как о нем говорит Киевский летописец. В организационно-политическом отношении этот комплекс племен целиком или частично входил в антский военно-демократический союз племен, имевший во главе мощную военно-дружинную организацию, возглавлявшуюся вождем, вроде уже известного нам Божа, погибшего в 376 г. вместе со своими сыновьями и 70 старейшинами в битве с готским Винитаром, или Межамира Идаривия, убитого аvaraми в 558 г., или, наконец, упоминаемого арабским историком Масуди Маджака, он же Μουσαχος византийских источников («Мужик?»), убитого византийскими войсками на Дунае в 593 г.

Глава II

СЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА В ДРЕВНОСТИ

Занимая уже в древности, начиная с первых веков н. э., обширные пространства на территории Центральной и Восточной Европы, начиная от Дона и верховьев Оки и Волги—на востоке и до Эльбы (Лабь) и бассейна ее притока Салы—на западе, от Балканского полуострова, северного Причерноморья и Приазовья—на юге и до Балтийского побережья и Ладожского озера—на севере, славяне, составляя в целом по языку, обычаям и всему укладу своей жизни один народ, делились на множество разрозненных племен, которые иногда вступали в соседские союзные объединения, и из этих объединений с течением времени в отдельных случаях складывались союзы племен.

В таком именно состоянии общности история застает славян задолго до образования у них, начиная с VII—IX вв., первых государственных объединений.

С другой стороны, разнородность обстановки культурно-исторического развития древних славян на востоке, на юге и на западе занимаемой ими обширной территории, в своеобразном для каждого из названных районов культурном, политическом, экономическом и этнографическом окружении, привела славянские племена с течением времени к естественному территориальному обособлению и территориальным племенным группировкам, в результате чего образовались три большие территориальные группы славянских племен—восточная, южная и западная. Со времени возникновения у славян первых государственных объединений эти три основные территориальные племенные группы, каждая в отдельности, значительно разошлись друг от друга в своем политическом и культурном развитии, что стояло в тесной связи с международным политическим, культурным и хозяйственным окружением каждой из них в отдельности. Так возникли современные три группы славянских народов: восточные, или русские, славяне (великороссы, украинцы

и белоруссы), западные славяне (полабско-прибалтийские славяне, чехи, словаки, сербы-лужичане, поляки и поморские кошубы с словинцами) и южные славяне (словенцы, хорваты, сербы, македонцы и болгары).

§ 1. ВОСТОЧНЫЕ, ИЛИ РУССКИЕ, СЛАВЯНЕ

Древнейший наш исторический источник «Повесть временных лет» или так называемая Несторова летопись, составленная в 1112 г., дает совершенно определенную картину этнографического состава восточно-славянского населения в VIII—X вв. Картина эта следующая:

1. В районе среднего течения Днепра, на правом его берегу вплоть до реки Роси, живут поляне; их административно-организационный, торговый и культурный центр город Киев.

2. К северу и северо-западу от полян, вплоть до р. Припяти, в бассейне притока Днепра р. Тетерева и притоков Припяти: Уши, Славечны и Уборти, т. е. на территории Волынской области, живут древляне, или деревляне, имея своими городами Искоростень и Вручий (Овруч).

3. На левой стороне Днепра, против полян, в бассейне рек Сулы, Десны и Сейма, в Черниговской и Полтавской областях живут северяне, или север, с городами Переяславлем, Новгород-Северским, Курском, Черниговом.

4. Севернее древлян, за Припятью и вплоть до Западной Двины на севере живут дреговичи, имевшие своими городами Слуцк, Клецк и Друцк.

5. К востоку от дреговичей, между верхним течением Днепра и рекою Сож, в пределах Могилевской области, живут радимичи; о них Начальный летописный свод (конец XI в.) сообщает: «быша от рода ляхов, прешедше ту ся вселиша».

6. Севернее радимичей, в самых верховьях Днепра и Западной Двины, в Псковской области, живут кривичи, с городами Изборском и Смоленском.

7. К западу от кривичей, севернее дреговичей и радимичей, по среднему течению Западной Двины живут родственные с кривичами полочане, с городом Полоцк.

8. Севернее полочан и кривичей, в бассейне озера Ильменя и реки Волхова в Новгородской области, живут словене, с городом Новгородом.

9. Верхнее и среднее течение Оки с ее бассейном занимают вятичи, отождествляемые позднейшими летописцами с рязанцами. По предположению А. А. Шахматова, ранее вятичи сидели южнее, в бассейне Дона.

10. В бассейне верхнего течения Западного Буга, а также

правых притоков Припяти живут бужане, они же велыняне или волыняне; раньше здесь жили дулебы; в конце VIII или в начале IX в. дулебы переселились за Припять в область дреговичей.

11. В бассейне Днестра, между Бугом и Днестром, вплоть до устьев Дуная и побережья Черного моря живут угличы, или уличы, и тиверцы; уличи имели своим городом Пересечен (сейчас с. Пересечина в Оргеевском у. в Бессарабии).

12. В бассейне Днестра, на территории позднейшей Галиции, живут, причисляемые летописцем тоже к русским славянам, хорваты.¹

Названные выше племена, образуя собою в целом русский и народ, не сидели, конечно, каждое племя в отдельности на своих местах, отгороженными друг от друга непроходимыми стенами, строго изолированными в своих районах, не имея друг с другом никаких связей. Процесс сложения племенных образований и языков, как мы уже знаем, испокон веков протекал именно в порядке племенных скрещений. С этой точки зрения названный выше племенной состав русского народа, как он зафиксирован на страницах летописи, представляет собою лишь один из этапов этногенеза, т. е. истории этнографического становления или этнографической формации русского народа. Ему предшествовал длительный процесс сложения первичных племенных образований на той же территории, уходящий своими корнями в далекое прошлое, исчисляемое десятками тысяч лет. Равным образом, данным этапом племенного становления и не заканчивался процесс сложения русского народа с его языком и культурой, выраставшего постепенно, начиная с доисторических времен, из межплеменных скрещений, растворявших предшествовавшее племенное наследие в новом племенном образовании, где это наследие продолжало пережиточно бытовать своими отложениями, как известный материальный и культурный клад предшествовавших эпох и культур.

«Сам термин «славянин», как и «русский», — замечает Н. Я. Марр, — равным образом не вклад исторических эпох в пределах России. В формации местного славянина, конкретного русского, как, впрочем, по всем видимостям, и финнов, действительное доисторическое население должно учитываться не как источник влияния, а как творческая материальная сила формирования: оно послужило в процессе нарождения новых,

¹ См. А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени, П. 1919, стр. 26—33. По Шахматову, летописец назвал только главнейшие племена, умолчав о мелких делениях этих племен, а также и о некоторых отдельных племенах, в том числе о славянах на Дону, упоминаемых арабскими писателями и другими источниками, представлявших собою здесь исконное население (стр. 33—35).

экономических условий, выковавших новую общественность, и нового племенного скрещения — фактором образования и русских (славян) и финнов. Доисторические племена, следовательно — по речи все те же яфетиды, одинаково сидят в русских Костромской губ., как и в финнах, равно и в приволжских турках, получивших вместе с финнами доисторическое праурало-алтайское рождение из яфетической семьи, разумеется, — более раннее, чем индоевропейцы получили из той же доисторической этнической среды свое праиндоевропейское оформление, но конкретные народы — русский, финский и турецкий — Приволжского района можно располагать хронологически в порядке лишь событий исторического значения, но отнюдь не в смысле явлений этногенетического характера, поскольку речь идет о генезисе новых видов. Происхождение новых исторических видов протекало путем отнюдь не влияния, а неизбежно возникавшего, на экономической базе концентрации этнических масс, скрещения многочисленных видов доисторического типа, до нас вовсе не дошедших в совершенно чистом виде во всем обширном районе, если даже не забывать о чувашах».¹

Прекрасную иллюстрацию этого основного положения глоттогонии и этногонии народов на территории европейской части СССР Н. Я. Марр дает, между прочим, в статье «Чуваша-яфетиды на Волге», посвященной вопросу о русско-финских языковых отношениях, на интереснейшем анализе, в частности, слова «юг», имеющегося сейчас в финском языке и одновременно в русском и ошибочно рассматривавшегося до последнего времени в старой этнографической и лингвистической науке как «доказательство когда-то бывшего сплошного инородческого (подразумевай: финского) населения края».²

Племя — «это определенное скрещение ряда племен».³ «Это построение одной из входивших в его состав производственно-социальных группировок, с которой и переносилось на всё племя ее название, оно же — звуковая сигнализация магической силы, оси соответственного объединения...».⁴

Возвращаясь к вопросу о племенном составе восточного славянства в VIII—X вв., как он рисуется летописью, необходимо отметить несколько фактов, подчеркиваемых летописцем, очевид-

¹ Н. Я. Марр. Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий. Избр. раб., т. V, стр. 305 сл.

² В. Н. Смирнов. Из вопросов и фактов этнографии Костромского края. Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. XXXIII, Кострома, 1924.

³ Н. Я. Марр. Из переживаний доисторического населения Европы. Избр. работы, т. V, стр. 314 и сл.

⁴ Н. Я. Марр. Яфетические зори на украинском хуторе. Избр. раб., т. V, стр. 229.

но, на основании еще живой тогда, бытовавшей при нем традиции, которые отчасти вскроют перед нами картину процесса формирования тех племенных образований, которые отмечают-ся как сложившиеся уже ко времени летописца. Это, во-первых, показание летописи о дулебах: раньше они жили по Бугу, говорит летописец, где ныне живуг в олыняне, называвшиеся прежде бужанами. Известно, что в конце VIII или в начале IX в. дулебы вывелись с правого берега Припяти (нынешняя Украина) на левый, в область дреговичей, т. е. на территорию нынешней Белоруссии.

Во-вторых, говоря о радимичах, которые жили между верхним течением Днепра и Сожем, т. е. в восточных районах нынешней Белоруссии, летописец дважды отмечает их ляшское происхождение. Появление в области дреговичей выходцев с запада, радимичей, вероятно, соседивших, но не принадлежавших, как утверждает Шахматов, к группе западно-славянских племен, Шахматов ставил в связь с распадом аварской державы (IX в.) и продвижением авар после разгрома их франками во главе с Карлом В. и его сыном Пипином, начиная с 791 года, на северо-восток и восток. В связи с этим появление в области дреговичей племени радимичей Шахматов, без всяких оснований называющий их ляшским племенем, относит к IX в. Под давлением аварского гнета тогда же ушли с Волыни за Припять, в область дреговичей и дальше в бассейн Западной Двины и реки Великой, и дулебы. На это движение дулебов с Волыни и Галиции, первоначального места их поселения, на север, в нынешнюю Белоруссию и примыкающие к ней с севера псковские районы, указывает, по Шахматову, наличие названий селений «Дулебы», с одной стороны, на Волыни и в Галиции, с другой — в Белоруссии и в б. Псковской губ.¹

Что касается «ляшских», по Шахматову, племен, осевших в области дреговичей, т. е. на территории русских племен, которые лежат в основе нынешнего белорусского языка и белорусского народа, то этот исторически засвидетельствованный факт объясняет собою наличие в современном белорусском языке ряда условно называемых ляхизмов — зрде свистящего произношения мягких *m* и *d*. Таким же путем «ляшские» элементы проникли и в восточно-славянский язык западной отрасли кривичей (древне-псковское наречие): смешение звуков *ш* и *с*, *ж* и *з*, *ч* и *ц* — (польское «мазураканье»), польские сочетания *дл* и *мл* вместо восточно-славянского звука *л* (вед ли, откуда ве гли в м. вели; жа д ло, откуда жа г ло в м. жало и т. п.).²

¹ См. А. А. Шахматов, назв. соч., стр. 37 и сл.

² Там же, стр. 38.

Таким образом, мы имеем совершенно ясную картину того, как в среде племен, составлявших единый русский народ (лосточные славяне, или русские славяне), уже в древности, именно в IX в., возникают, в процессе межплеменных скрещений, зародышевые начала позднейшей языковой дифференциации, не говоря уже о том совершенно естественном факте, что отдельные восточно-славянские, т. е. русские, племенные языки испокон веков имели свои диалектические отличия потому именно, прежде всего, что племенные образования и их языки всегда возникают в процессе межплеменных скрещений. Вновь возникающие же племенные скрещенности, т. е. новые племенные образования, как и их языки, всегда хранят в себе пережиточное и культурное наследие своих предшественников.

Такими предшественниками русского народа, как и его языка, на всей занимаемой им сейчас территории, были народы глубокой древности, стоявшие в своем культурном и языковом развитии на доиндоевропейской или яфетической стадии развития. Такими народами на юге и юго-востоке европейской части нашего Союза в I тысячелетии до н. э. были киммерийцы, они же кимеры или иберы, затем — скифы и сарматы, известные древне-греческим авторам, начиная, по крайней мере, с V в. до н. эры. Названным народами не исчерпывается, однако, весь этнографический состав населения восточно-европейской части нашего Союза в древности. В него входил также и народ этруски и некоторые другие. Это наследие вскрывается лингвистической палеонтологией, т. е. наукой о древнейших слоях или отложениях в современных языках. Н. Я. Марру принадлежат огромные в этой области открытия. Эти открытия дали ему основания утверждать, что «славянский», понимаемый палеонтологически, есть скифский, вернее киммерский; что «славянский», в приложении к древности восточных славян, лучше заменить просто термином «русский — этрусский», отнюдь не менее древним в Восточной Европе, чем «киммерийский — славянский».¹

§ 2. ЗАПАДНЫЕ СЛАВЯНЕ

ПОЛАБСКО-ПРИБАЛТИЙСКИЕ (ПОМОРСКИЕ) СЛАВЯНЕ

Положительные исторические свидетельства говорят о том, что в VI столетии н. э. славяне занимали уже всю нынешнюю восточную Германию вплоть до средней Эльбы и Салы, одного из юго-западных притоков Эльбы, где, впрочем, славяне под именем мугилов отмечены уже греческим географом

¹ См. Н. Я. Марру. Чувашско-яфетиды на Волге. Избр. раб., т. V, стр. 352.

Страбоном в I в. до н. э., а также распространялись и значительно далее на запад от Эльбы, о чем свидетельствует, в частности, и установленная в 805 г. Карлом Великим *limes sorabicus*, т. е. «сербская граница»: на восток от этой границы сидели славяне, на запад — германцы. Отдельные славянские колонии под именем *Selavi* фигурируют, однако, в источниках и далеко на запад от названной границы, вплоть до Рейна.

Письмо папы Николая I от 864 г. говорит о Гамбурге — «В пределах (в области) славян, датчан и саксов». Другой источник того же времени (845) называет Гамбург «Городом славян». Компактное славянское население простиралось здесь вплоть до линии Кильнеймюнстер — р. Альстара — Гамбург — Магдебург и т. д. У Люнебурга компактное славянское население переходило на левый берег Эльбы. Соседний с Люнебургом район р. Итцель (сл. Йесна), населенный некогда славянским племенем *древане*, сохранял свое славянское население вплоть до XVIII в. и до сих пор носит название *Dravehn* и *Wendland*, т. е. земля вендов, а вендами немцы называли славян.

Далее на юг западная граница компактного славянского населения охватывала район Магдебурга и бассейн Салы с городами Галле, Мерзебург, Йена, Эрфурт, Гота и далее на запад вплоть до городов Геттингена, Герсфельда, Фульда, Бамберга, Норинберга, Донауворта в верховьях Дуная и т. д.

Мы располагаем богатейшими по материалам западными источниками X, XI, XII и XIII вв., которые совершенно ясно в своих сообщениях рисуют славянский облик этнографического состава населения указанной выше обширной территории современной Германии. При этом надо отметить, что население это не носило спорадического характера, не было вкраплено среди какого-либо иноязычного этнографического элемента, но представляло собою массовое, количественно весьма значительное население, что давало основания баварскому географу IX в. сказать о нем — *non sunt nati, sed seminati*, т. е. славяне своею численностью производили на этого автора впечатление, что они «не рождаются, а как бы вырастают путем посева». Это были, прежде всего, полабско-балтийские славяне. В источниках они чаще всего известны под именем — *Sclavi* или *Slavi*, *Sclaveni*, *Sclavini*, *Sclavoni*, реже — *Windi*, *Winidi*, *Wenedi*, *Winithi*, *Wenethi* и т. п., откуда в германские языки вошло название для славян *Wenden* или *Winden*. Область, занятая славянами, а позже специально область, примыкавшая с правой стороны к нижнему течению Эльбы, называлась *Sclavia*, *Slavia*, *Sclavania*, *Windland*, *Vinland*, *Veonodland*, *Winedaland*, *Wenedonia*.

Это сплошное славянское население на территории нынешней Германии распалось на четыре основные области:

1. Область сербов, расположенная под Судетскими горами; на востоке она граничила с чешскими племенами, на западе — с поляками.

2. Область ободричей, или бодричей, у нижней Эльбы.

3. Область лютичей, или велетичей, — к востоку от ободричей вплоть до реки Одры.

4. Область поморян между Одрой и Вислою.

Население этих областей состояло из ряда племен, объединенных, за исключением сербов, в политические союзы.

В источниках эти области, а иногда и отдельные более крупные племенные единицы, носят название terra, provincia, regio. Население их составляло natio, populus, gens. Племенные единицы меньшего размера, размера рода, а равно и занимаемая ими территория носят обычно название pagus, т. е. округ, обнимающий несколько родов, группировавшихся вокруг своего укрепленного центра—urbs, civitas, castra, castella; неукрепленные славянские населенные пункты именуется в источниках—oppidum, suburbium, villa.

Подлинных городов у полабско-балтийских славян было, однако, мало; большею частью это были укрепленные пункты с прилегающими к ним деревнями, что и составляло так называемый pagus.

Основную древнейшую организацию у западных славян составлял род; во главе родов стояли начальники, именующиеся в источниках обычно—primores, meliores, praestantiores. Группируясь вокруг того или иного центра, отдельные, ближе родственные между собою роды постепенно складывались в племена, начальники которых обыкновенно именуется в источниках термином principes, реже—dux, regulus, subregulus, rex.

В IX в. впервые у ободричей выступает славянский титул князь. Некоторым из таких князей удавалось объединить под своей властью ряд соседних племен и образовать довольно крупные политические союзы племен. Уже в самом начале IX в. (806) упоминается в источниках имя одного из таких князей у полабских сербов, Миллидух, которого источник называет «rex superbus, qui regnabat in Siurbis».¹ В конце VIII в., в 789 г., у велетов называется Драгавита, который — «ceteris wiltzorum regulis et nobilitate generis et auctoritate senectutis longe praeminebat».²

Но в общем полабско-балтийские славяне к IX—X вв. не успели сложиться в единую государственность и жили отдельными, разрозненными племенами и родами, иногда частично

¹ Гордый вождь (князь, король), который правил сербами (у сербов).

² Значительностью рода и авторитетом старшинства намного возвышался над прочими старшинами велетов.

объединенными в более или менее крупные политические союзы. Иногда они объединялись в такие союзы по мере надобности, но чаще оставались все же разрозненными многочисленными племенными и родовыми демократическими организациями.

Из славянских политических союзов с конца VIII в. известны:

1) на нижнем течении Эльбы, примыкая своею западной границей к линии Гамбург—Люнебург, действовал союз ободричей, или бодричей, объединявший в своем составе, кроме ободричей, племена вагров, полабан, смолинцев и илинян;

2) в центре полабско-балтийской славянской области на нижнем Одре действовал мощный союз лютичей, или велетов, в состав которого, кроме лютичей, входили племена: хижинь, запеняне (от имени р. Пена), доленцы и ратарь;

3) далее на восток, между нижними течениями Одры и Вислы, был известен союз поморян.

Центром союзной государственности бодричей был город Вилиград, который источники обычно именуют Miklinburg, затем—Зверин, Виссемир, или Висмар, Розток у устья Варны.

Наименование народа ободричи может означать народ, живший некогда по обе стороны р. Одры.

Центром племени вагров был нынешний Ольденбург. Славяне держались здесь до XIV столетия.

Центром полабан был город Ратибор, нынешний Ratzeburg, а также Любице, нынешний Любек.

Из полабских славян дольше всех, вплоть до XVIII в., удержались древаняне, бывшая область которых, как было указано выше, и до сих пор известна в немецком языке под именем Dravehn.

На долю племени лютичей, или велетов, велетов, русск. волоты, известных также и под именем вёлков, выпало наиболее стойкое сопротивление немецкому нашествию. В источниках они характеризуются как—fortitudine celebres («славные храбростью»), а также durissimi, ferocissimi («суровейшие, храбрейшие»). Имя этого народа известно на востоке у русских славян в значении великан, исполн.

Центром запенян был, между прочим, нынешний город—Gützkow.

У ратарей крупным культовым центром был хорошо укрепленный г. Ридегост, впоследствии Ретра, имевший девять ворот и знаменитый, художественно украшенный храм с золотой статуей бога Сварожича—Радогоста с оракулом, куда предпринимали путешествия славяне со всех концов. Ретра

считалась германцами одним из главнейших языческих городов. Источник говорит об этом городе: «civitas vulgaissima Rethere, sedes ydololatriae, metropolis Sclavorum Rethre, antiquissima urbs».¹

Расположен был этот город в районе Доленского озера, теперь Tollensee, но точно его местоположение неизвестно.

В 1121 г. этот город был разрушен и сожжен Лотарем. Племя ратарей стояло во главе всех лютицких племен.

Особую группу составляли западно-славянские племена, населявшие острова, расположенные в Одерском заливе: У з н о и м, В о л и н и Р у я н а.

Наиболее знаменитыми из них были р у я н е, п л и р а н ы, р у н ы и р у т е н ы, что означает русские.

Источники говорят о них «gens fortissima sclavorum»; «Sunt autem Rani, qui ab alliis Runi appellantur, populi crudeles, ydololatriae supra modum dediti, primatum praeferentes inomni Sclavorum natione».²

Эту славу руяне приобрели потому, что после разрушения Ретры их святилище в г. Арконе стало во главе всего славянского язычества. Кроме того, в XI—XII столетиях руяне славились своим пиратством и своими богатствами, накопленными в Арконе.

Арконский Свантовит был первейшим из богов у славян, потому что его победа была самою блестящею, а его вещания считались самыми действительными. В арконский храм, посвященный этому богу, стекались огромные богатства в виде налогов и даров со всех славянских земель. Это был цветущий город. В 1168 г. он был разрушен датчанами под предводительством короля Вальдемара, и после того слава руян навсегда померкла.

На северной оконечности острова, вблизи современного поселка Puttgarten, высоко над гладью Балтийского моря в настоящее время видны только остатки мощных валов, указывающих место, где когда-то стояла Аркона со своим знаменитым храмом Свантовита.

Вслед за Арконою вскоре были разрушены и храмы богов Ругевита, Перевита и Порепутя в соседнем городе Кореница (теперь город Garz) внутри острова.

Такою же славою, как Аркона, в средние века пользовался славянский город Волин, расположенный на одноименном острове. Германцы называли его Винета. В источниках он указывается как самый знаменитый и самый большой из славянских

¹ Известнейший город Ретра, центр идолослужения, столица ретрских славян (ратарей), самый древний город.

² Самое сильное славянское племя. Раны же, именуемые другими руны, народ жестокий, сверх меры преданный идолослужению, преимущественно выдающийся среди всего славянского народа.

городов в Европе, полный богатств, драгоценностей, роскоши. В этом городе жило много иностранцев, больше всего греков, датчан и северных викингов, обосновавшихся с половины X в. неподалеку, в городе по имени Й о м с б у р г. Однако и Волин постигла та же участь, что и Аркону.

Центром группы племен, расположенных между нижним течением рек Одры на западе и Вислы—на востоке и известных под общим именем п о м о р я н, отложившихся в современном немецком Pommerн, в XII в. был сильно укрепленный город Стетин, расположенный несколько ниже устья Одры. Источники о нем говорят: «civitas antiquissima et nobilissima in terra Pomegranorum, materque civitatum».¹

Кроме Стетина, у поморян было много и других городов: П ы р и ц а (нем. Püritz), К а м е н ь (нем. Camin), С т а р г р а д, Белград, Колобрег, Славия (нем. Slawe, Schlawe), Гданск и др.

Историческую борьбу славян с немцами, закончившуюся полным поражением и гибелью почти всего славянства на указанной выше территории, начал франкский король Карл Великий (742—814).

Имевшие место до Карла столкновения славян с германцами на западной границе носили местный характер и не имели существенного значения.

В 782 г. Карл начал наступление на славянские племена с е р б о в в области среднего течения Эльбы и ее притока Салы; в 789 г.— на л ю т и ч е й. Войны Карла со славянами закончились подчинением сербов и лютичей. В 805—806 г. пал вождь сербов Милидух. Дальнейшее завоевание славянских племен на территории нынешней восточной Германии продолжали его преемники—Генрих I (876—912) и Оттон I (936—973). Завоевание славян, однако, давалось немцам не легко: нередко они несли поражения, сопровождавшиеся тяжелыми потерями. Упорнее держались против немецкого натиска залабские сербы, но уже к концу X в. они были окончательно поработаны германцами.

Труднее было справиться завоевателю со славянами, сидевшими севернее сербов, с лютичами, бодричами и поморянами, которые вплоть до второй половины XII в. упорно защищались против немецкого меча и креста. История этих народов полна трагического героизма и беспощадной мести по отношению к насильникам, стоившей тысяч жертв немецкому духовенству,

¹ Древнейший и знаменитейший город в земле поморян и мать городов.

которому славяне-язычники разбивали черепа пополам в знамение креста. В 939 г. немецкий граф Герон, который в течение 25 лет вел непрерывную войну против славян, коварным образом убил 30 славянских князей, а в 954 г. разбил славянское племя у к р а н ц е в. Оборонительный союз велетских племен вместе с бодричами, сложившийся в 955 г., вплоть до 983 г. оказывал мужественное, но безрезультатное сопротивление немецким завоевателям, и первое покорение славян было закончено.

В завоеванных славянами областях немцы стали усиленно насаждать христианство, строить монастыри и организовывать церковное управление.

Однако в 983 г. пришло известие, что Оттон II потерял в южной Италии поражение, и 29 июня в Гавельберге и в Бранденбурге вспыхнуло первое и успешное восстание славян против своих насильников, имевшее в результате освобождение лютичей и бодричей от немецкого гнета. Но в 1019 г. немцам с помощью датского короля Кнута удалось, в конце концов, временно сломить объединенные силы лютичей и бодричей, которые, однако, не складывали оружия и, начиная с середины XI века и до начала XII, оказывали успешный отпор завоевателю.

На помощь немецкому мечу явился римский крест, и в середине XII в. римским папой был организован крестовый поход против славян, в котором приняла участие 100-тысячная армия. Последствий этого похода славянам удалось избежать принятием, по видимости, христианства.

Начиная с 1158 г. ежегодно начинают нажимать на прибалтийских славян датчане. В 1168 г. была с моря и с суши обложена Аркона на о. Руяне и после непродолжительного отпора сдалась и была разрушена. В 1177 г. был сожжен датчанами Воллин.

В 1193 г. в г. Горе (нын. Берген) на о. Руяне уже был основан монастырь, а в 1404 г. умерла последняя женщина, которая, как говорят, еще говорила со своим мужем по-славянски.

На о. Узноим славянское население исчезло во второй половине XIII столетия.

К XIV столетию окончательно был германизован и о. Волин со своим знаменитым городом.

Вообще о славянах на севере в XIV столетии уже нет речи. Несколько дольше из полабских славян держались только остатки д р е в а н в Люховском крае.

Таким образом, во второй половине XII в. все бодричи, лютичи и поморяне подпали под немецкое владычество, которое было связано для них не только с утратой политической независимости, своего старого культа и своей старой народной культуры, но и с утратой своей народности.

С этого времени начинается быстрое исчезновение всех полабско-прибалтийских славян, для чего со стороны завоевателя были приняты все необходимые, специально на этот счет рассчитанные меры.

Наступление германцев на славян сопровождалось неслыханными жестокостями. Все на пути завоевателя предавалось им огню и мечу. *Ferro et igni vastavit*¹—обычная фраза в источниках, характеризующая наступление германцев. При взятии городов завоеватель уничтожал все мужское население, а жен и детей забирал в рабство. Города и деревни выжигались, а если им удавалось с течением времени восстановиться, то они вновь подвергались той же участи, и это повторялось несколько раз. Так, например, на о. Руяне в 1060—1068 гг. были уничтожены все славянские поселки и города. В открытых боях славяне уничтожались тысячами. Огромные, густо населенные пространства обращались германцами в пустыню. Так, например, один из источников (Гельмольд) сообщает под 1164 г.: «*Omnis igitur terra obodritorum et finitimae regiones assiduis bellis, maximo vero hoc novissimo bello tota in solitudinem redacta est... Si quae slavorum extremae remanserunt reliquiae, tanta inedia confecti sunt, ut congregatim ad pomeranos sive ad danos fugere cogentur*»², и подобные факты отмечаются в данном источнике как обычное явление. Источник говорит: «Если от славян оставались какие-либо остатки, то, вынужденные голодом, они бежали». Таким образом, славянское население предавалось завоевателем физическому уничтожению, как физическому уничтожению подлежал и всякий, отказывающийся от обращения в христианство. Типичным в этом смысле «миссионером» христианского культа среди славян в XII в. был известный епископ Абсолон.

Конечно, о массовом уничтожении местного населения при хищническом нападении на него со стороны германцев не могло быть и речи: это не отвечало бы жизненным интересам светских и церковных князей. Война со славянами в X—XII вв. велась немцами с теми же захватническими целями наживы, с какими и сейчас ведутся империалистические войны. Завоевателю нужна была не только военная добыча, но и постоянный на будущее время источник доходов и материального обогащения. И он этого добился: не уничтожая поголовно физически местное славянское население, путем системы денационализации он привел

¹ Опустошил огнем и мечом.

² Итак, вся земля бодричей и соседние области, вследствие постоянной войны, а больше всего—вследствие этой позднейшей войны, целиком были обращены в пустыню... Если от славян и остались какие-либо остатки, то они были так изнурены голодом, что вынуждены были толпами бежать к поморянам или датчанам.

его, в конце концов, к фактическому уничтожению, как несколько позже, начиная с XIII в., немцами же был уничтожен и литовский народ и русы, от которого до наших дней сохранилось только наименование их страны—Пруссия.

Когда славяне были приведены завоевателем к полному порабощению и крепко взяты в узду организацией чуженационального церковного и военно-административного управления, немецкие епископы и князья стали массово заселять бывшие славянские земли своими колонистами-немцами из западных районов в целях противодействия и подавления славянских восстаний и тем самым упрочения своего владычества, а также и в хозяйственных целях.

Немецкие колонисты, успевшие к этому времени освоить более высокую технику, были для немецких помещиков и монастырей более выгодным объектом эксплуатации, чем отсталые в техническом отношении славянские крестьяне. Сравнительно с немецкими колонистами славяне держались на положении бесправного населения, что тем более лишало их возможности подняться и окрепнуть в культурном и хозяйственном отношении.

Славяне были лишены права селиться в немецких городах, а если иногда это им и разрешалось из милости, то для поселения им отводились обыкновенно только окраины.

Славяне были исключены из ремесленных цеховых организаций и т. п. Все эти мероприятия привели постепенно местное славянское население к полной денационализации и к утрате им своих национальных бытовых особенностей и своего языка. В некоторых районах эта денационализация славянского населения шла быстрее, а в других, наиболее глухих, медленнее; быстрее ей поддавались верхи славянской общности, медленнее — массовое крестьянское население. На западе, в районах Эльбы и Салы, населенных племенами сербов, поблизости к исконной границе германцев, процесс денационализации или германизации славянского населения шел быстрее, на востоке — медленнее, как это имело место, например, у сербов-лужичан, сумевших в своей небольшой горсточке сохранить и свою национальность и свой язык вплоть до последнего времени. Какова сейчас судьба этого маленького энергичного, талантливого и жизнеспособного народа, численность около 150 тысяч человек, имевшего еще до 1933 г. и свои школы на родном языке, свои газеты и журналы, свою литературу и целый ряд своих культурно-просветительных учреждений, — неизвестно.

Характеризуя наступившее вместе с немецким завоеванием ободричей успокоение в стране полабских славян, историк XII в. (Гельмольд) пишет: «*Omnia enim sclavorum regio, incipiens*

ab Egdora (река, впадающая у г. Кюля в Балтийское море, западная граница массового славянского населения), qui est limes regni danorum et extenditur inter mare Balticum et Albiam (приток Эльбы у Гамбурга, слав. Билена?) per longissimos tractus usque Zuerin (центр земли бодричей, теперь г. Шверин), olim insidiis horrida et pene deserta, nunc dante Deo tota redacta est veluti in unam saxonum coloniam, et instruntur illic civitates et oppida, et multiplicantur ecclesiae et numerus ministrorum Christi».¹

Германизация западных полабских славянских областей вслед за завоеванием шла так быстро, что к XV столетию славяне представляли собою здесь в среде немецкого элемента только жалкие остатки. Во второй половине XV в. уже очень редко встречаются славяне между Эльбой и Одрой. Несколько дальше — до начала XVI в. — держались славянские поселения в области нижней Эльбы, в юго-западной части Мекленбурга. И только за Эльбой, в Люнебурге, в окрестностях старого города Люкова, как отметили мы выше, в бывшей области древлян и глинян, каким-то чудом славянская речь сохранялась еще в XVIII в. В 1751 г. в Люнебурге в последний раз было совершено богослужение на славянском языке. В 1798 г. умер в деревне Кремлине последний крестьянин по имени Варац, который еще знал по-славянски «Отче наш». В настоящее время на обширной территории прежних бодричей и лютичей, в нынешней области Вендланд, славянская речь совсем замерла; полабского языка уже не существует.

Нельзя не отметить при этом, что первая заслуга в деле собирания остатков вымирающего языка полабских славян принадлежит знаменитому Лейбницу (1646 — 1716), но наибольшая заслуга в этом деле принадлежит русскому ученому, известному собирателю онежских былиц, слависту А. Ф. Гильфердингу (1831 — 1872), и знаменитому немецкому лингвисту Августу Шлейхеру (1821 — 1868).

Германизация восточной ветви полабско-балтийских славян, поморян, более отдаленной для наступающего завоевателя, началась позже. Христианство утвердилось здесь только во второй половине XII в. (1167), когда князья славянских племен приняли германское подданство. Затем началось в крае строительство монастырей, которые и явились первыми проводниками в крае немецкой колонизации. К концу XIII в.

¹ Вся же славянская область, начиная от Эгдоры — границы датского государства, тянется между Балтийским морем и Альбией через обширнейшее пространства вплоть до Зверина, некогда жестоко и почти целиком опустошенная пожарами, ныне вся, благодаря богу, обращена как бы в одно саксонское поселение (колонию), и отстраиваются здесь города и села, и умножаются церкви и число служителей христовых.

славянский элемент был здесь уже значительно сломаен, а в XIV в. о славянах в этом краю уже нет речи.

Остатком поморских славян являются сейчас два незначительных численностью народца, кашубы и словяницы, живущие—первые на небольшой территории у дельты Вислы в количестве около 200 тысяч человек; вторые—на Балтийском побережье у Лебского озера в количестве 200—250 человек.¹

ЧЕХИ—МОРАВАНИ—СЛОВАКИ

В древности, задолго до н. э., территория Центральной Европы была населена племенами, различными по стадильности своего доиндоевропейского культурного развития и различными типологически по степени дифференциации своего этнографического становления (этногенеза).

К концу I тысячелетия до н. э. на территории Чехии, Моравии и Словакии уже сложились, повидимому, известные культурные центры, более или менее дифференцировавшиеся этнографически в эмбрионально-зародышевые группы будущих национальностей. Эти группы, совершенно естественно, и выступают, прежде всего, в исторических источниках, греческих и римских, под тем или иным определенным племенным наименованием: сначала кельты, потом германы, наконец, значительно позже—славяны. Однако, называя ту или иную группу населения кельтами или германцами, источники очень часто употребляют эти племенные наименования не в узко этнографическом, а прежде всего в организационно-политическом смысле, т. е. как наименования целого комплекса племен или союза племен различной культурной стадильности и различных типологически по своему этногенезу, вроде уже известных нам наименований—скифы, сарматы, готы, гунны и т. п. Эти наименования, какого бы они происхождения ни были, на чем мы сейчас останавливаться не будем, вначале означали, в действительности, чаще всего не народ, не племя, как этнографическую группу, но даже гораздо более узкую группу, нежели само племенное образование. Они были, прежде всего, наименованием только организующего, ведущего, центра—гегемона того или иного племенного образования, спланивавшего затем под своим именем в племенное объединение и в союз племен целый ряд территориально смежных, не только культурно-родственных, но и культур-

но разнородных вначале племенных образований. Поэтому, если древнейшим, исторически засвидетельствованным, начиная с половины II столетия до н. э., народом на территории нынешней Чехии были боийи, которых источники (Посейдоний из Апамен, 123—45 гг. до н. э., и на основании его затем Страбон, 63 г. до н. э.—19 г. н. э.) называют кельтами, то это не значит, что вся территория Чехии в это время была заселена именно и только кельтами. Наряду с кельтами боийями и одновременно с ними здесь же сидели и другие племена, но кельтское племя бойев в это время играло, очевидно, ведущую, объединяющую роль в ряду целой группы племен, возглавляя собою, вероятно, целый союз племен, имена которых остались нам неизвестными: их покрывало имя организующего племенного центра. Поэтому, когда по показанию Страбона, на территорию Чехии вторглись кимвры, они были разбиты именно боийями в 114 г. до н. э. и ушли частью к Дунаю, частью к скордискам на р. Саву. По показаниям источников, боийи занимали не только территорию Чехии, но также и территорию древней Паннонии и представляли собою самое мощное кельтское племя.

В северных районах Моравии и прилегающих к ним районах Силезии Тациту было известно кельтское племя—котины, игравшее здесь, очевидно, ту же политическую роль, какую на территории Чехии играли боийи.

На востоке, по р. Тиссе, паннонские боийи граничили с владениями даков. Около 63—60 гг. до н. э. знаменитый вождь даков Буриvista разбил паннонских бойев и разорил дотла их страну, в связи с чем районы Потисья, населенные некогда боийями, получили имя «Бойской пустыни». Что же касается чешских бойев, то последней хронологической гранью их пребывания на территории Чехии считается обыкновенно середина I столетия до н. э.

В 9 и 8 году на территорию Чехии вторгаются Полабья под натиском римлян маркоманны, или маркманны, одно из германских племен обширного племенного союза свевов. В Моравию в это же время вторгаются германцы квады. Во главе вторгшихся на территорию Чехо-Моравии германских племен стоял некто Маробуд, характеризуемый в источниках, как муж «выдающегося роста, смелой мысли, варвар больше по роду, чем по разуму». Ему удается вскоре объединить под своею властью целый ряд как ближних, так и дальних племен и образовать мощный союз племен, имевший своею целью борьбу с Римом.

Долго ли маркоманны и квады оставались на территории Чехо-Моравии—вопрос остается открытым; чешские историки расходятся в своих мнениях по этому вопросу. Так, например, Новотны не только отводит им довольно длительный

¹ См. L. Niederle, Slovanské starožitnosti. Díl III, v Praze, 1919, Kapitola, Slované Polabsko—baltičti, стр. 101—180; М. Любавский, История западных славян. М. 1918; Д. Н. Егоров, Колонизация Мекленбурга в XIII в., т. I—II, М. 1915, 1916; А. Ф. Гильфердинг, История Балтийских славян. Собр. соч., т. IV, СПб. 1874.

период господства в Чехо-Моравии, чуть ли не до конца IV и начала V в., когда на ту же территорию на короткое время вторгаются лангобарды, но и считает Чехо-Моравию именно основной, исходной базой, на которой, начиная со второй половины II в. н. э., разворачиваются крупнейшие операции известной Маркоманнской войны германских племен с римлянами, закончившейся только во второй половине IV в. Решительно иначе по этому вопросу высказывается проф. Л. Нидерле, который полагает, что пребывание маркоманнов и квадров на территории Чехо-Моравии длилось всего только каких-нибудь 30 лет или несколько больше и что местом концентрации их поселения и их силы были обширные пространства Подунавья, между реками Моравою и Цусом, куда они были водворены Августом в 21 году.

Старая буржуазная наука в своих объяснениях происхождения отдельных славянских народов, как известно, исходит обыкновенно из теоретически предполагаемой славянской прародины в Прикарпатье. Отсюда она выводит и всех западных славян, в том числе и современных чехов и словаков, ведя их от Вислы через Одер или Одру в Чехию и в Моравию, а через Западные Карпаты—в Венгрию. Когда чехи и словаки появились из своей фантастической прародины на свою подлинную родину, для индоевропейца Нидерле неизвестно. Во всяком случае, в VI в., утверждает он, славяне уже сидели на Эльбе. К этому же, стало быть, времени можно считать законченным и процесс водворения славянских племен на территорию Чехо-Моравии и Словакии.

Наша точка зрения исключает какую бы то ни было необходимость прибегать в данном случае к теории прародины и вести чехо-словаков на их настоящую родину откуда-то со стороны. Как и все прочие народы центральной Европы, за исключением позднейших, заведомых выходцев с востока, какими являются, например, гунны или авары, славянские племена Чехо-Моравии и Словакии сложились в длительном процессе племенных скрещений, уходящем своими корнями в далекое дославянское доисторическое время, на той же территории, которую они исторически занимают и в настоящее время. Об этом говорит и разнообразие диалектов Чехии, распадающихся на три основные группы: юго-западную, среднюю и северо-восточную; то же в Моравии и Словакии; о том же говорят и данные археологических раскопок, вскрывающие ярко бросающуюся в глаза разницу культур между северными и южными чехами в языческую эпоху, и т. п.

Исторические данные о племенном составе чешского народа в древности восходят только к X в. В начале XII в. их дополняет чешский летописец Козьма Пражский (1039—1125).

Более крупными чешскими племенами, согласно показаниям источников, были л у ч а н е—в северо-западном углу чехо-словацкой территории на р. Огре; ч е х и—в центре страны; з л и ч а н е—ближайшие соседи чехов с востока, и, наконец, х о р в а т ы—в северо-восточном углу чешской территории. К более мелким родовым и племенным организациям принадлежали: поселение Т у г о с т—в юго-западной части чешской территории; с е д л и ч а н е с городом Седлце у нынешнего города Карловы Вары; л и т о м е р и ц ы—у устья Огры при впадении ее в Лабу (Эльбу); д е ч а н е—на Лабе, на северной окраине чешской территории; л е м у з ы—рядом с дечанами на левом побережье Лабы; п ш о в а н е—рядом с лемузами на правом побережье Лабы; д у д л е б ы—в южной части чешской территории (ср. «дулебы» киевского летописца).

Среди названных чешских племен самым значительным, наиболее сильным и наиболее выдающимся были ч е х и.

Этому именно племени принадлежит инициатива объединения не только родственных чешских, но также и моравских и силезских племен в единый чешский народ, они-то и создали знаменитый политический и культурный центр в Праге. Имя этого города выступает в источниках только с X в., чаще в верхней-немецкой форме Б р а г а, но богатейшие археологические находки в окрестностях Праги свидетельствуют о том, что город этот существовал гораздо ранее X в., с древнейших времен заселения его территории.

Уже в VII в., как предполагают чешские историки (Новотны, Нидерле), чешское племя со своим центром Прагой явилось исходным пунктом освобождения в 623 г. вождем Само чешских и словацких славян от аварского, а вскоре после этого и от немецкого ига и объединения их в самое крупное тогда славянское государство.

Хотя объединение группы родственных племен в единый ч е ш с к и й народ восходит, по видимому, ко времени позднее X в., тем не менее уже с конца VIII в. в латинских источниках выступает коллективное имя Воетми, Bohemii и т. п. в значении объединенного народа, в состав которого входил ряд отдельных племен, продолжавших управляться своими племенными вождями (duces). Термином Bohemii иностранцы, соседи чешского народа, обозначали в это время не какое-либо отдельное племя, но союз родственных племен и называли этим именем чешских славян не только в тех случаях, когда речь шла о внутривременных отношениях в стране, но и когда речь шла об этом народе и за ее пределами.

Что касается племенного названия ч е х, то это имя впервые исторически засвидетельствовано только с половины X в., в известной легенде о св. Вацлаве (Вячеславе): Ч е с и, — В о р о т и-

слав князь в Чехах,—Вячеслав князь чешский,—чех. Киевский летописец постоянно употребляет только — Чехи, чешская земля; позже, в памятниках XII—XIV в., встречается форма Чахы, Чяхы.

Значение термина чех неясно, несмотря на многочисленные попытки его истолкования. Так, например, Добровский производил его от основы *čet—,*čit— (ср. чешск. počiti, počatek—начать, почать, начало) и переводил термин чех, как «идущий первым», а слезане—это следующие за ним следом; Юнгман видел в нем сокращение имени Чеслав; Шафарик видел в термине чех аппеллятивную форму от глагола čaju—čach—čech. Позднейшие ученые производили имя чех от čeledin—родич (Гошек); другие толковали его как «человек», чехи—«люди» (Сутнар); Ягич, как и Юнгман, видел в нем сокращенное имя Česlav, Caslav (вм. Čestislav); Миккола объяснял термин чехи из četa—отряд и т. п. Вряд ли, однако, какое-либо из этих объяснений может быть признано удовлетворительным. Ближе к истине стоят, по видимому, те из толкователей имени чех, которые видят в нем значение «муж», «человек», «люди», «народ»; таково, обыкновенно, по общему правилу этнографических древностей (палеоэтнография и палеолингвистика), значение древнейших племенных наименований.

В Моравии известны в древности два больших племенных образования: ганаки и словаки. Область ганаков сейчас известна под именем Ляхи, но в этнографическом и историческом отношениях ганаки не только принадлежат к чешскому народу, хотя язык их и обилен полонизмами, но представляют собою исторически основное ядро моравского народа. Что касается словяков, то предполагают, что в древности граница распространения этого народа шла гораздо далее на юг, чем в настоящее время, и смыкалась здесь с границей южных славян, словенцев и болгар. Северную границу словаков в древности были Карпатские и Судетские горы. Кроме того, есть основание предполагать, что предки словаков в IX в. заняли частично и территорию древней Паннонии, которая была известна тоже под именем Моравы.

Объединение мелких моравских племен в союз племен и единый моравский народ—мораване—произошло ранее объединения чешских племен и имело своим центром реку Мораву с ее притоками. На Мораве же в IX в. вырос и древнейший политический и культурный центр моравского народа Градице (Велеград). Имя народа мораване, как общее имя, означавшее все население, сидевшее по обоим берегам Моравы, ста-

новится известным в истории с начала IX столетия, когда мораване сплоченными силами ведут борьбу как против немцев, так и против чехов. В 822 г. на Франкфуртском съезде среди делегатов наиболее крупных славянских народов присутствуют также и «legati Marvanorum».

В наиболее ранних источниках мораване выступают под именами, производимыми от немецкого Maraha, March (из Marg): Margi, Margenses, Maraha, Marahi, Marahenses, Marahabiteae, Marharii, Merhani и Mari; позже под именем, производным от славянских Морав, мораване, как то: Maravi, Marabi, Moravi, Morava, Maravia, Moravia, Marvani, Marevini, Maravoni, Maravenses, а у арабского писателя Масуди—Marava.

Начиная с XI в. обычна в употреблении только форма Moravia и Moravi. Происхождение термина надо связывать с наименованием реки Моравы.

Что касается племенного термина словаки (мн. ч. словаки, женск. р. словенка, прилагат. словенский), которым называется группа племен на восток от Моравы, то обычно видят в нем пережиточно сохранившееся древнее название славянского народа—словене, как оно же удержалось в имени южно-славянского народа словенцы, а также в названии племени русских¹ ильменских славян—словене.¹

ПОЛЯКИ

Наиболее ранние сведения о племенном составе польского народа дает нам киевский летописец. «Словене же овы, пришедше, седоша на Висле, и прозвашася Ляхове, а от тех Ляхов прозвашася Поляне; Ляхове друзи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне».²

Из польских племен в наиболее ранних источниках (IX в.) выступают вислояне—в верховьях Вислы, известные позже под именем малопольян, с центрами—Краков, Вислица и Сандомир. Наиболее значительным из польских племен в древности были поляне—в бассейне Варты, ближайшие соседи поморян с юга и мазовшан—с запада. Это было самое мощное польское племя, занимавшее несколько позже, в X—XI вв., обширную территорию. Северную границу полян была река Нотец, правый приток Одры; западную—среднее течение Одры; южную границей, вероятно, современная мазурская великопольская диалектическая граница, отделявшая полян от соседивших с ними ленчицян и серад-

¹ См. Dr. L. Niederle, Slovanské starožitnosti, D. III, v Praze, 1919, стр. 181—214.

² А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Петроград, 1916, стр. 5 и сл.

зян. Повидимому, уже в древнейшее историческое время поляне представляли собою мощный союз племен, в который входили не только названные ближайшие их соседи, леничицяне и серадвяне, но и мазовшане.

Имя полян впервые выступает в латинских источниках, начиная с X в., в различных формах, чаще всего в форме Polani, Poliani, и затем—Poloni, Poleni, Polanii, Pulani, Polonia и т. п., или в германизированной форме Volani, Voloni, Volonia и т. п., причем этот термин употребляется как в смысле наименования одного только племени полян, так и в смысле наименования всего польского народа. Это говорит, в частности о том, что племя полян в истории польского народа явилось объединяющим центром разрозненных польских племен в польский народ; процесс же этот был почти закончен в X в. Во всяком случае, в этом именно веке при Мешке I (960—992) и при его ближайшем преемнике Болеславе (992—1025) польское государство достигает уже значительной силы и расцвета. Политическими и культурными центрами племени полян были города: Гнезно, Крушвица и Познань. Первый из названных городов, Гнезно, был в древности главным культурным центром язычников лехов, позже, с 1000 г., здесь была кафедра польского митрополита и столица Болеслава Храброго и Мешка II.

Племя мазовшане (мазовяне), позже—мазуры, представляло собою, наряду с полянами, тоже значительное и старинное польское племя, имевшее территорией своего расселения область среднего Повислянья. Западную границу их были поселения полян, на севере—пруссы, литовцы и ятвинги, с которыми они поддерживали далеко не дружеские отношения.

Третьим большим польским племенем в древности были слезане (слензаны) в юго-западной части польской территории, в верховьях Одры, в бассейне Слензы, или Слезы, с одной из которых с нею горою (теперь Соботка), пользовавшейся у язычников почитанием, как священная гора.

В источниках это племя именуется—Silensi, Cilensi, Sleenzane, а их область—Selencia, Silencia.

Из других польских племен наряду с слензанами в IX—X вв. были известны еще как отдельные племена—бобраны, пограничные с западными сербами—мильчанами, дедошане—соседи бобран с севера, и ополяне—в верховьях Одры и на нижнем течении ее притока Нисы. Главным центром слезан был город Вратислав (теперь Вроцлав) на Одре.

Среди других польских племен известны еще хорваты, представлявшие собою, повидимому, восточное ответвление смежных с ними чешских хорватов.

Происхождение племенного термина поляне от «поле», т. е. «жители полей», ни в ком из исследователей не вызывает сомнений. Хуже обстоит дело с объяснением термина лях или лех, имеющего в этом смысле довольно обширную литературу. Наиболее популярным является сейчас объяснение термина лях или лех от слова «ляда», «лядина» (пустошь, заросль и т. п.), имеющегося во всех славянских языках. Таким образом, это человек, живущий на пустошах, в зарослях и, стало быть, занимающийся охотой и скотоводством, в противоположность полянину, жителю полей, занимающемуся земледелием.

Таким, надо полагать, знали польский народ, прежде всего его восточные соседи—русские, литовцы и угры. Это было население Повислянья, Мазовии, Малопольши, где термин лях существует до сих пор; этим термином они и называли весь польский народ. Западным же славянам были известны прежде всего польские племена земледельцев, т. е. полян или поляков, откуда у них этот именно племенной термин и послужил термином для названия всего польского народа.¹

§ 3. ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ

СЛОВЕНЦЫ

Крайний северо-западный участок южного славянства занимают словинцы, или словенцы. В раннем средневековье они занимали более обширную территорию, чем в настоящее время, уходя на запад в глубь Альпийских гор и к Адриатическому побережью, на восток—вплоть до Паннонского изгиба Дуная, т. е. той его части, где, круто меняя свое восточное направление, он спускается вниз и течет к югу, вплоть до впадения в него с запада правого притока—Дравы. На севере словенцы смыкались с чешско-моравскими и словацкими племенами; на юге—с хорватами.

Как и все прочие народы, в том числе и народы славянские, словенцы, они же словинцы, сложились, выросли и оформились в особую этнографическую единицу или этнографический тип на исторически занимаемой ими территории в длительном процессе племенных скрещений со своими соседями—лигурами, иллирами, ретами, галлами и др., переживая вместе с ними, до своего оформления в славянский индоевропейский тип, доиндоевропейскую, яфетическую стадию развития. Можно предполагать,

¹ L. Niederle, Назв. соч., стр. 215—233; M. Bobrzyński, Dzieje Polski w zarysie. T. I, wyd. 4-te, 1927, гл. IV, стр. 48—58; Arnold Stanisław, Początki państwa Polskiego.—«Polska, jej dzieje i kultura od czasów najdawniejszych do chwili obecnej». Warszawa, s. a. (1927), стр. 51 и сл.

что процесс перерождения группы местных яфетических племен в словенцев-индоевропейцев в значительной мере уже завершился к началу н. э., о чем говорит известное уже в I столетии н. э. наименование Блатенского озера в восточной части бывшей территории словенцев—П е л ь с о (ср. русск. п л ё с). Эта территория в средние века была известна под именем П а н н о н и и. Однако под своим собственным именем словенцы впервые выступают в истории только в конце VI в. н. э., после ухода лангобардов в 568 г. в Италию. Это те самые славяне, которые в начале VII в. помогали лангобардам в их походах в Италию у Кремоны и Мантуи. В источниках они известны под именем—*Scavi Carantani, Scavi in Carantano, Carniolenses* и т. п., а также *Pannonii, Scavi in Pannonia sedentes, Πάννονες*.

Западную границу словенцев, отделявшую их в VII в. от немцев—баварцев, были верховья рек Дравы и Муры в Альпах.

В древности был известен ряд словенских племен: д у л е б ы между Блатенским озером и рекой Мурой (ср. чешск. д у д л е б ы, *Doudleby*—и русск. д у л е б ы); с т о д о р а н е—в области р. Штыри у Триглава (ср. аналогичное северно-славянское племя с т о д о р а н е в области нынешнего Бранибора); с у с л ы—в южной Штирии, на левом побережье Дравы (ср. аналогичные племенные наименования среди русских и полабских славян); наконец, п о л я н е на р. Ениже (общность данного племенного наименования у многих славян не нуждается в специальном подчеркивании).

В VI в. словенский народ был подчинен аварам, могущество которых было сломлено, начиная с 623 г., вождем чешской группы западно-славянских племен С а м о, организатором первого у западных славян государства. Разгром аварской державы принес словенцам освобождение от аварского ига, но вскоре после смерти Само и последовавшего затем распада его государства альпийские славяне, т. е. с л о в е н ц ы-х о р у т а н е и их соседи с л о в е н ц ы-к р а и н ц ы, в 745 г., угрожаемые вновь со стороны авар, принуждены были после длительной и упорной самообороны подчиниться во главе со своим князем Б о р у т о м власти франков на началах вассальной зависимости. После смерти Боруа франки назначили словенцам в качестве его преемника некоего Г о р а з д а, а после его смерти в 753 г.—Х о т и м и р а. В VIII в. авары были окончательно разбиты и уничтожены франками (772—788), но с этого же времени словенцы навсегда подпали под власть франков.

Вместе с подчинением словенцев сначала под власть баварцев, а с 788 г. при Карле Великом—под власть франков, среди словенцев стало постепенно распространяться христианство, содействовавшее быстрой германизации словенского народа, которая, в конце концов, привела сравнительно скоро к значи-

тельному сужению этнографической границы современных словенцев сравнительно с их границей VI—X вв.

В IX в., после окончательной ликвидации возродившейся аварской державы, словенцы вновь колонизовали Паннонию вплоть до Дуная на востоке, но вместе с ними на этот раз сюда явились и германцы, и во второй половине IX в. нижняя часть Паннонии уже сплошь была заселена германцами.

В конце IX в. словенский народ в Паннонии стал жертвою нового нашествия: в 894 г. сюда явились мадьяры. Под натиском мадьяр часть местного словенского населения бежала к соседним болгарам, другая—на запад, в Альпийские горы, и, наконец, часть их продвинулась на север, на территорию словаков. Оставшееся на местах старое словенское население подверглось частично мадьяризации.¹

ХОРВАТЫ И СЕРБЫ

Имена балканских народов—хорваты и сербы впервые и притом случайно мелькнули на страницах истории довольно поздно: с е р б ы—только в начале VIII столетия под именем никейской епископии *Γερδοσέρβων*;² хорваты—в 852 г. в грамоте князя Терпимира от 4 марта 852 г.³ Начиная же с X в. названные народы уже широко входят в историю, становятся предметом ее внимания и приобретают в ней заслуженно, как героические народы в прошлом и настоящем, все права гражданства. Первым, наиболее ранним историком, которому хорваты и сербы обязаны своим включением в круг внимания исторической науки, начиная со средних веков и вплоть до настоящего дня, был византийский писатель X в. Константин VIII, прозванный Багрянородным (905—959). О хорватах и сербах Константин Багрянородный говорит в сочинении «Об управлении государством» или «О народах», известном у издателей под латинским названием «*De administrando imperio*», написанном автором в качестве поучения или руководства своему сыну Роману. По указаниям самого автора, это сочинение было им написано в 948—952 гг., т. е. незадолго до смерти.⁴

¹ См. L. Niederle, *Slovanské starožitnosti*, D. II, sv. 2. V Praze, 1910, стр. 338—372; здесь же указана и обширная литература предмета.

² См. Панченко, Памятник славян в Византии VII в. «Ив. Русск. арх. инст. в Константинополе», т. VIII, София, 1902.

³ См. Ferdo Šišić, *Povijest Hrvata*, Zagreb, 1925, стр. 330 и сл.

⁴ Кроме названного сочинения—«Об управлении государством» или «О народах», имеющего исключительное значение для истории славян, тому же автору принадлежит и второе сочинение—«О фемах», т. е. провинциях Византийской империи, точнее—«О военном и административном делении империи», известное у издателей под латинским названием «*De thematibus*» или «*De praefecturis*». Оба эти сочинения имеются в рус-

В числе западно-скифских племен Геродот (V в. до н. э.) называет, между прочим, к а л л и д о в, занимавших восточное Поднестровье и Побужье. Их знает ближайший к Геродоту греческий историк IV в. до н. э. Ефор под именем к а р п и д о в. Вслед за Ефором это же имя к а р п и д ы повторяют и последующие греческие писатели. Тождество геродотовых каллидидов с карпидами Ефора не вызывает никаких сомнений. Равным образом, не вызывает сомнений и то, что это—позднейшие к а р п ы или к а р п и а н ы, т. е. жители Прикарпатья. Возможно, что впоследствии это и было славянское племя хорваты Киевского летописца, показанные им в том же районе. Не исключена возможность, что эти именно хорваты распространились и значительно далее на запад в Венгерскую равнину и достигали Дуная и его правых притоков, т. е. позднейшей исторически засвидетельствованной территории, занятой хорватским народом. Во всяком случае, не подлежит никакому сомнению, что племенные наименования—к а р п ы, к а р п и а н ы, х о р в а т ы—связаны с именем к а р п а т ы, представляющем в своей основе тоже племенное наименование, а все эти спирантизованные племенные наименования имеют своим двойником сибилантичную форму с а р м а т.¹

С Карпатами увязывал имя народа хорваты в свое время и Шафарик, сближавший их с карпами и карпианами, которых он считал славянами и помещал в восточной Галиции. Хорваты, по Шафарику, это «жители гор», хърбов, т. е. горбов, хребтов. Под этими горами или хребтами, по его мнению, следует разуметь Карпаты, восточная часть которых в Галиции и сейчас называется у местного населения Г о р б а м и.²

По данным Константина Багрянородного, «хорватская земля», занятая славянами после прихода их в Иллирик и победы около 637 г. над аварами, в его время, т. е. в X в., начиналась от р. Цетиньи (Зентини) и простиралась вдоль Далматинского побережья до Истрии или до города Альбуна или Альбона (слав. Лабин), а в горной части несколько выходила за область Истрии. Она делилась на 14 жуп. К востоку от р. Цетиньи и г. Ливно хорваты соседнили с сербами. «От хорватов, пришедших в Далмацию,—замечает Константин Багрянородный,—часть отделилась

ских переводах Гавр. Ласкина, напечатанных в «Чтениях в Общ. ист. и древностей российских». М. 1899, кн. 1 (188). Ранее Г. Ласкина они цитировались по-русски в известном сочинении К. Грота «Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах», СПб. 1880.

¹ Этимологию термина «Карпат» см. у Н. Я. Марра. Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афреварии. Избр. раб., т. IV, стр. 198—229.

² См. Константин Грот. Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах. СПб., 1880, стр. 87 и сл.

и заняла Иллирик и Паннонию. Они имели самостоятельного князя, послывшего к князю Хорватии посольство ради дружбы». Можно предполагать, что ту же территорию хорваты занимали и ранее X в., т. е. начиная с VIII в., когда им удалось освободиться от власти аваров. Северная граница их расселения шла по линии от города Сеня (на Адриатическом побережье) до верховьев р. Уны (правого притока Савы); на востоке их границей была горная цепь между Уной и Врбасом; южную границей хорватов в основном была р. Цетинья.¹

Вся эта территория, т. е. Адриатическое побережье в указанных выше границах, за исключением нескольких островов (Rab, Krk, Osero) и городов (Задар, Сплет и Трогир), составляла в IX в. (852) regnum Chroatorum, в X в., Хрватия, Croatia, т. е. хорватское государство, или Хорватию, именовавшееся также Sclavenia или Sclavonia. Кроме названной территории, хорватские поселения имелись в Штирии и Корутании, где в источниках IX и X вв. в нескольких местах показаны—ragus Crounati, Chrounat, Croudi, Chrowata, Chrowarh. Константинову область Иллирик обыкновенно рассматривают, как территорию между рр. Врбасом и Дриною, т. е. область позднейшей Боснии; что же касается его Паннонии, то в ней надо видеть так называемую Посавскую Паннонию, т. е. область, расположенную между Савой и Дравой и Дунаем (позднейшая Славония).²

Что касается сербского народа на полуострове, то его территория определяется Константином Багрянородным в следующих границах: «Сербия,—говорит он,—находится во главе (т. е. в начале—со стороны Константинополя) всех прочих славянских земель и граничит на северо-западе с пограничными горами дуклянских, тервунских и захлумских славян у Цетиньи и Хлебены, а на севере с Хорватией, на юге же с Болгарией». Пограничным сербским городом с Болгарией в IX в. Константин Багрянородный называет г. Расу или Рас (ή Ράση, τὸ Ράσου, Ράσος, слав. Рась) на р. Рашке, притоке р. Ибара. Таким образом, область сербского народа в древнейшее время, судя по показаниям Константина Багрянородного, занимала обширную территорию, лежащую на восток от Далматинской Хорватии и на юг от Посавской Хорватии. Центральным ядром сербского народа была Рашская область, расположенная в южной части названной территории, в районе рек Ибар, Лим и Тара. К сербам примыкали вошедшие впоследствии в состав сербского народа следующие родственные с ним племена: 1) н е р е ч а н е—от

¹ См. L. Niederle, Sl. st., Dil. II, sv. 2, 1910, стр. 386 и сл.; К. Грот, назв. соч., 87—97.

² См. К. Грот, назв. соч., стр. 96 и сл.

р. Цетиньи в северо-западном углу полуострова до р. Неретвы; состояли из 3 жуп; впоследствии продвинулись на острова Адриатического побережья, захватили в свои руки море и были известны, как моряки и пираты; 2) в а х л у м л я н е, в а х л у м ц ы; в X в. в источниках выступает *dux Chulmorum*; их страна была известна под именем—Захльмья, Хльмь, Хльмска земля; занимала прибрежную территорию от р. Неретвы на юг до Дубровника и внутрь материка; материковая часть ее совпадала с нынешней Герцеговиной; 3) т р е в у н я н е, т р а в у н я н е, земля *Τρεβονία Διόκληα*, (лат. *Trauvnia, Tribunia* и др., слав. Травоунья); занимали территорию побережья от Дубровника до Котора и внутрь материка; 4) к о н а в л я н е занимали узкую приморскую полосу между Дубровником и Бокой Которской; 5) д у к л я н е, земля *Διοκλήα, Δοκλήας χήρα*, (лат. *Dioclia*, слав. Диоклития); занимала территорию между Котором на севере и нижним течением р. Дрима—на юге, совпадавшую с нынешней Черногорией и прилегающей к ней северной частью Албании. Позже название области Диоклея было заменено названием Зета, взятым от имени р. Зеты, правого притока р. Морача, впадающей с запада в Скадарское озеро.¹

БОЛГАРЫ

На восток от собственно сербского племени, имевшего своим центром, как было сказано выше, Рапскую область (г. Раса), лежавшую между реками Ибар и Лим, начиная на западе от линии—Охридское озеро, область Дебра и р. Болгарская Морава в верховьях р. Моравы и вплоть до Черного моря на востоке—или поселения ряда славянских племен, объединявшихся общностью характерных языковых особенностей, отличных от сербского языка, которые легли в основу сложившегося здесь впоследствии восточно-балканского славянского народа, получившего имя б о л г а р. Это народное имя группа восточно-балканских славянских племен получила от имени первой славянской политической организации на полуострове—славянской болгарской державы, положившей в VII в. н. э. (679) начало политическому объединению их в народ под именем б о л г а р с к о г о н а р о д а. Территория распространения восточно-балканских славян не ограничивалась, однако, только задунайскими рамками полуострова. В состав болгарского народа входило также и славянское население Валахии, Семиградья и восточной части Венгрии вплоть до Дуная, а также и славянское население в Греции. Конечно, эта обширная область рас-

пространения восточно-балканского славянского народа в древности, с VII в.—болгарского, не представляла собою в этнографическом отношении сплошной славянской территории—местами в нее были вкраплены поселения романизованных и грецизованных фракийцев, а также греков.

Среди этого славянского населения обыкновенно различают три группы племен:

1. С е в е р н у ю, и л и м и з и й с к у ю, группу, занимавшую территорию между реками Моравою и Тимоком на западе, Черным морем на востоке, Дунаем—на севере и главным Балканским хребтом—на юге. В нее входили: придунайские северяне, или северы (в Делиормане и в окрестностях Шумена, а также на левом побережье Дуная в южной Венгрии и Валахии); семь славянских племен в нижней Мизии или подунавцы (*Δαυούβιοι*) греческих источников, они же дунайцы—Киевского летописца. Эти семь славянских племен выступают в истории основоположниками первой славянской болгарской государственности на полуострове, государства Аспаруха. Вступив с ними в договорные отношения, в целях защиты территории от аваров, угрожавших ей нападением со стороны Венгрии, болгарский князь дружинник Аспарух, или Испарих, поселил одну часть их по Мораве, откуда они получили имя мораване. К этим же семи племенам принадлежали и соседи мораван тимочане—по р. Тимоку.

2. Среднюю, или македонскую, группу, населявшую старую Македонию; которая в VII в., ввиду компактно населявших ее славянских племен, была известна под именем *ἡ Σκλαυίνια, αἱ Σκλαυίναι, Sclaviae*; в состав этой группы входили: драговичи, или другувичи,—на запад от г. Солуня, между Солуном и г. Веррея (Вер); сагудаты—рядом с другувичами; ринхины—где-то поблизости от Солуня; струменцы—на нижнем и среднем течении р. Струмы (Стримен); смоляне—по среднему и верхнему течению р. Месты (Нестуг), совр. смильяне в верховьях р. Арды, восточнее р. Струмы; бързаки, или бърсаки, совр. болг. бърсяци,—в районе Кичево, Крушево, верхней Преспы, Прилепа и Велеса.

3. Южную, эпиро-фессалийскую и пелопонесскую, группу славянских племен составляли: ваюниччи, велегезичи, миленцы, езерцы и др.

¹ См. Л. Нидерле, назв. соч., Dil II, sv. 2, стр. 373—399; К. Грот, назв. соч., стр. 147—176.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ У СЛАВЯН В ДРЕВНОСТИ

(до XI в.)

I

По данным чешского ученого проф. Кареля Кадлеца, крупнейшего представителя истории славянского права в буржуазной науке, славянские земли в X и XI вв. состояли из мелких округов, которые мы привыкли, говорит автор, называть в общем жупами, хотя этот термин и не везде был известен. Например, он не был известен в России.

Жупы, по Кадлецу, составлялись из многих крестьянских поселков и, по крайней мере, из одного города как центра жупной политической жизни. У некоторых славян несколько сел, объединенные в известном отношении в новую административную единицу, составляли *ороле* (русск. *вервь*, *вара*, *перевара*, сербск. *осколина*, чешск. *osada*).¹

Так как политическим союзам, говорит Кадлец, во всем мире предшествовали союзы родовые, основанные на кровном родстве, то и вышеозначенные территориальные союзы, вероятно, возникали из аналогичных групп, основанных на кровном родстве. Основой всякой государственной организации стал род, представлявший собою объединение лиц, опиравшееся на кровное родство, которое и селило эти объединения вместе в одном или в нескольких селах. На древнейший славянский род Кадлец распространяет то, что известно о союзе кровных родственников у германцев.²

Как и германский род, древне-славянский род, по Кадлецу, представляя собою по существу «мирный союз», или «союз мира»

¹ О терминах—вара, перевара см. у Самоквасова, Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства, т. II, М., 1909, стр. 26—28.

² Кадлец цитирует Amira, Grundriss der germanischen Rechts. 2-е изд., Strassburg, 1901, стр. 106—108.

(Friedensverband), был одновременно и «оборонным союзом» (Schutzverband) и прежде всего «военным союзом» (ein kriegerischer Verband), ввиду чего в старогерманском войске род составлял особое отделение. Своеобразной особенностью рода, как общественной организации, покоившейся на кровном родстве, обуславливался, по Кадлецу, и ряд правовых установлений, характерных для родового строя: кровная месть, круговая порука, коллективная опека, коллективная имущественная общность, своеобразное наследственное право и пр.

Во главе каждого рода стоял начальник, который сообщал с представителями семей (как правило—с отцами, а в семьях задружных—и с другими возглавляющими семью) управлял делами рода и производил суд на родовой территории. Он же был и вождем военного отряда своих сородичей. Как назывался этот начальник, Кадлецу неизвестно. Кажется, говорит автор, он назывался старостой, или старшиной, у некоторых же славян—жупан. В документе от 1181 г., выданном маркграфом Оттоном и графом восточной марки Дитрихом монастырю Петра в Лаутенбурге, показаны—*seniores villarum, quos lingua sua supranos vocant*. Так же, по Кадлецу, сельские начальники назывались и у штирийских славян, словинцев, т. е. жупанами.

В целях самообороны против внешнего врага родовые союзы, как союзы территориальные, объединялись в области. Вследствие соседских отношений у отдельных родов возникал ряд общих аграрных, административных, судебных и, прежде всего, военных дел. В целях самообороны они не только создавали общие армии, но и строили и поддерживали «города», т. е. укрепленные места, куда укрывалось от неприятеля население со всем своим имуществом и где происходили веча начальников, когда дело касалось серьезных вопросов управления всеми объединенными родовыми союзами. В этих же городах производились суды, а также отправлялись и обряды религиозного культа. Кадлец предполагает, что такие области, представлявшие собою территориальное объединение нескольких родовых союзов, у большинства славян назывались жупами, а их начальники—жупанами (лат. *juranus, supranus*, греч. *ζουπανος*).

Наиболее раннее засвидетельствование термина жупан мы имеем, по Кадлецу, в греческой надписи, найденной среди предметов так называемого сокровища Атилы в Nagy-Szent-Miklos в Торонтальском комитате в Венгрии. Слово жупан выступает здесь два раза: *ζοπαυ* и *ζοπαυ*. Названное сокровище восходит к концу III столетия н. э. и предположительно представляет собою памятник народа гепидов. В древне-болгарских надписях тот же термин встречается в формах *δζοπαυ* и *δζοπαυος*, причем вторая форма рассматривается, как вариант

первой.¹ Кроме того, этот же термин выступает в словинской области в грамоте баварского воеводы Тассилона от 777 г. на имя Кремсмионстского монастыря, где упоминается жупан (joran) Phusso.²

Дальнейшее объединение нескольких жуп в организацию высшего порядка приводят, по Кадлецу, к возникновению небольшого племенного государства, представляющего собою наивысшую ступень первичной государственной организации. Эти небольшие племенные государства, вероятно, предполагает автор, навывались «землями», «волостями», а если в такой области возникала княжеская власть, — княжествами. Так же, вероятно, до возникновения монархической власти, эти племенные государства управлялись, как предполагает Кадлец, собором всех жупанов, представлявшим собою нечто вроде аристократической коллегии, так что славянские племена ко времени выступления на исторической арене представляли собою, по Кадлецу, скорее союзы государств (Staatenbund), чем государства. Государственная жизнь славян в такой организации, по Кадлецу, опиралась на федеративное начало. Это и есть, по Кадлецу, та демократия, о которой говорят греческие авторы.

Дальнейшее объединение племенных государств в союз государств приводило к созданию многоплеменного государства с великим князем во главе, который, говорит Кадлец, сумел возвыситься над другими и навязать им свою власть. Таким именно князем в VI в. был, например, Добрита, или Добрята, в котором, по данным Менаандра, автор видит начальника какого-то крупного в Дакии союза славянских племен, из которых «каждое в то же время имело собственного вождя».³

Таким образом, схема развития общественного строя у древних славян, по Кадлецу, представляется в таком виде:

1) Род; как союз семей и задруг, основанный на кровном родстве; он занимает одно или несколько смежных сел, образующих его родовую территорию — жупу; он имеет во главе начальника с функциями административными, судебными и

военными, т. е. он управляет родом, разбирает судебные тяжбы и предводительствует на войне; это — родовой староста, старшина, жупан, в лат. документах — *seniores villarum*; он управляет родом совместно с представителями семей, из которых состоит род; этими представителями являются отцы семей и лица, возглавляющие задружные семьи.

2) Союз родов, объединенный единством территории, образующей его область — жупу, с начальником — жупаном во главе; союз родов имеет свое военное укрепление — город; здесь происходят союзные веча в составе начальников отдельных родов, входящих в состав союза, ведутся судебные дела, отправляются обряды культа.

3) Федеративное племенное государство, представляющее собою территориальное объединение нескольких союзно-родовых жуп, — это земля, волость, княжество; во главе — жупан или князь, он управляет совместно с аристократической коллегией в составе всех родовых жупанов.

4) Многоплеменное государство, представлявшее собою объединение племенных государств с великим жупаном или великим князем во главе.

Схема Кадлеца не вызывает, в общем, возражений. Но, если мы пойдем несколько дальше, если посмотрим, каким содержанием автор заполняет свою схему, мы окажемся на пустом месте, и от Кадлеца, крупнейшего в буржуазной науке знатока истории славянского права, ничего не остается.

Почему славянские народы так долго, вплоть до начала X в., оставались при своих примитивных племенных организациях и не создали к этому времени крупных политических объединений? На этот вопрос Кадлец отвечает: во-первых, потому, что с самого начала истории славяне не имели политического сознания (*zmyslu*), что стояло в связи с их характером или натурой, с нехваткой энергии и мягким характером. История целых столетий, говорит Кадлец, свидетельствует о том, что славяне расширяли территорию своего поселения только там, где не встречали больших препятствий. Правда, и славяне принимали участие в переселении народов и некоторые места для поселения добыли при этом насилием, но как только они занимали новые места, они не расширяли их путем причинения вреда другим народам, а ограничивались исключительно тем, что отбивали нападения чужеземцев, чтобы сохранить свои государства. Вторая причина, почему вплоть до X в. славяне не сумели создать крупных государственных объединений, заключается, по Кадлецу, в том, что, проявляя по отношению к чужеземцам достаточно мягкости характера и покорности, внутри своих

¹ См. Ф. И. Успенский, «Изв. Русск. арх. инст. в Константинополе», т. X, София, 1905, стр. 199.

² См. K o s. Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku. Ljubljana, 1903, t. I, 290.

³ См. K a r e l K a d l e c, O politycznym ustroju Slowian, zwlaszcza zachodnich przed X wiekiem — в сборнике — «Poczatki kultury slowiańskiej», изд. Краковской Акад. Наук — «Encyklopedia Polska», t. IV, cz. 2. W Krakowie, 1912, стр. 31—72; его же, Introduction à l'étude comparative de l'histoire du droit public des peuples slaves. Paris, 1933.

отношений славяне отличались лишь склочничеством и непослушанием. Этим и объясняется, по автору, то, что в развитии государственной мысли славяне в течение долгого времени не пошли далее племенных организаций.

Какие движущие силы лежали в основе процесса развития общества у древних славян? Почему и как отдельные славянские роды объединялись в союзы родов, а эти последние—в племена и в племенные государственные объединения? Почему одни из родовых жупанов становились великими жупанами или великими волостными князьями, а другие оставались на положении родовых жупанов? Как и почему из федерации родов возникает у славян монархия? На эти вопросы Кадлец дает весьма простые ответы, которые сводятся к тому, что основным импульсом к объединению родов в союзы родов, а этих последних в племена и племенные государства служили у славян интересы самообороны против внешнего врага; что демократия, о которой говорит Прокопий, это подлинно славянская форма общественности, а княжеская власть сложилась у славян под чужеземным влиянием, о чем уже свидетельствует самый термин «князь»; но даже и при монархической форме общественно-государственного строя князь у славян не имел абсолютной власти, но ограниченную собранием начальников низшей организации или каким-то вечем (сеймом); что на должность жупана, как правило, выбирался начальник самого главного, ведущего рода, впоследствии же, по всем данным, положение это осталось наследственно связанным с этим родом (стр. 68); что в большом «союзе государств» жупаны не могли оставаться при прежней власти, но из их среды выдвигался один и в роли «великого князя» исполнял верховную власть над всеми племенами; он мог быть значительно ограниченным вечем подвластных ему жупанов, но во всяком случае обладал большею властью, чем они. В некоторых же племенных государствах государственная власть не была сосредоточена в руках собрания жупанов, но в руках одного из них, который сумел возвыситься над другими и навязать им свою власть.

Нет надобности говорить о том, что картина древне-славянского общества, как она рисуется Кадлем, имеет очень мало сходства с подлинной исторической действительностью. Основная ошибка буржуазной науки в данном случае заключается в том, что она желает видеть эволюцию там, где в действительности имела место революция; желает видеть мир и согласие там, где в действительности шла напряженная классовая борьба. В результате такой трактовки вопроса мы получаем чисто механическое представление исторического процесса, помогающее видеть поверхность предмета, но не видеть его амальгамы.

«Два стихийно возникших факта,—говорит Энгельс,—господствуют у всех или почти у всех народов на заре их истории: разделение народа по признаку родства и общая собственность на землю».¹

«Каждое племя,—говорит Энгельс о германских племенах,—оседало на новом месте не по прихоти или случайно, а соответственно родственным связям соплеменников, как об этом точно сообщает Цезарь. Более крупным группам, близким по родству, доставался определенный округ, в пределах которого опять-таки отдельные роды, включавшие определенное число семей, селились вместе, образуя отдельные села. Несколько родственных сел составляли сотню... несколько сотен образовывали «гау», область; совокупность этих «гау» составляла данный народ».²

Итак, по Энгельсу:

- 1) определенное число семей составляло род;
- 2) отдельные роды селились вместе, образуя отдельные села;
- 3) несколько родственных сел составляли сотню;
- 4) несколько сотен образовывали область;
- 5) совокупность этих областей составляла данный народ.

Распределение земли между различными, в порядке градации, общественными организациями Энгельс представляет в таком виде:

- 1) каждое село имело сельскую мирскую землю;
- 2) земля, на которую не притязало село, оставалась в распоряжении сотен;
- 3) то, что оставалось после наделения землей сотни, доставалось области—«гау»;
- 4) земля, которая была свободной еще и после этого,—большею частью это был крупный участок,—находилась в непосредственном владении всего народа.

Итак, по Энгельсу:

Каждое село имело сельскую мирскую землю, а наряду с этим существовала общественная земля: «сотенная», областная и, наконец, общенародная, но захваченная королем, как представителем всего народа, и называлась она поэтому королевской: *konungs almännigar*. И все они без различия, даже и королевская, назывались *almannigar*, альмендами, общинными землями.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Марка. Соч., т. XV* стр. 629.

² Там же, стр. 630.

Обширный участок земли, предоставленный каждому отдельному селу, представлял собою так называемую марку.

На этом обширном участке земли размножавшееся население основывало новые поселения, дочерние села, которые вместе с материнским селом, на равных или несколько урезанных правах, образовывали теперь единую общину-марку.

Таким образом, община-марка, по Энгельсу, есть большее или меньшее число сел, соединенных в одну общину-марку.

Над этим союзом, по крайней мере в первое время, стояли еще более обширные союзы-марки, охватывающие «сотни» или «области», и, наконец, весь народ первоначально составлял единую огромную общину-марку для управления оставшейся в непосредственном владении народа землей и для верховного надзора за входившими в нее подчиненными марками.¹

«Это сохранение крупных марок,—говорит Энгельс,—составляет существенное отличие общинной собственности германцев от современной русской общины; в России каждая сельская община имеет свою собственную, обособленную общую землю, если только при отмене крепостничества эта земля не отнята у общины и не передана помещику».²

III

Три брата, Кый, Щек и Хорив, сидевшие на Киевских горах, принадлежали к племени полян, о котором летописец говорит, что они «живяху кождо с своим родомъ на своих местах, владеюще кождо родомъ своимъ». Мы не имеем более подробных данных, для того, чтобы составить себе точное представление о том, что же представляли собою, по существу, эти три братские рода каждый в отдельности и все взятые вместе, с точки зрения известных нам форм общественности у народов древности. Поэтому в разрешении этого вопроса нам приходится руководствоваться тем, что мы знаем из классической работы Ф. Энгельса о «Марке» относительно германского рода. Мы не делаем в данном случае ошибки, потому что германцы и славяне в древности, как и все народы, переживали, в основном, одни и те же этапы развития общественного строя: семья, род, союз родов, племя, государство. С другой стороны, в нашем распо-

ряжении имеется весьма ценное в этом смысле показание Тацита о славянах—венетах, который, описывая этот народ, высказался в том смысле, что он отнес бы венетов скорее к германцам, чем к сарматам. Следовательно, в тацитово время, т. е. в I в. н. э.; славяне в культурно-общественном отношении не представляли столь разительной разницы сравнительно со своими соседями, чтобы ставить славян и германцев в этом отношении на разные полюсы. Тацит такой разницы не видел.

Исходя из этого, мы можем с известною положительностью утверждать, что каждый из трех братских родов, о которых мы говорили выше, представлял собою прежде всего группу кровнородственных семей, т. е. семейно-родовую общину, сидевшую каждая «на своих местах», на Киевских горах, в дремучем лесу («лес и бор велик»), но вблизи одна от другой, на общей для всех их территории. Такое совместное поселение родов, по Энгельсу, составляло село, причем вначале это было село кровных родственников, т. е. сельская родовая община.

Таким образом, три семейно-родовые общины, возглавляемые каждой одним из трех братьев и имевшие в своем распоряжении обширный участок земли, находившийся в их общем нераздельном пользовании, образовывали село, а их участок земли составлял марку.

Вместе с ростом населения и образованием на той же территории марки новых дочерних поселков эта марка превращалась в общину-марку. Во главе ее стоял старший в роде. Таким в киевской легенде был старший из братьев—Кый. Это был старшина или жупан общины-марки, а его братья, Щек и Хорив, оставались на положении семейно-родовых старшин. Затем, по летописному рассказу, братья общими силами построили город, т. е. укрепленный пункт, которому дали имя старшего из братьев, Кыйа.

Таким образом, в легенде об основании Киева отмечены два последовательные этапа в развитии общества у древних славян: семейно-родовая община и община-марка. Эти этапы в действительности отделял друг от друга значительный промежуток времени, и если легенда приурочивает их к одному и тому же поколению или связывает их с именем одного и того же лица, то в данном случае мы имеем типичный для всякой легенды анахронизм, легко поддающийся расшифровке и не представляющий по существу, с точки зрения интересов знания, никакого значения. Гораздо важнее то, что легенда фиксирует на своих страницах не только позднейший этап в развитии общества у древних славян, общину-марку, но и предшествовавшую ей семейно-родовую общину.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, навв. соч., стр. 631.

² Там же.

Как известно, киевская легенда о трех братьях, основоположниках полянского государства и основателях его столицы, не является ни оригинальным произведением киевского летописца, ни какой-либо частной собственностью славянского фольклора вообще, но представляет собою доисторическое племенное предание, уходящее своими корнями в далекую дославянскую яфетическую давность, в бассейны Ванского и Урмийского озер, в страну Урарту и Мидию, ко временам, по определению акад. Н. Я. Марра, значительно более древним, чем IV—V вв. н. э. Н. Я. Марр назвал эту легенду «одним из ценнейших племенных преданий Понтийского района, — параллель которой рассказывалась еще в IV—V вв. на берегах Ванского озера в Армении» и была использована армянским историком Зенобом Глаком, писателем VII в. Это именно скифское или, точнее, кимерское предание о строителях армянской земли, трех братьях—Куаре, Мельте и Хореане, за именами которых, по Марру, скрываются племенные названия.¹

Таким образом, мы имеем все основания предполагать, что киевская легенда о трех братьях, создателях полянского государства и основателях города Киева, в восточно-славянской редакции восходит к значительно более раннему времени, чем киевская летопись XI—XII вв. и представляет собою, в своей летописной редакции, независимо от своего первоисточника, восточно-славянское народное предание, которое могло возникнуть или быть освоенным народом, давшим ему свое местное редакционное оформление только при условии наличности соответствующей конкретной социальной обстановки.

Таков обычный путь сложения национальных легенд, как и обычный путь внедрения в национальную по форме культуру всяких культурных и литературных международных влияний и заимствований.

В названной выше статье «Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси» Н. Я. Марр, между прочим, заметил: «Для исследователя исторической жизни России это, повидимому, мало на что пригодная легенда, но для доистории не только России, но и всего Средиземноморья это—одно из ценнейших племенных преданий Понтийского района» (стр. 54). И. Н. Я. Марр был прав: ценнейшее племенное предание не только для доистории России, но, в частности, для доистории всех славянских народов, в сравнении с которым ничего подобного мы не имеем ни у одного из славянских народов. Ценнейшее

¹ См. Н. Я. Марр. Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси. Избр. раб., т. V, 1935, стр. 54 и далее; е г о ж е Чуваши-яфетиды на Волге; там же, стр. 334.

в том отношении, что, несмотря на свой легендарный характер, оно дает нам бесспорный, не вызывающий никаких сомнений конкретный материал, освещающий самые начальные страницы истории славянского общества в древности.

Анализ этого материала привел нас к заключению, что киевская легенда отмечает два последовательных этапа в истории этого общества: наиболее ранний—с е м е й н о - р о д о в а я о б щ и н а и более поздний—о б щ и н а - м а р к а. Весьма вероятно, что когда летописец говорит о полянах в прошлом, что они «ж и в я х у кождо с своимъ родомъ на своих местех», т. е., занимая определенные территории, эти полянские роды, как и первичные роды легендарных Кыя, Щека и Хорива, представляли собою именно семейно-родовые общины.

Таким образом, расшифровывая легендарный рассказ киевского летописца о трех братьях, мы имеем все основания говорить о том, что в основе общественного строя у славян в древности лежала семейно-родовая община. Вместе с тем мы имеем все основания говорить также и о том, что для киевского летописца это уже не его современность, а далекое прошлое, отложившееся в предании об основании Киева, которое он, как добросовестный историк, и заносит на страницы своего повествования, чтобы увязать настоящее с прошлым, делая тем самым исключительный по своей ценности вклад в историческую науку. В его время полянский род представлял собою, несомненно, уже нечто другое, позднейший этап в развитии общественного строя у славян, т. е. соседскую общину или общину-марку, о чем мы заключаем на основании рассказа той же легенды об основании города Киева. Наконец, когда тот же летописец говорит: «и по сих братии держати почаша р о д и х (т. е. братьев Кыя, Щека и Хорива) княжение в Полях...», мы имеем в данном случае употребление термина р о д в том же источнике в третьем, специальном значении, а именно: в значении р о д а - п о к о л е н и я или р о д а - д и н а с т и и.

V

Однако показание Прокопия о том, что славяне «живут в дрянных избах, разбросанных на далеком расстоянии одна от другой», а Маврикий к этому прибавляет, что «славяне делают в своих жилищах много выходов на всякий случай»,—конечно, заметим, не «на всякий случай», а по совершенно определенной причине, о которой говорят нам скорее соответственные памятники трипольской культуры, нежели соображения Маврикия,— эти показания возвращают нас к той именно более ранней форме родового строя, которая для киевского летописца была уже только преданием прошлого, т. е. к семейно-родовой общине. Легендарные Кыя, Щек и Хорив, из которых каждый со

своим родом сидит на горе, это скорее славяне византийских авторов VI в. или даже более раннего времени, но не киевские поляне и вообще не славяне X—XI вв. Показания Маврикия о том, что «славяне делают в своих жилищах много выходов на всякий случай» (автор имеет в виду возможность легко покинуть жилище его обитателями во время военной опасности), еще больше убеждают нас в том, что в данном случае мы имеем дело именно с семейно-родовою общиной, которая по составу своих членов могла иметь и характер так называемой «большой семьи», продолжающей доживать свои дни еще и сейчас у южных славян—черногорцев, сербов, хорватов, отчасти у болгар,— под официальным юридическим названием «задруга».

В народном языке у сербов-герцеговинцев она известна под названием кућа, задружна кућа, кућа дружина, друштво, братство, скупчина, село, складна браћа, велика кућа, добра кућа, домаћа заједница и др.; у черногорцев: хижа, огнище, дим, жупа; у сербов: кућа, браћа, братство, комун, множина; у болгар: голяма къща, обител-челяд, дружина, купщина, род, рода. Эти термины, служащие в народном языке у южных славян для названия «задруги», отличны от терминов, которыми они же называют свою обычную семью.

Состав членов южно-славянской задруги там, где она еще кое-где уцелела до наших дней, не превышает сейчас 10—15 человек; изредка число это поднимается до 30—40 человек. По свидетельству болгарских этнографов, еще в середине прошлого века в Болгарии встречались задруги с составом членов в 50—100, 100—200 человек. В настоящее время у болгар, в частности, задруга представляет собою вообще редкое явление.

Во главе южно-славянской задруги, этого своеобразного пережитка древне-славянской патриархальной семейно-родовой общины, стоит старший в роде прадед, дед, отец, а если его нет в живых или если по преклонности лет он оказывается неспособным к управлению родом («владеюще каждо родомь своимъ»), на его место избирается новый старейшина, домаќин, домаћин, господар, глава, главатар, стопан, сайбия, баща, дядо и др. Иногда глава рода уже при жизни своей намечает себе преемника, и этот преемник иногда же еще при жизни своего предшественника становится на его место.

Глава задруги, домаќин, является ее ответственным администратором, начальником и распорядителем в ее хозяйственной жизни и деятельности; он же несет в задруге и обязанности судьи; он же представляет интересы задруги и в ее внешних сношениях. На обязанности домаќина лежит регулирование

всей хозяйственной жизни рода и распределение нарядов на работу между всеми его членами. Он же ведает и финансовыми делами своего рода—задруги: продает, покупает, ведает кассою. Все члены рода обязаны относиться к домаќину с почетом и уважением. Обязанности домаќина по отношению к женской части задруги несет его жена—домаќиня.

Хозяйство задруги, ее движимый и недвижимый инвентарь, ее расходы и приходы составляют общее нераздельное достояние задруги, но зато каждый член задруги пользуется полным материальным обеспечением на равных правах со всеми прочими членами задруги и принимает участие во всех делах задруги, в том числе и в распределении имущества задруги (у сербов это имущество носит названия стожер, заједничка домаћа имовина, домаћа и ја и т. п.; у болгар—бацинија, задружен имот, къщен имот, мал и др.). По характеристике болгарского исследователя задруги проф. С. С. Бобчева, члены задруги смотрят на общее имущество задруги, как на свое имущество, но что в нем кому из них принадлежит, кто какую в нем имеет долю, они не знают, да и знать им этого не надо. Они знают, что все в задруге есть общее достояние, все принадлежит им, все они являются его хозяевами и никто в задруге не имеет права говорить, что это «мое личное имущество», «мое собственное достояние», «мною добытое», «на мои деньги купленное» и т. п. Частной собственности старая задруга не знает, но в последнее время встречаются задруги, где наряду с общим имуществом имеется и частная собственность. Этот вид имущества в задруге у болгар носит имя башкалък—от слова башка—«отдельно», «особенно». Он образуется чаще всего из свадебных подарков, которые вместе с собою приносит в новую семью невестка из родительского дома; иногда эти подарки бывают и довольно крупными—коровы, овцы, земельные участки, нивы, сады, луга, виноградники и т. п.

Для характеристики хозяйственных отношений в задруге необходимо еще отметить, что задруга не знает права наследования, что вытекает из общих условий коллективного пользования задружным имуществом и из основ задруги, как формы семейно-хозяйственного объединения.¹

Эти данные проливают отчасти свет на то, чем по своей структуре и характеру был первичный древне-славянский род, как семейно-родовая община, основанная вначале на кровном род-

¹ См. Karel Kadlec, Rodinný nedíl čili zadruha v pravu slovanskem. V Praze, 1898; O. Balzer, O zadruze slowiańskieje. — «Kwartalnik Historyczny», t. XIII, 1899, стр. 183—256; С. С. Бобчев, Българската челядна задруга. София, 1907, «Сборник за Нар. умотворения, наука и книжнина», т. XXII; Ivan Strohál, Zadruga u južnih Slovjena. «Glasnik zemaljskoga muzeja u Bosni i Hercegovini», XXI, 909.

стве, перераставшая, однако, с течением времени в территориальную соседскую общину или общину-марку и носившая имя своего родоначальника в форме патронимического прилагательного множественного числа на —ичи, —овичи, —вци, у западных славян —ісі, —ісе вроде: южно-славянских Враничи, Поповичи, Мрчасвци, Яковци, Тадювци, Великовци и т. п.; чешских — Přejaslavci, Žyvohybici, Mnětici, Domažilici и т. п.; польские Wadowice, Krzeslawice и т. д.

Территориальная соседская община или община-марка у южных славян носила в древности название жупа, и старейшина ее — жупан. У восточных славян она была известна на севере под названием мир, на юге — в е р в ь.

Что касается западных славян, то вопрос этот ввиду отсутствия соответственных данных решается здесь или совершенно отрицательно, в том смысле, что славянам эта форма общественного строя вообще никогда не была известна, на чем особенно настаивает польская буржуазная историография, или предположительно в пользу существования и у западных славян аналогичной общественной организации, носившей здесь то же имя жупа, какое она носила и у южных славян. Во всяком случае, положительные данные в этом смысле имеются только для южных славян. Это именно известное показание Константина VIII Багрянородного о сербских и хорватских жупаниях или жупах и возглавлявших их жупанах.

VI

Сербского князя Мунтимира, который, отстранив в 872 г. от власти своих братьев, сделался самодержавным правителем Сербии, Константин Багрянородный называет великим жупаном и говорит о том, что ему были подчинены жупаны остальных сербских племен. «Князей (ἀρχοντες), как говорят, — замечает источник, — эти народы (хорваты, сербы, захлумцы, тревуняне и др.) не имеют, кроме жупанов-старшин (βοητάς ἡγεμόνας), подобно тому как это в обычае у других славян».¹ Каких славян имел в виду Константин Багрянородный, говоря о других славянах, — неизвестно. Во всяком случае, восточные славяне, которых он очень хорошо знал, в X в. называли своих властителей титулом князь. Вероятнее всего, говоря о других славянах, источник имел в виду, прежде всего, болгарских славян, а может быть, также и западных, моравских, которые хорошо были известны в Византии по дипломатическим сношениям уже в IX веке при Михаиле III (842—897).

¹ Подробнее см. статью проф. В. Т. Дитякина — «Образование государства у хорватов», «Исторический журнал», 1944 г., № 10—11, стр. 76 сл.

Сербская жупания, или жупа, представляла собою участок меньших размеров, чем германская область, или «гау», и охватывала обыкновенно долину реки или горную котловину. Большинство жуп называлось по именам рек, вроде, например, Лепеница, Топлица, Црмница, или по названию местности, как, например, Дубрава, Хвостно; реже по укрепленному пункту — Рудник, Будимля. По течению реки жупы могли делиться на верхние и нижние. Границами отдельных жуп были необитаемые лесные или горные области, причем эти границы не имели установленной линии. Центром жупы был замок — град. На обязанности населения лежала постоянная его охрана и поддержка. Жупы были объединены в крупные области — слав. «земля», греч. χῶρος, лат. terra, regio.¹

VII

Основную общественной ячейкой у чешско-моравских славян в древности, по данным чешского историка права д-ра Герменгильда Иречека, был род. Комплекс мелких родов составлял племя. Живя в деревенских поселках (dědina, ves), эти роды имели общее имущество, общего главу и общее имя. Поселок, как таковой, не имел своего имени. Имя носили жители, и это имя оставалось и за поселком. Например, Utěšnovici — это прежде всего название рода и только впоследствии название поселка Itěšinovice. Этим объясняется, по автору, наличие на территории Чехии и Моравии большого числа поселков с коллективными, родовыми или так называемыми патронимическими названиями. Древнейшими родовыми именами у чехов и моравян Иречек считает такие, которые встречаются у всех славян, что, с его точки зрения, объясняется тем, что они возникли не на чешско-моравской почве, но были принесены сюда вместе с племенами, т. е. вместе с пришлыми родами. К числу таких родовых имен Иречек относит: Vojnici, Utěšnovici, Mladenovici, Myslenici, Drazkovic, Nezabudici, Domaborici, Přiběnici, Uběnici, Něhošovic, Nibonici, Bratronici, Sestronovici, Sendražici, Peřmyslane, Lutoborici, Grdiborici, Prostoborici, Vojislavici, Borislavici, Ratiborici, Jesutborici, Tuchomirici, Radonici, Brancoici и т. п. Первоначально, все это, очевидно, имена не поселков, а жителей. Каждый член такого рода, предполагает Иречек, лично назывался родовым именем: Vojen,

¹ См. Н. Jireček, Geschichte der Serben. I Bd. Gotha, 1911, стр. 115; его же, Staat und Gesellschaft im mittel. Serbien, I, стр. 1—24, 1912; его же, Handelsstrassen und Bergwerke, стр. 19; статьи Ст. Новаковича в «Godišnica» I (1877), стр. 163—243; «Glasnik» 1880, кн. 48, стр. 1—151; его же, Село. «Глас Српске Краљевске академие», XXIV, Београд, 1891

Mladen, Lutobor, Borislav, Vlastibor, Tovchomir, Přemysel, Něhoš, Nezabud, Ninonja, Rodonja и др.

Древнейший патриархальный строй у чехов и моравян начал исчезать, по Иречку, в X столетии, когда народ в результате более тесного политического сплочения начал более взаимно сближаться и смешиваться и когда жители существовавших до сих пор родовых «дедин» стали расходиться в разные стороны в целях добывания себе самостоятельного источника существования.

Когда князья начали обрабатывать и заселять свои обширные владения, они стали принимать к себе народ из прежних родовых поселков. Поступая на службу к князю одиночками, этот пришлый народ создавал здесь новые дворы, новые поселки, но уже не родового типа, как это было раньше, вследствие чего эти поселки получают и свои названия или по местности, или по имени своего основателя.

Родовой строй у чехов и моравян, т. е. строй, когда села образовывали поселения отдельных родов, держался, по Иречку, вплоть до конца X в., так что поселки с коллективными, патронимическими названиями, по определению Иречка, восходят ко временам не позже X в. н. э., а названия топонимического и персонального характера не старше конца X в.

Родовая организация у древних чехов, по Иречку, была похожа на родовую организацию у южных славян, задругу, что подтверждается исконным названием недвижимого имущества *dědina*, т. е. наследие дедов, переходящее к потомству; другими словами *dědina*, по Иречку, значит родовое имущество. У хорватов это *bastina*, у поляков и словаков — *otći zna, otčina*. Основа у всех этих терминов одна и та же: *děd, batja, otec*, т. е. предок родового, кровно-родственного потомства. Эта общность недвижимого имущества, дедины, стала основой средневекового наследственного права у чехов. Как правило, род у чехов в древности оставался неделимым и в этом смысле составлял общину. Д е д и н а была кормилицей рода. Она принадлежала не только данным членам рода, но роду вообще, т. е. и последующим его сочленам, поэтому она безо всякого завещания и распоряжения переходила от поколения к поколению. Она была непрерывно продолжающеюся основой источника существования, тем, что южные славяне до настоящего дня называют *stežer* (*Stammgut*), т. е. родовое достояние; семья же была только переходящим пользователем этого имущества. Только предметы потребления, доход, так называемые плоды дедины переходили в абсолютную собственность членов рода.

Доходы дедины состояли из хлеба в зерне — *obilí*, и в скоте. Термин *obilí* обозначал у чехов вначале то, что и сейчас у словаков называется термином *obilí*; *dobytek* — скот означало то, что

термин *statek* и до сих пор означает у поляков, т. е. имущество. Хлеб в зерне *obilí* стал товаром; скот *dobytek* стал имуществом членов семьи. Девушки, выдаваемые замуж, наделялись у чехов только венем, т. е. движимым имуществом.

А так как род действительно составлял в целом определенную единицу, жил вместе в одном поселке, то деревня и до сих пор, по Иречку, у моравян, словаков и чехов называется *dědina*.

О паличности у чехов, моравян и словаков в древности родового задружного строя, причем род и его дедина — поселок были здесь нераздельны, свидетельствует целый ряд пережитков в современном быту: так, например, средневековая община у чехов, сменившая собою более раннюю родовую общину кровных родственников, продолжала сохранять характер родовой общины и ее установления вроде, например, круговой поруки; термин «челядь», каким все вместе назывались члены родовой общины, которым и сейчас называются служащие в доме (*čelěd, čelědka*); вроде обычая, бытующего и сейчас в чехо-моравских деревнях, взаимопомощи крестьян, например, при уборке урожая, известного у моравских валахов под именем *robaba*, у сербов *molba* (*moba*), т. е. помощь при работе, у чехов *laska*; или при бытовых несчастьях оказание взаимопомощи дровами, хлебом, скотом и т. п.¹

Характерную особенность для воззрений чешского историка права, как можно видеть из изложенного выше, составляет то, что, признавая родовую общину — дедину — в качестве начальной основы общественного строя у чехов в древности, от этой формы общественной организации он непосредственно переходит к племени, как к комплексу мелких родовых общин, минуя, таким образом, переходную ступень между родом и племенем, которую составлял союз родов, или, по Энгельсу, — община-марка. Чешский же историк славянского права Карель Кадлец, работавший позже Иречка, как видели мы выше, высказался в 1912 г. предположительно в пользу существования и у западных славян той же организации и с тем же именем ж у п а, которая была известна и южным славянам и которая представляла собою то именно, что нам известно обычно, как община-марка.

VIII

В современной чешской историографической литературе по данному вопросу нет единства мнений. Представители так

¹ См. Н. J i r e č e k. *Slovanské právo v Čechách a na Moravě*. V Praze, 1863, стр. 63—69

называемой новой исторической школы. J. Pekaz и V. Novotny категорически отрицают существование у чехов, моравян и словаков в древности жупы, на том основании, что данный термин не засвидетельствован в древнейших чешско-латинских источниках, где на месте предполагаемых небольших жуп выступают только края, которые эти источники называют терминами *provincia, terra, regio, tribus, districtus*. Профессор же Новотны, кроме того, отметил, что термин *supanus* выступает в латинских источниках значительно позже, начиная впервые с XII в., и высказался против тенденции переносить его в более ранние эпохи чешской истории, независимо от того, что этот термин засвидетельствован у других славян раньше, чем он впервые выступает у чехов. С другой стороны, проф. Новотны пытается установить, что, несмотря на то, что приведенные выше латинские термины и употребляются в источниках, повидимому, без определенного отличия и как будто бы в одном и том же значении, однако термин *provincia* употребляется в более широком смысле или, по крайней мере, ставится выше термина *regio*, означающего нечто меньшее, иногда прямо противопоставляемое понятию *provincia*. Термин же *provincia* употребляется в источниках обыкновенно для названия территорий бывших, некогда самостоятельных племенных объединений. Например: *in confinio duarum provinciarum Belina et Lutomerici*—речь идет о племенах белина и лютомерици; *illa distinguitur provincia quinque regionibus*—речь идет о племени лучан; *unam partem regionem, quae est circa fluvium Belinam*. Наряду с этим тот же источник (Козьма) говорит: *civitatem Gradec et totam circa adjacentem cum quatuor castellis provinciam*,—т. е. тот же термин *provincia* употреблен в данном случае для города Градец и прилегающей к нему округи, т. е., повидимому, для территории меньшего размера, чем территория соответственного в прошлом племени. Путем довольно простого рассуждения проф. Новотны старается доказать, что обширные племенные территории, захваченные вооруженною силою, по причинам топографического характера не всегда были удобны для управления как единое административное целое и поэтому дробились на более мелкие единицы, имевшие своими опорными пунктами вновь создаваемые или приспособляемые для этой цели старые, уже существовавшие на данной территории города. Эти более дробные административные районы единой былой обширной племенной территории автор склонен видеть в термине *regio* в противоположность термину *provincia*, который продолжает по традиции, как утверждает Новотны, существовать у летописцев и историков после того, когда самой «провинции» уже не существовало, а на ее месте уже существовали более дробные административные единицы,

regio.¹ Повидимому, автор имеет в виду обосновать таким образом свою мысль о том, что термин латинских источников *regio* означал собою, во всяком случае, нечто иное, чем жупа, и что соответствующей организации у древних чехов не было.

То обстоятельство, что существование жуп у чехов, моравян и словаков не засвидетельствовано источниками в древности, но только для XIII и XIV вв. и притом в другом значении, не мешает проф. Нидерле, на основе всяких доводов, высказать все же предположение, что аналогичные организации существовали у чехов и моравян и до X в.²

IX

Из немногих вообще русских ученых, занимавшихся изучением истории славянского права, на вопросе об общественном строе у древних славян, в Чехии и в Польше останавливался в свое время варшавский профессор Ф. Зигель. В статье «Исторический очерк местного земского самоуправления в Чехии и Польше» (1883) он высказался в том смысле, что древнейшими формами местного самоуправления в Чехии были деревня и область (жупа). На основании данных чешских историков права, Калоусека и Герменегильда Иречека, проф. Зигель высказал предположение, что в «незапамятные времена» в каждом чешском поселении сидел один род.

С проникновением же в Чехию в течение XIII в. вместе с немецкими колониями немецкого права чешское деревенское управление почти совершенно исчезает и заменяется немецким, с войтом и присяжными. В течение XI в. древне-славянская форма деревенского самоуправления бесследно исчезает в Чехии.

Что касается области или жупы, то имеющиеся в распоряжении исследователя материалы, вскрывающие характер общественного строя у чехов в древности, говорят, по Зигелю, следующее:

1) В самые отдаленные времена аристократия и рыцарство в Чехии и Моравии делились по жупам; ополчения областей составляли отдельные полки; имелись областные собрания для суда населения области.

2) Жупаны областей назначались верховною княжескою властью и представляли собою княжеского наместника в области, причем иногда эта должность была наследственной в известном роде, так что при полной юридической свободе назна-

¹ См. V. Novotny. *České dejiny*, т. I, г. 1, Прага, 1912, стр. 499—514.

² См. L. Niederle. *Slovanské starožitnosti*. Dil III. V Praze, 1919, 184—186.

чать на должность жупана кого угодно князь в этом отношении иногда был связан.

3) Жупаны были всегда представителями богатейших и знатнейших родов в своей области.

Приведенные профессором Зигелем данные рисуют во всяком случае более поздний этап в развитии общественного строя у западных славян в древности, характеризуемый как переходный этап от родового строя к феодальному, когда вместе с развитием частной собственности создается классовое расслоение общества и вырастает землевладельческая знать — аристократия, дворянство и рыцарство, захватывающие в свои руки власть; когда княжеская власть отрывается от народа и начинает приобретать характер самодержавной наследственной власти.

В это историческое время областной жупан имеет двойное значение: с одной стороны, он попрежнему «политический глава области в силу своего общественного значения среди областного населения независимо от княжеского назначения»; с другой стороны, он «представитель князя по отношению к области».

Таким образом, на этом этапе развития общества жупан совмещает в своем лице одновременно функции органа центральной власти и функции органа местного самоуправления.

В этом положении вещей прекрасно отразился переходный дофеодальный этап в развитии общества у западных славян.

«Такое соединение в одном лице двух противоположностей объяснимо тем несомненным фактом, — говорит проф. Зигель, — что в чешской области мы видим видоизменение племенной жизни; отдельные чешские племена со своими племенными князьями не были стерты с лица земли; сила князя чешского племени, занимавшего самый центр Чехии, оказалась недостаточною, чтобы окончательно сломить самоуправление; необходимо, вероятно, было ограничиться полумерами; и вот появляется областная организация с сильно развитою областною жизнью и со своим главою, которого. обыкновенно, и утверждал чешский князь своим наместником...» и т. д.

Областной организации незачем было, конечно, появляться — она существовала с древнейших времен, но это была организация, построенная на родовых отношениях. Накопление богатств и возникновение частной собственности привели родовое общество к классовому расслоению и нанесли удар по родовым отношениям, вызвав к жизни новые, феодальные отношения. В процессе феодализации общества старый верховный жупан и областные жупаны родового общества переросли в имущественную знать и ее ставленников, и в процессе классовой борьбы в недрах экономически господствующих групп выростала централи-

зованная княжеская власть, насильственно ликвидировавшая постепенно областные княжества и превращавшая их жупанов или князей в своих наместников. История династии Пшемисловичей в Чехии или династии Пястов в Польше является прекрасной иллюстрацией этого процесса. Такую же иллюстрацию представляет собою и данный случай. Областной жупан продолжает сидеть на своем месте и попрежнему несет функции политического главы общества в силу своего значения, но не просто общественного, как утверждает проф. Зигель, а имущественно-общественного значения среди областного населения независимо от княжеского назначения, но вместе с тем он уже и княжеский наместник по отношению к области. Это еще не феодальное общество, но дофеодальная стадия его развития. От него один шаг к полному наступлению феодальных отношений. Если исходить из родовых отношений как начальной стадии развития общества у славян в древности, то данную стадию развития общества у древних чехов можно было бы рассматривать как третью стадию в его развитии. Предшествующая ей стадия была стадия независимых областных жупанов, выдвинутых и ставленников имущественной знати.

Таким образом то, о чем проф. Зигель говорит: «и вот появляется областная организация с сильно развитою областною жизнью и со своим главою, которого обыкновенно и утверждал чешский князь своим наместником», в действительности представляло собою не какое-либо появление неизвестно откуда новой областной организации, а отмирание в чешском обществе последних пережитков старых родовых отношений и наступление новых, феодальных отношений. В конце XIII в. при Пшемисле — Оттокаре II должность жупана была упразднена; вскоре после этого было упразднено и деление Чехии на жупы. Место жупанов заняли королевские краевые или крайские чиновники. Чехия была разделена на края, в состав которых вошло по нескольку старых жуп.

Таким образом, заключает проф. Зигель, в XIV в. исчезает вторая форма старого самоуправления. Образовавшиеся из нескольких жуп края уже не проявляют такой живой общественной жизни. Из крайских чиновников ни один не мог иметь притязания быть политическим главою жупы, а крайские съезды собирались под строгим контролем короля. Он назначал лиц в председатели съезда, он определял, из каких слоев населения съезд должен был состоять, наконец, он указывал предмет съездов. Следовательно, крайский съезд не был органом самоуправления, а только средством, к которому прибегало иногда правительство с целью разузнать общественное мнение края по данному предмету. Падение древне-славянской общины в Чехии проф. Зигель относит к XI в.

Гораздо сложнее обстоит вопрос об общественном строе у польских славян в древности. Польская буржуазная наука проявила полное бессилие разобраться в этом вопросе и заняла наиболее удобные для буржуазной науки в подобных случаях агностические позиции.

Общественный строй польских племен до возникновения государства не представляется польским историкам, как Бобржинский,¹ Пекосинский,² Смолька³ и др., сколько-нибудь ясным ввиду отсутствия непосредственных данных источников. Однако, каков бы он ни был, признается Бобржинский, во всяком случае, он опирался на живое чувство близкого или дальнего кровного родства.

Население жило в древности объединенным территориально в семью, в род, составленный из нескольких или нескольких десятков семей, в народ, составленный из большего числа родов, и в племя, составленное из некоторого количества народов. На союз семей и родов опиралась хозяйственная организация, переходившая в течение веков через различные, не поддающиеся утверждению роды коллективного, вплоть до индивидуального, хозяйства. Эти союзы, оставаясь под властью отца семьи и главы рода (старосты), обеспечивали своим членам покровительство и защиту.

Как можно видеть из изложенного выше, либеральный объективизм польского историка мешает ему открыто признать, что и в древней Польше, как и у других народов, общество на догосударственной стадии развития было построено на первобытно-коммунистических началах; что оно было первобытно-коммунистическим обществом со всеми характерными для этого строя структурными особенностями коллективного хозяйства и коллективной общественности, отлагавшимися соответственным образом как на психике всего коллектива, так и на психике каждого из его членов в отдельности и отложившимися в позднейших нормах публичного права, действенных еще в эпоху Пястовской монархии; мешает ему признать, что индивидуальное хозяйство есть продукт определенных социальных сдвигов,

¹ Michał Bobrzyński, O założeniu sądów wyższych prawa niemieckiego na zamku Krakowskim. 1875; его же, Dzieje Polski, 4-е изд., т. I, 1927.

² Fr. Piekosiński, Wiece, sejmiki, sejmy i przywileje ziemskie w Polsce wieków średnich. Kraków, 1900, Rozprawy Krakowskiej Akad. Nauk, Serya II, Tom XIV, 1900, стр. 171—251; его же, Obrona hipotetycznej nazwy jako podstawy ustroju społeczeństwa polskiego. Kraków, 1882.

³ Smółka, Mieszko Stary i jego wiek. Warszawa, 1891.

связанных с зарождением частной собственности, добываемой вначале чисто разбойничьими способами, и что частная собственность, подрывая основы первобытно-коммунистического общества, приводит, в частности, польское общество уже в начале X в. к деспотическому режиму аристократической монархии Пястов, опирающейся на хищническую эксплуатацию рабов и крестьян («кметей»).

Несколько десятков кровно-родственных родов, живших близко друг к другу, по Бобржинскому, составляли народ (lud). Каждый такой народ, насчитывавший несколько тысяч человек, держался вдали от другого и управлялся отдельно. Высшим органом власти были вече, т. е. собрания всего народа, руководимые старейшинами. Вече выносило постановления о войне и мире, разрешало судебные споры и вообще ведало всеми важнейшими делами. Исполнителем вечевых решений были старейшины, но, прежде всего князья, имевшиеся у некоторых народов, но не у всех. Население, составляя один народ, так живо сохраняло чувство своего кровного родства, что рассматривало вече как родовое собрание, а князя, где он существовал, как его главу. На это чувство и на это уважение, по Бобржинскому, опиралось их повиновение вечевым решениям и княжеским распоряжениям.

Население было редкое, говорит польский историк, а необработанной земли было так много, что никто не отбирал ее у другого, но часто даже, в поисках лучшего поля, переносил свое хозяйство на другое место. Обладание известным участком земли не представляло собою еще большой значимости, никто не называл себя его владельцем, никто не отделял его от других границей. Тем усерднее зато каждый народ защищал занятый им участок края от других народов и считал себя единственным его владельцем и собственником, ибо земля принадлежала не одиночкам, не семье или роду, но всему народу. Там же, где сложилась абсолютная княжеская власть, собственность на землю переходила к князю.

Таким образом, польский правовед и историк проф. Бобржинский ни слова не сказал о том, какая же общественная организация лежала в основе общественного строя в допястовской Польше. Он назвал народное вече как орган верховной власти, руководимый старейшинами или князем, имея в виду при этом, повидимому, племенное вече и племенного князя. Он усиленно подчеркнул в качестве главного и основного момента, объединявшего польские семьи и роды, а роды в народ, чувство кровного родства, которое, в изображении Бобржинского, было так сильно у поляков, что они рассматривали свои племенные народные вече как собрания миролюбиво настроенных добрых родственников, а князя как своего милого папашу.

Как появилась у польского народа княжеская власть, что такое представляли собою старейшины, в какой среде и в какой организации они были старейшинами, — это для читателя Бобржинского осталось покрытым мраком неизвестности.

Этим идиллическим тонам он не изменяет и дальше, когда в § 10 своего труда переходит к довольно подробному рассмотрению вопроса об устройстве начального или первичного польского государства в X в. при первых Пястах, Мешке I (960—992) и Болеславе Храбром (992—1025), деятельность которых он рассматривает исключительно, как деятельность культуртрегеров и благодетелей польского народа. С этой точки зрения он оценивает ликвидацию названными князьями древней самобытности польских племен, в частности — племенных князей и республиканских веч, где они еще существовали, а также ликвидацию территориальных племенных границ, переброску населения с одного края в другой, взаимную перемешку его и разделение государства на мелкие поветы, т. е. районы или уезды, во главе управления которых были ими поставлены зависимые от них чиновники (*urzędniki*).

Эти княжеские урядники, каждый в своем повете, сосредоточивали в своих руках военную и судебную власть и назывались *панами*. В скобках с вопросительным знаком Бобржинский ставит: *жупанами*, лат. *comites*, позже — *каштелянами*, так как они отправляли свою должность в оборонных замках или городах (*castrum, castellum*), построенных королем в каждом повете, имели в своем ведении гарнизоны этих замков, а в случае войны созывали население к обязательной для всех военной службе, выступали с ним на место, назначенное королем, и вели его в бой. Правда, замечает историк, Польше не доставало материальных средств для того, чтобы в случае надобности противопоставить Западу большое панцирное рыцарское войско, но нехватка вооружения и недостаток количества возмещались железной, соответственной условиям края, организацией. В мирное время население повета ремонтировало свой оборонный замок, поставляя ему поочередно смеющиеся гарнизоны, и, упражняясь в обращении с оружием, приобретало таким образом соответственные навыки. Впоследствии эта обязанность была заменена специальным налогом «*stróža*», а в замках были введены постоянные рыцарские гарнизоны. Непрерывные тревоги и походы воспитали в народе воинственный дух; наказания, налагавшиеся на ослушников и трусов, были суровые, случаи неповиновения исключительные, самопожертвование безграничное (!?).

Главную военную силу государства составлял род постоянной армии — рыцарство, содержимое на личные средства правителя. Кроме того, король имел в своем распоряжении отборную,

наилучшим образом вооруженную придворную дружину в составе нескольких тысяч человек, служившую опорой королю. Эта королевская дружина содержалась в особых лагерях в Гнезне, Познани, Гдече и Водзиславе в количестве нескольких тысяч человек. В опаснейших случаях немецких вторжений к обороне страны привлекался весь польский народ.

Каждый повет, по Бобржинскому, делился на *ополя*. Население *ополя* было исполнять известный ряд повинностей и даней согласно княжеским распоряжениям и установленному обычаю; поставлять подводы для королевских чиновников и посланцев, перевозить продукты с княжеских амбаров к месту назначения (*przewód*), содержать княжеский двор на месте его прибытия (*stan*), вносить дань скотом (*parzaz*), медом, зерном (*sep*), деньгами (*poradlne, podworowe*). Роль денег долгое время исполняли разного рода меха, монета была редкою, вначале только заграничная византийская, позже также местная, чеканившаяся на княжеских монетных дворах. Дань доставлялась в поветовый замок. Таким образом собирались хлеб, продукты, которыми пользовались княжеские чиновники и гарнизон; во время же войны на эти средства вооружалось и кормилось войско.

Первичное польское государство, по Бобржинскому, представляло собою одно большое земское хозяйство, а почти все население было деревенским. Обремененное военной службой и различными даними и повинностями, оно сидело наследственно на определенных для себя землях. В древнейших документах оно выступает под названием *heredes*, т. е. наследники. Оно было свободным в том смысле, что зависело только от монарха и его урядников. Впервые, вместе с наделением поместьями костелов, часть этого деревенского люда правители передали под власть костела, приписали его к костелам (*ascripti ecclesiae*). Это повело к разграничению повинностей на повинности публичные, оговоренные в пользу правителя государства, и частно-правовые, которые перешли к новому владельцу, костелу. Если же князь передавал обрабатываемую землю частному лицу, то он переселял сидевшее на ней население в другие свои владения.

Тяжелее была участь рабов, военнопленных — поморян, чехов, прусаков, русских и т. д., которые не имели права ни покидать своего местопребывания, ни переменить своего занятия и несли повинности без ограничения. Они имели особую организацию, делились на десятки и сотни и подлежали ведению особых урядников до тех пор, пока не слились с массой польского крестьянского населения и не растворились в нем, что, однако, имело место только в XIII и XIV вв. Одною из важнейших целей войны была добыча большого количества пленников и поселение их как

рабов во владениях князя, богатого рыцарства и костела. Торговля рабами в Польше практиковалась уже с древнейших времен. Значительный класс рабов увеличивался также за счет осужденных преступников. Рабы в костельных или частных владениях были вполне подчинены своим владельцам, делали, что им приказывалось, и этот слой населения, в первые века количественно очень значительный, по свидетельству польских историков, играл в сельском хозяйстве, особенно в имениях имущественной знати, крупную роль. Положение населения в частных имениях было в это время крайне тяжелым.

Среди рыцарства выделялись своим шляхетским происхождением потомки старых княжеских родов. Они владели в порядке наследования обширными пространствами земли (в земле вислян и в Силезии) и вели на них хозяйство, по примеру княжеского хозяйства, трудом рабов, над которыми имели полную власть. Часть этого рыцарства жила в своих замках либо дворах, которыми они давали свои имена (Sieciczków, Prandocin), большая часть жила в своих имениях, а название поселка означало народ, составлявший собственность пана (Siecichowice или Siecichowiczowe ludzie). С установлением королевской власти это рыцарство сохранило традиции своего происхождения. Король охотно принимал их при дворе, потому что они придавали ему блеск, ими он замещал высшие должности, одаривал их землею и военноопленными, но не признавал за ними никаких исключительных прав и привилегий. И рыцари устраивали у себя дворы, окружали себя из среды своего народа рыцарством, но дворы их были только слабой копией двора монарха, около которого они должны были сами вращаться и на котором сосредоточивалась вся жизнь народа.

Наряду с вооруженной дружиной, составлявшей род лейбгвардии князя, двор его составлялся из урядников и огромного количества служащих. Из дворовых урядников, кроме чашника (pincerna) и столбника (dapifer), мечника (ensifer) и хорунжего (vexilifer), выдающееся место занимал в оевода (palatinus), один на все государство, заместитель короля в мирное и военное время; канцлер (cancellarius), наконец, коморничие (camerarii), которые разносили судебные распоряжения и повестки. При дворе Болеслава, кроме того, имелся совет короля из 12 личных его приятелей. Никакой, однако, самостоятельности вся эта придворная чиновничья иерархия не имела. Всем как при дворе, так и в государстве ведал лично король. Он лично всем ведал, лично отдавал распоряжения, лично предводительствовал на войне, лично управлял и судил.¹

¹ См. Dzieje Polski w zarysie. Wydanie 4-te, uzupełnione. T. I, 1927.

Таким образом, если польский историк в своей «Истории Польши» дал некоторую картину общественного строя и общественных отношений в Польше в начальный период монархической Польши, то допьястовская Польша представлена у него в этом отношении весьма поверхностно, и поверхностно именно потому, что он рассматривает историю польского народа в изоляции от других народов—и в первую очередь от прочих славянских народов—и в своих изучениях допьястовской Польши ограничивается только письменными польскими источниками, забывая, что письменные источники в данном случае, особенно если они при этом молчат по интересующему историка вопросу, не являются решающим документом.

XI

Проф. Бобржинский является представителем старшего поколения польских историков. Первое издание его «Истории Польши» вышло в 1877 г. Можно было бы предполагать, что за время, истекшее после 1877 г., польская наука обогатилась новыми данными, которые могли дать ей основания пересмотреть свои старые позиции в вопросе об общественном строе у польских славян в древности или же что в трактовке национального прошлого польские историки сумели выйти из заколдованного круга национальной обособленности и подойти несколько шире к данной проблеме, учитывая не только данные польских источников, но и огромные достижения в этой области соседей и в первую очередь русской науки, достижения которой они вообще обыкновенно замалчивали... Предположения наши оказались, однако, не отвечающими действительности. Перед нами труд польского историка Арнольда Станислава (Arnold Stanislaw) 1927 г.—Początki państwa Polskiego.¹ Несколько начальных строк посвящены в ней интересующей нас проблеме. Вот что мы читаем в этих строках: «Политический строй польских племен, конечно, немногим, в общих чертах, отличался от того, который в это время существовал у других славян. Однако, вопреки тому, что неоднократно утверждается еще и сейчас, он не имел черт родового строя (!?)» (подчеркнуто мною—Н. Д.). Родовые союзы существовали, утверждает автор, в наиболее прочно сложившемся виде, вероятно, только в деревнях, где самый старший в роде, староста, имел, конечно, довольно значительное влияние на своих кровных родственников, улаживал споры, исполнял некоторые обрядовые функции, например, при заключении браков, и т. п. Но в исторических

¹ См. двухтомное коллективное издание «Polska, jej dzieje i kultura od czasów najdawniejszych do chwili obecnej». Warszawa, S. a. (1927), стр. 51—56.

источниках нет следов, говорит автор, чтобы он когда-либо выступал в политической роли, как вождь или владетель. Западное славянство, вместе с Польшей, в IX—X вв. уже давно имело за собою период сложения небольших племенных государств с княжескою властью во главе.

Эта власть существовала у славян, утверждает автор, уже в готское время (IV в. н. э.), ибо славяне именно от готов приняли термин *kniedr*, позже *księdr*, затем *knęz*, который мог возникнуть только от готского *kuninga*. Несомненно, старшим по происхождению княжеским титулом, говорит автор, был славянский *włodyka* или *włóściciel*, сохранившийся еще в значительно позднее время у разных славянских народов, равным образом как и хорошо известный в Польше термин—*г о с п о д и н* (стр. 54).

Вот и все, что мы узнаем о дофеодальном периоде в истории Польши из книги современного польского историка проф. Арнольда.

Оказывается, таким образом, что политический строй польских племен, который, по автору, немногим, конечно, отличался от того, который в это время существовал у других славян, в действительности отличался от него очень многим: во-первых, он не имел черт родового строя, и, во-вторых, родовые союзы существовали у польских славян, вероятно, только в деревнях. Спрашивается, что же после этого остается в политическом строе польских племен, что сближало их, по утверждению польского историка, с прочими славянами? Повидимому, ничего, потому что польские славяне не знали родового строя, а если и знали его, то, вероятно, только в деревнях. Что значит это последнее утверждение автора? Что он понимает для дофеодального периода в Польше под термином *д е р е в н я* и какой тип населенного пункта, очевидно, существовавшего, по его мнению, в это время в Польше, он противопоставляет деревне? Повидимому, это было значительное население, если отсутствием у него черт родового строя автор характеризует в основном общественный строй Польши в древности. Однако не является ли это категорическое утверждение автора простым недоразумением? Никакого другого населения, кроме деревенского, дофеодальная Польша не знала, как не знали его и другие славянские племена на востоке и западе. О городах в современном смысле слова говорить не приходится, потому что их не существовало. А если кое-где в городах-замках и существовало оседлое население, то его составляли в это время князь со своим окружением и гарнизон, не представлявшие собою, во всяком случае, основного населения страны.

Таким образом, то весьма небольшое, что по интересующему нас вопросу об общественном строе допястовской Польши ска-

зал Арнольд Станислав в своем очерке 1927 г. «*Początki państwa Polskiego*», не внесло в вопрос никакой ясности, и самый вопрос затронут автором весьма поверхностно, мимоходом, как несущественный вопрос, как вопрос, имеющий будто бы для истории образования Польского государства скорее чисто формальное значение, чем значение по существу, как объясняющее самый процесс образования государства и его древнейшие исторические судьбы.

XII

В задачу нашего очерка не входит обзор высказываний польских историков по вопросу об общественном строе в Польше в древности, т. е. до образования монархической пястовской Польши. Для этого потребовалось бы слишком много времени, потому что нигде среди славян буржуазными историками не было положено так много «добросовестных» усилий на то, чтобы доказать, что польский народ в древности не знал родового строя, как именно в Польше. Следить за этою литературой, откровенно говоря, не представляет никакого интереса. Чаще всего—это откровенные или замаскированные попытки доказать, что польский народ никогда не знал коллективной собственности, а чуть ли не родился на свет божий уже частным собственником и таким остается вплоть до настоящего дня. С другой стороны, однако, несомненная наличность в истории польского народа ярких пережитков родового строя заставляет признать и эту группу польских историков, что все же нечто вроде родового строя было известно и польскому народу в древности, следовательно, надо найти какой-то выход из этого противоречия. И они стараются найти его в различных компромиссных комбинациях, которые при этом строятся таким образом, что принцип частной собственности не терпит ни малейшего ущерба. К этой группе польских историков принадлежат Тадеуш Войцеховский (*Wojciechowski Tadeusz*), автор известной монографии, вышедшей в Кракове в 1873 г. под заглавием *Chrobacyna* (т. I), посвященной исследованию названий населенных пунктов в Малополье, т. е. в Краковской области, которую он называет *Chrobacyna*, т. е. «Хорватия»; затем—Кароль Потканский (*Karol Potkański*), давший целый ряд работ на ту же тему—о различных типах наименований населенных пунктов в древней Польше; частично Станислав Закржевский. Критическому обзору этих работ, а затем и собственному исследованию того же предмета посвящена обстоятельная монография Фр. Буяка (*Franciszek Bujak*)—*Studia nad osadnictwem Malopolski*, напечатанная в 1905 г. в «Трудах» (*Rozprawy*) Краковской Академии Наук (т. XXII).

Для того чтобы уяснить себе основную целеустремленность названных выше польских историков, поставивших своею задачею разрешение проблемы общественного строя в древней Польше путем исторического анализа различного типа наименований населенных мест, следует иметь в виду, что, согласно общепризнанному мнению, населенные пункты с так называемыми патронимическими названиями, о чем мы говорили выше, представляют собою, предположительно, наиболее старый тип поселка, т. е. поселка эпохи родового строя, носившего обычно имя своего родоначальника в форме патронимического прилагательного множественного числа на -ичи, -овичи, -вци; западных славян на -ici, -ice и т. п.: Враничи, Поповичи, Яковци; чешск. Domarilici, польск. Wadowice и т. п. Задача названной группы польских историков сводится, в основном, к тому, чтобы аннулировать это общепринятое в исторической и юридической литературе положение и дать иную картину происхождения различных типов поселковых наименований на территории Польши и, в частности, доказать, что так называемые патронимические наименования населенных пунктов не представляют собою наследия былого родового строя. Так, например, Fr. Vujak утверждает, что древнейший тип поселений в Польше составляют те, которые носят топографический характер, т. е. отражают в своих названиях характерные особенности местности расположения поселка, вроде, например, наименований, составленных из имен рек, лесов и деревьев, а также из давно исчезнувших выражений — aha и —afa (aqua), —loh (locus), —mar (fons), —tar (arbor) и т. п.; или наименований, указывающих на влажность, болотистость почв расположения поселка, вроде, например, brodno, brodlo, brudno, brno (гл. brnać — «брести, ходить по грязи»), bagno, bloto, beblo, chechlo, chraru и т. п. (стр. 298); или, наконец, наименований с окончанием —isa, считающихся обыкновенно, по автору, именами рек (стр. 299). Автор стоит на той точке зрения, что вначале первенствующая роль принадлежит самой земле, преобладающей над человеком, ее насельником, кочевником, и только с течением времени преобладающая роль переходит к насельнику (296). Вместе с развитием частной собственности все чаще и чаще начинают выступать личные имена как элемент, лежащий в основе производства наименований населенных пунктов (295, 297 сл.). Для допущения системы родового поселения в XII и XIII вв. источники, по автору, не дают никаких оснований. Польское и, в частности, малопольское население в этом периоде (XII — XIII вв.) представляло собою, по автору, обычно, совместное поселение; однако уже в это время, согласно утверждению автора, имеются и многочисленные следы поселения индивидуального или однодворового.

Самое интересное и наиболее ценное в монографии Fr. Vujak — это уточнение понятия об ополе (vicinia) в эпоху племенного быта у поляков в древности. Ополье, по автору, это, прежде всего, территориальная, а не родовая единица, это территориальное объединение нескольких сел (от 10—20); бывали, однако, ополя и больших размеров. В пределах одного ополя (vicinia) все население его образует с о с е д е й (vicini); связанных в пределах территории ополя определенными правовыми нормами в пользовании землей. Первоначально только ополя имели определенные границы; села же, расположенные в пределах ополя, оставались в таких отношениях к этим границам, как сейчас, замечает автор; хозяйства, состоящие из нескольких десятков кусочков, относятся к территории села. Дисциплинарная (по суду) ответственность населения ополя, а особенно его коллективные обязательства в отношении исполнения распоряжений правительственной власти, свидетельствуют о том, по автору, что более подробное различие между селами и населением ополя было затруднительным. Автор подчеркивает, как важный пережиток первичной общности территории между многими селами, право выпаса скота на землях соседних сел на основе взаимоуслуги по отношению друг к другу в среде определенной группы сел. Автор высказывает предположение, что между ополем и племенной территорией была некая посредствующая единица политической (государственной) организации. В большинстве же известных случаев, утверждает автор, ополье равнозначно с городом (civitas — географа баварского), который позже стали называть в Польше к а ш т е л я н и е й. Автор настойчиво отмежевывается от жупы или жупанки. Польское opole — civitas, заявляет он, не было жупой. В Польше и Чехии в XII и XIII вв. жупа, говорит автор, означала все взносы населения в пользу государства; другими словами — с точки зрения правительственной администрации — жупою в Польше назывался всякий доход княжеской казны. Ввиду того, что важнейшие доходы в Краковской земле поступали с солеварен и с соляных рудников, жупами здесь назывались с о л я н ы е к а м е н о л о м н и. Правительственные урядники (чиновники) называются в это время в Польше вообще жупанами, как сборщики с населения государственных взносов и даней...

Из сказанного выше польским историком относительно ополя у поляков в древности с совершенной очевидностью вытекает, что ополье (vicinia) представляет собою не что иное, как территориальную общину или соседскую общину — марку, и в этом смысле — организацию, совершенно тождественную с жупою или жупанией у южных и других западных славян. Что означала жупа и жупания в Польше и в Чехии в XII—XIII вв., это совершен-

но особый вопрос, вопрос исторически преемственной традиции в специальном отложении данного термина в определенной области хозяйственной жизни. Для нас важно, прежде всего, то, что в допьястовскую эпоху, т. е. в эпоху племенного строя и родовых отношений, польское общество знало родовой строй в полном объеме, как знали его в это время и все прочие славянские племена и народы; знало оно на известном этапе своего развития и семейно-родовую общину, и территориальное объединение семейно-родовых общин в союз этих последних, т. е. подлинную жупанию или жупу, соседскую общину-марку, что доподлинно представляло собою польское *opole*; знало оно, конечно, и общественные организации более широкого масштаба, т. е. территориально-союзные объединения ополей в племенные образования различных по занимаемой площади и количеству населения размеров.

Так, именно, представляется нам общественный строй у поляков в древнейшее время, если только мы будем исходить не из случайно уцелевшей в случайно сохранившихся латинских памятниках соответственной терминологии, но и из более широких данных марксистской науки об обществе, из наличия соответственных институтов у ближайшего окружения, из позднейших бытовых и правовых пережитков традиционной житейской практики данного народа и пр. и пр. Польская буржуазная наука, как видели мы выше, подходит к данному вопросу чисто формалистически, исходя только из наличия соответственных показаний письменных источников и тем самым сознательно ограничивая свои познавательные возможности в такой важнейшей области знания, как наука об обществе. Однако и в среде польских буржуазных историков и правоведов имеются отдельные ученые-одиночки, которые умеют сохранить свой независимый голос и в массе реакционного окружения продолжают твердо стоять на своих позициях признания и для древнейшего общественного строя Польши родового принципа со всеми вытекающими отсюда историческими и юридическими последствиями.

XIII

К числу этих польских ученых принадлежит недавно скончавшийся краковский профессор, б. член-корреспондент Академии Наук СССР Освальд Бальцер (Oswald Balzer). Последняя из его работ, в которой он останавливался на проблеме родового строя в Польше, была напечатана в 1898 г. в львовском историческом журнале *Kwartalnik Historyczny* под заглавием *Revizya teoryi o pierwotnem osadnictwie w Polsce* (Rocznik XII, zeszyt 1, стр. 21—63).

Возражая против теории Фр. Пекосиньского (Franciszek Piekosinski) о происхождении общества и государства в Польше путем *najard* на Вислу и Варту лехитов с Лабы, опубликованной автором в 1896 г. в Кракове в специальной монографии — *Ludność wieśniacza w Polsce w dobie Piastowskiej*, проф. Бальцер приводит целый ряд доводов, подтверждающих наличие родового строя в древней Польше, удерживавшегося здесь вплоть до XIII в. Родовую организацию населения проф. Бальцер считает первичной для Польши; отсюда, как основной тип наименования населенного пункта для древней Польши, Бальцер считает форму патронимического названия, Пекосиньский, которому возражает Бальцер, считал первичным типом поселения для Польши поселение индивидуальное.

Проф. Бальцер считает ополем первичной территориальной общественной организацией древней Польши, соответствующей **б р а т с т в а м** у чехов и сербов, т. е. жупаниям или жупам.¹

Освальд Бальцер отмечает следующие следы и остатки родовой организации у крестьянского населения в Польше:

1) упоминание в документах о пожалованиях несвободных людей: *cum tota generatione, cum filiis et fratribus, cum fratribus* (стр. 25);

2) существование «старосты», как начальника села, который до этого был главою рода (стр. 25—27);

3) наказательная, или пенитарная (польская *karņa*), ответственность рода согласно свидетельству «Книги обычного права» (*Kniga prawa zwyczajowego*) (стр. 29—30);

4) получение родом (крестьянским, а не только шляхетским) выкупа за голову убитого (стр. 31);

5) наличием слоя крестьянского населения, называемого в документах *hospites*, которых Бальцер признает «*lazeków*», т. е. не принадлежащими к родовой организации (стр. 31—35).

К этой же проблеме О. Бальцер возвратился еще раз в 1899 г. в работе «*O zadrudze slowiańskiej*», «*Kwartalnik Hist.*», t. XIV, 1899, стр. 183—256.

XIV

Прокопий говорит о славянах VI в., что они не управляются одним человеком, но истари живут в демократии, поэтому обо всем, что для них полезно или вредно, они рассуждают сообща. Другими словами, славяне, по Прокопию, не знают единодержавной власти и живут на основах самоуправления путем обсу-

¹ По вопросу об ополе см. Dr. Richard Roepell, *Geschichte Polens*. Hamburg, 1840, Erster Theil, 2-tes Cap., 82—94; 2-te Beilage. «*Ueber vicinia oder opole*», стр. 615—617.

ждения своих дел на всенародных сходках, т. е. вечах. Этот общественный строй Прокопий называет демократией.

Показание Прокопия подтверждается аналогичным показанием его современника Маврикия, который говорит о славянах, что «у них нет общей власти, они вечно во вражде друг с другом; что положат одни, на то не решаются другие, и ни один не хочет повиноваться другому».

Картина, рисуемая Мавриkiem, страдает, конечно, известным перегибом, субъектным, впрочем, для всех византийцев, когда они говорят о своих врагах — варварах и особенно о злейших врагах — славянах, но в основном она совпадает с показанием Прокопия о том, что славяне не знают единодержавной власти и живут в демократии. Однако Прокопий в своем показании не раскрывает полностью всей картины славянской демократии, т. е. господствовавшего у славян в его время демократического строя. Эту картину дорисовывает Маврикий, которому приходилось вести военные дела со славянами, а стало быть, ближе знать их быт и нравы, хотя, надо сказать, и он знает их весьма поверхностно. «У славян, — говорит он, — множество царьков, и они между собою несогласны», а потому он считает излишним некоторых из них, особенно пограничных, привлекать на свою сторону подкупом, а затем уже нападать на остальных. Наличие у славян «множества царьков» в соответствии с наличием множества племен и родов, о чем говорит тот же Маврикий, а позже него в X в. арабский писатель Масуди, причем славянские «царьки» со своими дружинами занимаются разбоем и грабжом, развивая в этом направлении в VI—VII вв. огромную энергию с тенденцией к захвату крупных торгово-промышленных и культурных центров вроде Солуни или Константинополя и наживая на этих грабежах огромные богатства, — все это дает нам основания говорить о том, что первобытно-общинный демократический строй в VI в. уже был, повидимому, изжитым этапом общественного развития у славян и что его сменял или уже сменил в это время строй, известный под именем «военной демократии», переходный строй к феодализму и феодальной государственности.

Многочисленные показания источников ясно говорят о том, что, выражаясь словами Энгельса, былая война племени против племени к VI в. у славян уже выродилась в систематическое разбойничество на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ и превратилась в регулярный промысел, который привел к накоплению богатств, сосредоточивавшихся в руках, прежде всего, славянских родовых вождей, или «царьков», и их дружинников, что привело к образованию частной собственности и положило начало классовому расслоению общества. «Они стали богаты, — говорит о славянах

VI в. Иоанн Эфесский, — имеют много золота, серебра, табуны лошадей и оружие». В начавшемся процессе классового расслоения славянского общества старая родовая знать переросла в крупную земельно-собственническую владетельную аристократию: былой народный избранник — воевода, владыка, жупан или князь (в латинских источниках rex, греч. βασις) превращался в экономически мощного владельца-собственника, ставленника экономически господствующего класса богатой родовой аристократии. Традиционные формы родовых отношений продолжали еще удерживаться в общественной жизни, но они уже были лишены своего старого внутреннего содержания: совет родовых старейшин стал заменяться советом родовой знати, а затем еще более узким кругом княжеских или жупанских советников по личному выбору владетельного князя из рядов той же родовой аристократии; вече, лишенное своих старых прав выбора князя, отмирало естественной смертью, хотя и продолжало еще кое-где созываться в ограниченном составе, но по усмотрению князя и только для решения местных дел; вместе с укреплением верховной княжеской власти ликвидировалось старое народовластие, бымирала и военная демократия, как социальный строй, переходный к феодальному строю. Таким образом, в связи с подъемом военной демократии в славянском обществе падают старые родовые отношения; из военной же демократии вырастают затем новые, феодальные отношения и феодальный строй. В VII в. этот процесс феодализации общества у южных и западных славян был, надо полагать, на полном ходу.

Примером необычайного выдвижения на вершины богатства и политического могущества может служить известный из истории поморских славян вельможа Домислав, соперничавший с великим князем настолько, что последний ничего не смел предпринять без совета вельможи. Интересный материал об этом Домиславе дает известное житие Оттона Бамбергского (XII в.).¹

Таким образом, появление частной собственности привело старый первобытно-родовой строй у славян к распаду, начало которого у восточных славян возводят приблизительно к V—VI вв. Вероятно, эту же дату надо принять и для прочих славян. Во всяком случае, в VII в., когда у южных и западных славян возникают первые государственные образования, распад родовых отношений здесь, несомненно, был налицо. Родовая знать, экономически окрепшая и переросшая рамки общинно-натурального хозяйства, вырастает в эксплуатирующий класс крупных

¹ См. «Русский исторический сборник», издаваемый Обществом истории и древностей российских. М., 1841, кн. 2 и 3, стр. 155—299, ст. Д а н и л о в и ч а, Исторический взгляд на древнее образование славянских и преимущественно польских городов до XIII столетия, стр. 175.

земельных собственников, опирающийся на военную силу, захватывает в свои руки и политическую власть в жупе и продолжает попрежнему заниматься своим старым «ремеслом» — грабежами и войной. Наиболее экономически мощные жупанские роды, т. е. жупанская родовая знать, путем захвата территорий соседних жуп подчиняют себе родовую владельческую знать последних, и она превращается в служилую аристократию, в жупных князей и воевод, подчиненных лично великому князю, владетелю и крупному земельному собственнику обширной территории бывших семейно-родовых и соседских общин.

XV

Арабский писатель X в. Аль-Масуди говорит о славянах, что они делились на множество родов, раздираемых усобицами и пмевших каждый своего князя. Другой арабский писатель XI в. Аль-Бекри к этому прибавляет: «Славяне — народ столь могущественный и страшный, что, если бы они не были разделены на множество поколений и родов, никто бы в мире не мог им противостоять». Родовых славянских князей византийцы называли *ἀρχοντες*, *κτάρχοντες*, *ἀρχηγοί*, *ἡγέμονες*, *βασιλεῖς* и *ῥῆγες*, у западных летописцев они были известны под именем — *duces*, *primores*, *reges*, *reguli*.

В качестве таких князей эпохи военной демократии у славян известен целый ряд имен, а еще чаще просто ряд безыменных князей и царей. Из истории антов мы знаем царя Божа, которого в 375 г. распял готский король Винитар вместе с его сыновьями и 70 старейшинами, т. е. жупанами. В VI в., когда антский союз представлял собою уже мощную военно-политическую организацию и с ним воевали авары, анты около 558 г. отправили к аварскому хану в качестве своего посла Мечимира Идарича (Межамира Идаризия), брата Целогоста (Келагаста), для переговоров, но так как Мечимир гордо держал себя перед ханом, авары, подстрекаемые неким кутургуром (болгарином), убили его. «Этот человек, — говорил кутургур, — имеет большую власть у антов и может сильно повредить своим врагам. Нужно убить его, а потом без всякого страха напасть на их землю» (Менандр). В связи с этими данными весьма основательно предполагают, что антский Мечимир «мог быть князем целого племенного союза антов, так как иначе он не был бы так страшен для аваров. Указание на его отца и брата говорит о его родовитости, а может быть, и о том, что власть такого князя превращалась в наследственную».¹ Ср. приведен-

¹ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. «Вестник древней истории», 1939 г., кн. 1 (6), стр. 328.

ное выше показание «Повести временных лет»: «И по сих братии держати почаша род их княжение в Полях». К числу таких же верховных племенных славянских вождей (царей — по арабским источникам или князей — по летописной терминологии) принадлежал, несомненно, и известный Лаврита или Дабрита. К нему и к важнейшим князьям славянского народа аварский хахан (Баян) отправил посольство, требуя, чтобы они покорились аварам и обязались платить дань, на что Дабрита и славянские князья, по свидетельству Менандра, ответили с высоким достоинством решительным отказом (VI в.). Проконий называет имя славянского вождя Андригаста; Феофилакт Симокатта говорит о славянском князе Ардигасте и вожде Пирогасте и т. д. У древних воляний был князь Маджак. «Повесть временных лет» называет, между прочим, древлянского князя Мала: «Пойдем жену его (т. е. жену Игоря Ольгу) за князьем своим Малом и легендарного князя Кьяя. Тот же источник, рассказывая об Олеге, говорит: «И заповеда Олег... даяти уклады на Русьския грады: первое на Киев, таже на Чернигов и на Переяславль и на Полоцьск и на Ростов и на Любеч и на прочая грады, по тем бо градом седяху велиции князи, под Олегомъ суще».

В официальном документе, в договоре с греками от 911 г. (6420), Олег именуется «великим князем русским», а князья, бывшие «под его рукою», — «светлыми и великими князьями»; рядом с этими князьями называются и его «великие бояре». С тою же терминологией мы встречаемся и в последующих договорах киевских князей с греками от X в. Интересно при этом, в частности, отметить, что в то время как посольство Олега в договоре от 911 г. выступает от имени «великого князя Русьского и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь и его великих бояр», византийский император Лев VI (886—912), вместе с соправителями Константином и Александром, именуется официальным титулом византийских императоров, которого в это же время так настойчиво и упорно добивался, между прочим, болгарский князь Симеон: «великия о бозе самодержцы, цесари греческие» («ἐν θεῷ εὐσεβεῖς αὐτοκράτορες βασιλεῖς Ῥωμαίων»).

Наряду с княжением династии Кьяя, Щака и Хорива у полян «Повесть временных лет» отмечает аналогичные княжения: «а в Деревлях свое, а Дреговичи свое, а Словене свое Новегороде, а другое на Полоте, иже и Полочане, от них же и Кривичи...». В конце XI в. у вятичей был известен князь Ходота и его сын. В житии Стефана Сурожского называется новгородский князь Бравлин (начало IX в.).¹

Византийский писатель Маврикий (VI в.) говорит о многочис-

¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. 1939, стр. 224.

ленных ф и л а х, т. е. жупах, племенных и родовых образованиях у славян, и о ф и л а р х а х, или царьках (*βήγες*), возглавляющих эти образования.

Греческое сказание о чудесах св. Димитрия Солунского называет князя *βήγας* славянского племени ринхинов Первунда; в болгарском житии того же Димитрия говорится о славянском князе, осаждавшем Солунь. По свидетельству патриарха Никифора, в 768 г. Константин V Копроним выкупал у славянских князей христиан-пленников, захваченных славянскими четами на островах Имбросе, Тенедосе и Самофракии. В 779 г. афиняне решили помочь принцам Исаврского дома, которые были сосланы в их город правительницей Ириной, матерью Константина VI, и обратились к Аламиру, князю славянского племени велезитов, обитавших в Фессалии.

Константин VIII Багрянородный, сообщая о белых хорватах, которые жили где-то на севере за Багибореей (Богемией?) и были подчинены королю франков и саксов, говорит, что они имели собственного князя. Балканские славяне, по показаниям того же источника, имели своих жупанов.¹

Чешские племенные образования возглавлялись воеводами и жупанами, выдвигавшимися из наиболее экономически мощных родов имущественной знати или так называемых лехов; общины-марки возглавлялись владыками, стоявшими в известном подчинении у племенных воевод, которые, в свою очередь, находились в подчинении у воеводы главенствующего в союзе чешских племен чешского племени, который был вождем или князем всего чешского союза племен. С ликвидацией к XI в. родовых отношений чешские владыки и лехи превратились в княжью служилую аристократию и продолжали возглавлять жупы, но не по избранию народа, а по назначению князя; в латинских источниках они известны под именем *castellani*, *praefecti*. Из кругов той же аристократии пополнялись и кадры высшего княжеского чиновничества: п а л а т и н, или надворный жупан, к о м о р н и к — казначей, н а д в о р н ы й с у д ь я, л о в ч и й, к о н ю ш и й, к у х м и с т е р, н о т а р и у с, п и с а р и, составлявшие вместе с тем и коллегию княжеских советников, или княжий совет. Как общесоюзное вече (сейм), так и областные вече (сеймы) были захвачены в свои руки тою же имущественной аристократией и утратили прежнее значение органов народовластия: подлинный народ в них отсутствовал, как и вообще народ отсутствовал в государственной жизни, превратившись исключительно в тяглое население, обложенное всевозможными налогами, поборами и повинностями в пользу верховного владетеля всех чешских земель из рода Пшемысло-

вичей и окружавшей его аристократической своры. Ту же картину видим мы и в монархической Польше Пястов, начиная с X в.

XVI

Арабский писатель конца IX в. Ибн-Хордадбе в своей «Книжке путей и государств» говорит: «Царь славян называется к н а д з». Аль-Масуди (X в.) пишет о славянах: «Они составляют различные племена, между коими бывают войны, и они имеют царей. Из этих племен одно имело прежде, в древности, власть над ними, его царя называли Маджак, а само племя называлось валинана (т. е. волыняне). Этому племени в древности подчинялись все прочие славянские племена, ибо верховная власть была у него, и прочие цари ему повиновались». Названный выше Маджак арабских источников, повидимому, тождествен с *Masdjak* византийских источников, убитым греками в 593 г. на Дунае. Кроме славянского племени валинана и его царя Маджака, Аль-Масуди называет еще племя а с т а б р а н а, «которого царь в настоящее время называется С а к л а и х»; племя д у л а б а, т. е. дулебы, «царь же их называется В а н д ж — С л а в а» (повидимому Вячеслав); племя б а м б д ж и н (бужане или богемцы) с царем А в а н а (вариант — Г а р а н а, вероятно А с е н); Г е р у н или Г о р е н. Масуди называет это племя самым храбрым между славянами и самым искусным в наследничестве. Затем у него следуют: славянское племя м а н а б а н с царем З а н б и р (Святобор, Свентобор); племя с а р б и н, грозное своим противникам по причинам, говорит автор, «упоминание коих было бы длинно, по качествам, изложение которых было бы пространно, и по отсутствию у них закона, которому они бы повиновались»; имени царя этого племени автор не называет; затем у него следуют славянские племена — м а р а в а, х а р в а т и н, с а с и н (сусолы русских летописей), х а щ а н и н (кашубы?), кучане?) и б а р а н д ж а б и н (дреговичи?). «Названные нами имена некоторых царей этих племен, — замечает Масуди, — суть имена известные (общепринятые) для их царей».

Первым из славянских царей Масуди называет царя Д и р а и говорит о нем, что он имеет обширные города и многие обитаемые страны и что мусульманские купцы прибывают в столицу его государства с разного рода товарами. Подле царя Дира, по Масуди, живет славянский царь А в а н д ж а (Венцеслав?), имеющий города и обширные области, много войска и военных припасов, и воюющий с Румом, Ифранджем и Нукабардом, т. е. с греками, франками и лангобардами, что дает основание видеть в Авандже какого-либо хорватского князя. Племя славян-русов

¹ См. В. Т. Дитякин, назв. соч., стр. 74—79.

Масуди называет красивейшим из славян лицом, наибольшим числом и храбрейшим из них силою; коренным же из славянских племен он называет племя валинана (т. е. волыняне); оно почитается между их племенами, говорит он, и имело превосходство между ними. Вообще же, по Масуди, славяне составляют многие племена и многочисленные роды. Впоследствии же, говорит он, пошли раздоры между их племенами, порядок их был нарушен, они разделились на отдельные колена, и каждое племя избрало себе царя.

Ибн-Даста (X в.) говорит о славянах: «Глава их коронуется; ему они повинуются и от приказаний его не отступают. Жилище его находится в середине страны славян. Помянутое выше лицо, которое они титулуют «главою глав», зовется у них «Свет-царь»; это лицо стоит выше субанеджа (жупана), который есть только его наместник».¹

Показание Ибн-Даста интересно, в частности, в том отношении, что оно характеризует уже позднейший этап в развитии славянского общества. Здесь уже нет речи ни о «демократии», ни об анархии родового строя, о которых говорят Прокопий и другие византийские авторы VI в. Родовые отношения уступили место классовым, феодальным отношениям.

Перерастая организационно в союзы общин, а затем в более широкие, территориально и политически, образования — племена и союзы племен и продолжая сохранять своих *seniores villarum*, т. е. жупанов, западно-славянское общество выдвигало из своей среды, на общих основаниях для позднеродового строя, племенных и союзно-племенных вождей или князей с функциями, в первую очередь, военно-организационного характера. Из таких князей известны, например: князь Держан у западных сербов в VII в.; князь племени бодричей Вильчан; то же — племени лютичей — Драговит; преемник Вильчана, князь Дражко, и др.

Переходный тип от князя эпохи военной демократии к позднему верховному князю-феодалу эпохи складывавшейся государственности представлял собою в XI в. верховный князь полабских бодричей Генрих. Он уже распространял свою власть на все полабские земли. Ему платили дань не только бодричи, но и ране, лютичи и все племена, жившие между Лабою — на западе и границами Польши — на востоке. Могущество Генриха, замечает историк, было так велико, что славяне и немцы именovali его королем.²

Однако, «вендское королевство» Генриха, распавшееся тотчас же после его смерти, представляло собою не только не

¹ См. Гаркави. Сказания мусульманских писателей и пр., СПб. 1870, стр. 48, 135—138, 266.

² См. М. Любавский, История западных славян. М. 1918, стр. 33 и сл.

государство, но даже и не союз племен, а чисто механическое объединение ряда племен, насильственно подчиненных грабительской власти князя бодричей.

Организацию типа союза племен, переходного к государству, представлял собою союз велетов, или лютичей, сложившийся в целях самообороны против наступавшего на полабских славян в VIII в. короля франков Карла, прозванного Великим. По свидетельству Эйнгарда (умер в 844 г.), знаменитого «министра путей сообщений и публичных зданий» Карла Великого, его личного друга, советника и секретаря, автора летописей (*Annales*), обнимающих время с 741 по 829 г., у велетов был целый ряд старшин и князей (*primoges ac reguli*), но над всеми ими возвышался знатностью рода и авторитетом старшинства князь Драговит, известный по другим источникам как «князь князей» велетских, т. е. он представлял собою то же самое, что и киевский Олег. При преемнике Карла Великого Людовике франкском, в такой же роли выступает князь Люба. В их руках сосредоточивалась наивысшая власть в стране, но управление страной князь Люба делит со своими братьями, что говорит о том, что род этого князя представлял собою в союзе племен наиболее экономически мощную организацию. Однако и князь Драговит и князь Люба — это еще избранные народа, и, когда князь Люба погиб в битве с бодричами, и а р о д и в б р а л на его место старшего из его сыновей Милогоста. Этого же Милогоста народ отстранил от власти, когда он стал править не по обычаям велетов, и посадил на его место младшего брата, Целодрога.

Бывали времена, когда лютицкий союз племен вовсе не имел старшего князя и объединялся только общим вечем, как это имело, например, место в XI в. По свидетельству Титмара Мерзебургского, у лютичей «нет никакого особенного властителя: общим советом, рассуждая на сходке о своих нуждах, они решают дела единогласием...» и т. д. Наряду с общесоюзным вечем существовали и веча племенные.¹

Такой же тип «союза племен» представляло собою и так называемое восточно-поморское княжество в XII в. Несколько иную картину в это же время представлял союз городских волостей западного поморья — Пырица, Камень, Волин, Узноим и Щетин. Во главе союза здесь стоит князь, имеющий своею резиденцией город Камень. В каждой волости функционирует вече; функционирует также и общесоюзное вече, но наряду с князем и вечем здесь действует уже и совет богатой и родовитой знати или старейшин города (*primates, nobiles ac potentes, majores natu ac sapientiores*). Предложения выносятся на решение веча после

¹ См. Любавский, наив. соч., стр. 33.

предварительного обсуждения их в совете старейшин, согласующих при этом свои решения по крупнейшим вопросам с предварительным решением старейшин первого города, Щетина. Что касается князя, то он здесь хотя и выборный, но уже обладает целым рядом весьма существенных прав, которые составляют всего только один шаг к переходу ограниченной княжеской власти к самодержавию: он собирает с населения в свою пользу дань, торговые пошлины, судебные штрафы, исполняет судебные функции сам лично или через своих уполномоченных, распоряжается пустолями, а иногда и населенными землями и раздает их в частное владение или во владение церкви.¹ Этот последний шаг к переходу от избранного народом князя к князю-династу мы наблюдаем на протяжении времени с IX по XII вв. в союзе бодричей или ободритов, но тем не менее и бодрицкий союз, в силу обстоятельств тяжелого международного окружения, не успел сложиться в государство, как это имело место в чешском союзе, выросшем к XI в. в монархию, или в союзе польских племен при князе Мешке I в X веке.

XVII

Характеризуя состав славянского общества в древности, источники VI—X вв. говорят о знати — *μεγιστάνοι*, *μεγαδυναμένοι*, *βοιλάδες*; *primates*, *nobiles*, о военных людях, о купцах (*negociantes*, *πρῆχρητάται*), о промышленниках, земледельцах, рабах.²

Известное показание Маврикия о рабах у славян, о том, что военнопленные содержатся у славян не на всю жизнь, как это делается у других народов, но по истечении времени получают свободу и равноправие с их бывшими владельцами, уже в IX в. было, повидимому, делом прошлого (Лев VI). За время после Маврикия в этой области у славян произошли большие сдвиги. Славяне и владели рабами и торговали рабами, а с военнопленными обращались довольно сурово. По свидетельству Гельмольда, у поморских славян для многих увод невольников был настоящим промыслом. «Палили плотины, сдерживавшие моря, — пишет этот автор о набегах славян, — и прорывалась волна, подымаясь и разливаясь и нанося гибель многим датским островам и прибрежным землям. Исправлены были вновь корабли, и они заняли у датчан богатые острова; пресытились

¹ См. М. Любавский. История западных славян. М. 1918, стр. 38—40.

² См. В. М. Макушев. Сказания иностранцев и пр., СПб, 1861, стр. 148.

славяне, после долгого лишения, богатствами датчан, упились ими, утучнились, разжирели. Я слышал, что в Мекленбурге, в день торга, считалось до 700 душ пленных датчан, выставленных на продажу, только бы нашлись покупатели».¹

Вспомним, кстати, что Святослав Игоревич, князь Киевский, мечтавший обосноваться в Переяславце на Дунае, мотивировал свое желание ссылкой на то, что туда «вся благая сходится», в том числе из Руси — «скора, и воск и мед и ч е л я д ь». Непрерывные в VI—VII вв. набеги славян на византийскую территорию всегда сопровождались не только угоном скота — быков, овец (Прокопий) и лошадей (Иоанн Эфесский), но также и уводом множества пленников (Прокопий).

Мы знаем в истории славян и пример средневековой деспотической монархии, с широким и организованным использованием труда рабов. Таким государством была Польша Пястов, в XI в., начиная со времени Болеслава Храброго (992—1025).

Как было отмечено выше, польское государство, сложившееся в IX—XI вв., представляло собою аристократическую монархию с неограниченной королевской властью.

На данном этапе развития польского общества класс рабов формировался и пополнялся из военнопленных. Рабами владели король, его чиновная знать и рыцари. Рабы продавались и покупались и были лишены права свободного передвижения; т. е. были лично закрепощены за своими владельцами. Они несли функции основной рабочей силы в целом ряде отраслей ремесленно-производственного труда — пекли хлеб (пекаря), готовили для рыцарского гарнизона питание (кухаря), обслуживали охотничью промышленность в качестве ловчих, стрельцов, сокольников, псарей и т. п., рыбный промысел (рыбаки); они были пастухами табунов лошадей (кобыльники, коняры) и другого скота (скотники, оборники); занимались деревообделочным ремеслом и были чашниками, щитниками, жердниками, изготовлявшими древки для копий, и дротниками, изготовлявшими наконечники для стрел. Таким образом, положение трудовых классов в польском аристократическом обществе IX—XI вв., трудового крестьянства, кметей и рабов, было исключительно тяжелым; они несли на своих плечах невероятные тяготы по трудовому обслуживанию эксплуатировавших их высших паразитарных классов польского общества — королевского двора и сановников, аристократии, высшего духовенства и рыцарства.

¹ См. В. М. Макушев. Сказания иностранцев и пр., СПб, 1861, стр. 148 и сл.

Это положение трудовых масс польского народа привело их в первой половине XII в. к восстанию против своих угнетателей.

Это было восстание рабов и кметей, т. е. бедняцкого крестьянства, вспыхнувшее в Польше после смерти Мешка II и державшее страну в своих руках в течение целых шести лет, с 1034 по 1040 г.

Глава IV

ДРЕВНЕ-СЛАВЯНСКИЙ ГОРОД

Описывая обычаи радимичей, вятичей и северян, киевский летописец говорит, что у них не бывало браков, т. е. свадебного обряда, но игрища между селами, на которых они, по взаимному соглашению брачующихся, умыкали себе жен. Это показание летописца интересно в том отношении; что, несмотря на известное свидетельство Прокопия (VI в.) о том, что славяне жили в дрянных избах, разбросанных на далеком расстоянии одна от другой, оно говорит о наличии у оседлого славянского населения коллективно-поселковых пунктов, какими служили им села, деревни и пригороды, именуемые в латинских источниках для западных славян соответственными латинскими терминами—*villa*, *vicus*, *suburbium*.

О киевских полянах летописец говорит, что они «живяху кождо со своимъ родомъ на своихъ местехъ владеюще кождо родомъ своимъ»; что некогда у них было три брата—Кый, Щек и Хорив и сестра Лыбедь, из которых каждый «сидяше на горе», а затем они построили «градок», т. е. небольшой укрепленный пункт, и в честь своего старшего брата и назвали этот городок Киевом; «и быше около града лес бор велик, и бяху ловяще зверь». Это показание киевского летописца вполне совпадает с показаниями западных источников (Иорианд, Маврикий, Лев Грамматик и др.) о том, что славяне живут в лесах, у рек, болот, у озер, вообще в неприступных местах. Повидимому, на горах Щекавице, Хоривице и на «увозе» Боричеве были расположены какие-то родовые поселки, давшие основание легенде возвести их к именам трех названных братьев в качестве их основателей, «владеюще кождо родомъ своимъ». Но, кроме того, в районе этих трех горных поселков, среди густого леса, богатого зверем, имелся и город, т. е. укрепленный (огороженный) пункт—таково исконное значение славянского

термина «город»; у чехов и поморских славян это «замок»; в лат. источниках—*urbs, civitas, oppidum, castrum, castellum*. Основание этого города легенда приурочивает к имени старшего из братьев Кня. Таким образом, мы имеем в данном случае уже цельный поселковый комплекс: в центре стоит укрепленный пункт, г о р о д или з а м о к (у западных славян), а вокруг него или рядом с ним расположены тесно организовано с ним связанные родовые поселки, на что, в частности, указывает и приурочение легендой к этому городу имени старшего из братьев Кня, повидимому, основателя этого города. Впоследствии такие поселки превращались в подграды или подгорода (*suburbium, vicus*). В общем, мы имеем в данном случае типичный для варварского общества раннего средневековья территориально-родовой союз с городом или замком Киевом в центре и с возглавлявшим его старейшиною-князем Кием во главе.

Интересно при этом отметить, что территорию семейно-родовой общины летописец называет термином «место»: «живяху кождо со своимъ родомъ на своихъ местах». Чешский термин для современного города *město* (др.-сл. *město*) и аналогичный польский *miasto* указывают, повидимому, на то, что территориально-родовая община, по крайней мере, у западных славян не только имела свой город-замок, но этот город, разросшийся с течением времени в населенный торгово-промышленный пункт, играл первенствующую роль на территории старой территориально-родовой общины или общины-марки и, воплощая в себе территорию общины, как центральный нерв ее хозяйственно-административной, торгово-промышленной и военной жизни, стал ее синонимом, откуда, можно предполагать, термин для территории — «место» сделался с течением времени и термином для названия центрального населенного пункта этого «места», или территориально-родовой общины, т. е. для города; термин же *hrad* в современном чешском языке сохранился только в его исконном значении — «замок». В таком же значении термин «город» сохранился и в польском языке — *gród*, а укрепления меньших размеров, т. е. небольшой замок, — *grodek*. Сербы для названия города, в современном смысле этого слова, пользуются термином «варош», означавшим первоначально только «крепость», «замок»; сербский г р а д означает прежде всего «крепость», потом «город». Тот же термин и в таком же значении имеется и у словинцев. У сербов-лужичан — *hród* и *grad* означают только «замок», «крепость»; В болгарском языке термин г р а д и однозначный с ним русский г о р о д представляют собою в современном речевом употреблении так называемые тропизмы, т. е. термины с переносным значением, охватывающим не только собственно г о р о д-к р е м л ь, но старый

город-кремль со всеми примыкающими к нему подгородами и весями. Такие славянские города-крепости в византийских источниках обычно называются термином τὸ κάστρον, т. е. укрепленное место, лагерь, крепость.¹

У черногорцев и до настоящего времени словом град называется прочно построенный каменный жилой дом. В этом смысле термин град у южных славян часто фигурирует и в их народных песнях. В древнее время эти дома-грады у южных славян служили местами собраний членов рода.²

В других языках индоевропейской системы мы имеем следующие параллели к славянскому г р а д, русск. г о р о д: алб. *garð*, чл. ф. — *di* — «плетень»; готск. *garps* — «дом»; готск. *garda*, др.-верхненем. *garto* — «засека», «ограда», «сад»; лит. *gardas* — «огороженное забором место», «плетень»; там же *žardis* — «обширное огороженное пастбище»; рядом должны быть поставлены славянск. ж ь р д ь, белор. и польск. *zerdz*; др.-прусс. *sardis* — «плетень»; греч. *ἄστρος* — «изгородь», «двор»; лат. *hortus* — «сад» и др.³

В. М. Флоринский в исследовании «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни» (ч. I, Томск, 1894) ставил русский термин г о р о д в связь со словом г о р а, которым «в русском языке называется всякая земная возвышенность, в том числе, чаще всего, высокий речной берег»; ср. нем. *Berg*, слав. брег, и *Burg* — «укрепленное место, замок». «Пункты первых оседлых поселений, — говорит автор, — а тем более укрепленных мест, всегда избирались на возвышенностях, защищаемых самою природою. Поэтому с горою могло быть связано первое представление о естественной крепости, и отсюда могло, со временем, выделиться частное понятие об ограждении и о городе, как центре укрепления и защиты окрестной страны»... Догадка В. М. Флоринского о связи русск. г о р о д с г о р а основательна и вполне отвечает семантическому ряду: «небо (бог) — гора — город» или «небо — гора — голова».⁴

Наличность термина г о р о д в том или ином звуковом оформлении почти во всех языках индоевропейской системы свидетельствует о том, что этот термин представляет собою заведомо доиндоевропейское отложение в этих языках, что ведет нас в глубокую древность истории человечества и его общественно-

¹ См. Dr. E. Berneker. *Slavisches etym. Wörterbuch*. Heidelberg. Lieferung 2—6, стр. 230.

² С. С. Бобчев, *История на старобългарското право*. София, 1910, стр. 266.

³ См. E. Berneker, назв. соч., стр. 231.

⁴ Ср. чувашск. *Tur* — *Tor* — «бог», значившее первоначально «небо»; оно же означало и «гору», отсюда в усеченной форме *tu* — «гора». См. Н. Я. Марр, *Чуваши-яфетиды на Волге*. Избр. раб., т. V, 1935, стр. 326.

политического строя, с одной стороны, и с другой — подсказывает единственно правильный путь разрешения проблемы происхождения этого термина в обращении к языкам доиндоевропейской системы.

Чутье исследователя не изменило проф. В. М. Флоринскому, когда в названном выше труде он толковал термин город, как составное двусловное слово, первая часть которого горо- и вторая -д. Не располагая в свое время теми данными, которыми, благодаря трудам Н. Я. Марра, располагает наша современная наука, и опираясь, совершенно естественно, только на данные индоевропейской лингвистики, проф. Флоринский видел в конечном -д в слове город «след какого-либо санскритского корня, например, dai, д'бяти или dā, dāyati, — соединять, замыкать, скреплять». Отсюда, по автору, санскритское Gardha — «замкнутое пространство», zendское Geredha «пещера, впадина, пещера». Из этих двух корней gar-giri — гора, dā «замыкать, скреплять» могло образоваться, — говорит Флоринский, — слово, выражающее понятие об укреплении, замкнутой горной возвышенности, соответствующее славянскому г о р о д, г о р о д о к... Основываясь на приведенной этимологии слова город, мы можем думать, — заключает автор, — что у славянского племени г о р о д а или укреплённые г о р о д к и существовали с самых отдаленных времен и строились они на возвышенных местах или на высоком берегу реки, каковыми действительно оказываются большинство древних русских городищ.¹

На термине город в яфетических языках неоднократно останавливается Н. Я. Марр во многих своих работах. Так, например, в статье «Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике» (V, 310—322); Н. Я. Марр, на основании палеонтологического анализа соответственного материала, установил, что термин «город» представляет, преимущественно у индоевропейцев, исключительно двуплеменное образование: в одном мире с а л — б е р с к о е (т а л — б е р с к о е) — так у римлян, греков и др.; в другом мире с а л — и о н с к о е, — так у армян, русских и др. (стр. 315). Анализируя латинские термины для «города» — urbs и oppidum, Н. Я. Марр пришел к заключению, что оба эти термина первично означали одинаково «крепость», сосредоточение той или иной организации, не исключая разбойничьей по своим действиям, и «резиденцию феодала с дружиной», и «торговый пункт», и, конечно, «культурный центр». В первобытные эпохи соответственной общественности, — говорит Марр — и то, и другое, и третье, и четвертое — одновременно, почему на-

звание города не могло не означать также одновременно сосредоточения, «крепости», «окружения», «круга», следовательно, палеонтологически в ту эпоху «неба», сборища с неизбежной для его питания меновой куплей-продажей, т. е. «торжища — города», а также неизбежно названия божества, культ которого был сосредоточен в данном городе, т. е. тотема данной племенной организации. Предположение, что город возник в условиях феодального средневековья, по Марру, такое же недоразумение, предубеждение европейской научной мысли с ее ограниченностью кругозора, как и то, будто буржуазия вырабатывалась в одной средневековой Европе. «Город, — говорит Марр, — имеет свою историю с подлинно доисторических времен, не исключаящую переходную ступень развития, когда соответственный пункт являлся одновременно и «селом» или «деревней» и «городом», что, между прочим, отразилось и в речи, именно в наличии термина «село-град», например, у армян, синонима в известной степени нашего «местечка». Армения и Грузия, — говорит Марр, — и за исторические эпохи известны развитием густой сети именно этих «село-градов», «местечек», а не городов, сосредоточения властного, организующего племени, классового образования...»¹

В своих работах Марр неоднократно подчеркивает также множественность значений в яфетических языках первичного термина для названия «город». Такой, именно, характер имеет, например, абхазский Skur, наличный в основе названий абхазских городов: Dioskurias, Iskuria, Skurda и др., то же местечко Atkuri на Куре в Грузии. Как нарицательное имя, Skur значит «населенный пункт», «селение» или «город», «страна», подобно его спирантизованному виду kur, сохранившемуся в шумерском со значением «страна».² То же установил и Шахматов по отношению к городу Руса: «Руса-город и Руса-область».³ В докладе «Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике» Н. Я. Марр подчеркнул «особую организующую роль городов с доисторических времен и в связи с этим более легкую подвижность их строителей, их особый племенной состав, как класса организатора, независимо от возглавления, были ли они торговое объединение или военная дружина».⁴ «В связи с этим классово-племенным населением организующих городов, — читаем мы в его же статье «Чуваши-яфетиды на Волге», — находящимся в извест-

¹ См. назв. соч., стр. 315 и сл.

² Н. Я. Марр. Абхазоведение и абхазы. Избр. соч., т. V, стр. 163; его же, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, там же, стр. 522 и др.

³ См. А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. П. 1919, гл. V.

⁴ См. Н. Я. Марр, Избр. раб., т. V, стр. 310—322.

¹ См. назв. соч., стр. 134.

ном враждебном или договорном отношениях с сельским населением, названия городов имеют иное племенное происхождение».¹ В связи с этим находится, оказывается, разность племенных слов, использованных для обозначения понятий «город» и «деревня». «Предупреждаю, — замечает при этом Марр, — о важности результатов такого подхода для этнологического вопроса, да и для правильного восприятия внутреннего строя данного национального или государственного образования, но эта разность племенного, классово-племенного состава населения определенной земли, определенного района не разрушает вовсе цельности хозяйственно-культурного, в дальнейшем — государственного и национального образования. Это было показано в том же докладе на соотношениях «города» и «села» или городов и сел Апеннинского полуострова, собственно на соотношениях их строителей, классово-племенных образований, именно строителей городов, и т а л о в, собственно с а л о в или т а л о в, и строителей сел, э т р у с к о в или п е л а с г о в, собственно р у ш о в или л а с о в, впоследствии, по забвению различных племенных источников своего происхождения, различной племенной природы, оказавшихся в чисто классовых взаимоотношениях патрициев и плебеев».² Изложенные выше мысли Н. Я. Марр в той же статье иллюстрирует на анализе названий городов: Кострома, Казань, Саркел, Саратов, Харьков.

Наконец, для того чтобы еще ближе подойти к палеонтологическому разъяснению славянского термина г о р о д, о котором мы уже знаем, что он представляет собою доиндоевропейское наследие в языках индоевропейской системы, в том числе и в славянских языках, отметим интересный в этом смысле материал из удмуртского языка. «По палеонтологии речи установлено, — говорит Марр, — что «деревня», «город», «мир», или «вселенная» носили одно и то же название. По-удмуртски «деревня» — gurt → kurt, «город» — kar по акающей группе, а по окающей — kur в клинописи есть название и «стран» и «городов». Так-то, — замечает Марр, — gurma с kar как-будто слова различные: на самом деле, помимо общности первой основной части, рядом с gurma → kurta в значении «города» налицо и karða и его двойник kar-ge. Это, как уже разъяснялось, в Африке название Har — ða — go[n] — gin || karqedon, город досемитический так же, как Ольвия у нас доэллиническая. От яфетических gurma → kurta || karða один

шаг до *gord — град и город, представляющий собою другой тип основы сравнительно с gurma → kurta, с окающей огласовкой и с озвончением конечного согласного t → d».¹

Как правило, каждое племя у славян имело один город, и только если оно было многолюдным и мощным, оно могло иметь и большее количество городов. Такими городами, например, у восточных славян в X в., по Константину Багрянородному, были: у полян — Самбатас (Киев), у северян Чернигога (Чернигов), у кривичей — Милниска (Смоленск), у словен — Немогарда (Новгород) и др. У чехов и моравян города в древности назывались по именам своих племен, т. е. город собственного имени здесь не имел, его имело только племя; таковы, например, названия городов: Dudleby, Netolici, Děčany, Hlavošovice. Так же назывались здесь и села — по имени своих родов: Vojnici, Vojmany, Mnětici, Domazilici и др. Если же на территории одного и того же племени, кроме главного города, имелись и другие города, то эти последние назывались уже либо по имени своего основателя, либо по своему положению. Таковы, например, у чехов: Tetin, Ljubošin, Kazin, Děvin, Chvrastěn (впоследствии — Вышеград), Praga, Budeč: у полабских хорватов — Časlav, Lutomyšl, Vratislav, Uzetov, Havraň, Chlumec (Dobroslavův); у моравян — Olomuc, Přerov, Brno, Znojem, Děvin, Usobrnо и др. У чехов и моравян, по данным чешского историка права Герменегильда Иречека, вплоть до XII в. существовали только hrady и dědiny, т. е. укрепленные замки и наследственно-родовые поселки; города, в современном смысле слова, чешск. město, возникли здесь только в XIII в. Иречек утверждает, что так же было и у всех прочих славян, т. е. не только у западных, но и у восточных и у южных. Поэтому такие термины латинских хроник, как urbs, civitas, oppidum, castrum, по Иречку, следует понимать только как «замок», но не как «город» в нашем смысле слова. Хронисты же, писавшие по-славянски, не знают в этом случае другого термина, кроме «град», «город», который Иречек передает чешским термином hrad. Названные выше латинские термины употребляются в источниках безразлично, т. е. один и тот же город у одного и того же автора одновременно или у разных авторов может называться любым из этих терми-

¹ Н. Я. Марр. Чуваши-яфетиды на Волге. Избр. раб., т. V, стр. 369.

² Н. Я. Марр. Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык. Избр. раб., V, 508; его же, Скифский язык, там же, стр. 217 и сл.; его же, Родная речь — могучий рычаг культурного подъема, там же, стр. 410; его же, Карфаген и Рим, fas и jus. Избр. раб., т. IV, стр. 161—193.

¹ О суффиксе — ða см. Н. Я. Марр, Сухум и Туапсе. Избр. раб., т. V, стр. 158; его же, Первая выдвигенческая яфетидологическая экспедиция по самообследованию мариев, там же, стр. 456 и сл.; его же, Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афревразии. Избр. раб., т. IV, стр. 198—229.

нов. Так, например, город Болеслав у Козьмы Пражского (1039—1125) называется то *urbs*, то *oppidum*, то *civitas*; в славянской же легенде о св. Вячеславе тот же город называется термином град: «Ѣха ко Болеславию-граду», «из Болеславию-града». Город *Levy Hradec* Козьма называет то *oppidum*, то *castrum*; *Vysehrad*—у того же автора называется то *urbs*, то *civitas*, то *oppidum*. Интересно при этом отметить, что название того же города Вышеграда дословно переводилось на латинский язык, как *Altior civitatibus* (1070), и т. д.¹

В древнейшее время города у славян строились из земли и только позже стали строиться из камня и кирпичца. У некоторых славян города носили названия по материалу постройки. Чешский историк права Карель Кадлец отмечает, между прочим, что встречающиеся у разных славянских племен многочисленные *Белгороды* получили свое название от того, что строились из камня и затем были выбелены. В противоположность этому, несколько городов, известных под именем *Земли*, т. е. «земляной», вроде *Земун* и *Землин* на территории Венгрии или «Черный город» вроде венгерских *Csongrad* из слав. Чрънград, или *Sungrad*, известный в древности под латинским названием *Castrum nigrum*, — указывают на то, что они были построены из земли. Для постройки «белых городов» наиболее удобным местом были возвышенности и скалы, где под рукою имелось много камня; для постройки же «черных городов» — равнины, особенно болота, где строились на сваях «болотные города». Так некоторые города и назывались, например *Blatno (Urbs Paludarum)*, Мозабург над Блатенским озером в Венгрии и Мозабург в Каринтии.²

Особенно много городов-крепостей было у полабских и прибалтийских славян, что стояло в тесной связи с их международным положением и постоянно угрожавшей им опасностью со стороны соседей-неприятелей, которыми были не только немцы, но и собственные же братья-славяне. Эти города-крепости, за стенами которых, в случае неприятельского нападения, население со своим имуществом находило себе убежище, строились или на возвышенностях, или на болотах, т. е. в местностях, защищенных самою природой. Они представляли собою пустую или застроенную зданиями местность, обнесенную округлым валом, который иногда укреплялся еще частоколом и бревнами. Здесь же обыч-

¹ См. *Hermenegild Jireček, Slovanské právo v Čechách a na Moravě. V Praze, 1863, стр. 41 и сл.*

² См. *Karel Kadlec, O politycznym ustroju Slowian, zwłaszcza zachodnich przed X wiekiem. «Początki kultury słowiańskiej»—в изд. Encyklopedya Polska Краковской Акад. Наук, т. IV, вып. 2. W Krakowie, 1912, стр. 72.*

новенно помещались и святилища.¹ По данным географического баварского отрывка IX—X в. *Descriptio civitatum et regionum*, у племени ободритов, или ободричей, в это время было 53 таких города-крепости; у племени велетов, то же — вильчан или вильцев—95; углинян или линян—7; у сорабов, которых цитируемый источник называет *surbi*, было 50 городов; лужичи и милчане имели по 30 городов; додешане—20; какое-то племя, фигурирующее в этом источнике под именем *osterabtrezi*, имело свыше 100 городов.² В мирное время большинство этих городов-крепостей оставались, конечно, пусты, как, например, город Кореница на острове Руяне, о котором Саксон Грамматик говорит: «... locus pacis tempore desertus». Но во время войны сюда стекалось все окрестное население, и в борьбе с неприятелями, в отстаивании своей независимости эти города становились его опорными пунктами.³

Это был один, наиболее ранний тип городов у поморско-балтийских славян. Другой тип, более поздний, представляли собою *особые крепости*, возникшие вследствие потребности обезопасить внешние пределы страны, куда также во время угрожающей опасности стекалось окрестное население, но эти крепости уже имели у себя постоянный гарнизон или стражу. Такие крепости строились, главным образом, на границах племенных объединений, отчасти и внутри страны. В историческое время такими именно городами были почти все славянские города на балтийском Поморье. Наиболее известными городами у полабских и прибалтийских славян были: 1) у ободричей—Виллиград, обычно именуемый в источниках *Miklinburg*, Зверин, Виссемир или Висмар, Ровток у устья р. Варны; 2) у вагров—Старград; 3) у полабан—Ратибор, нынешний *Ratzeburg*, и Любиде, нынешний Любек; 4) у лютичей, или велетов (вильцев),—Дымин, Волегощ, Узном и Волин (Юмна, Винета, Волыи); 5) у поморян—Щетин, *civitas antiquissima et nobilissima in terra Pomeranorum, materque civitatum*; Камин, Колобрег и Белград; 6) у заленян—нынешний немецкий *Gützkow*; 7) у ратарей—Радегост, впоследствии Ретра, именованный девять ворот и знаменитый храм с золотой статуей бога Сварожича-Радегоста. Ретра считался германцами одним

¹ См. *А. Котляревский, Древности права балтийских славян. Ч. 1, Прага, 1874, стр. 34*; см. подробное описание «Равенбергского городища» у В. М. Флоринского, назв. соч., т. 1, стр. 157 и сл.; здесь же даются указания на старую литературу предмета и приводятся обширный материал по городскому строительству у разных народов.

² См. *А. Котляревский, назв. соч., стр. 34*; *Karel Kadlec, Introduction à l'étude comparative de l'histoire du droit public des peuples slaves. Paris, 1933, стр. 22 сл.*

³ *А. Котляревский, назв. соч., стр. 35.*

из главнейших языческих городов; источники говорят об этом городе: *civitas vulgatissima Rethre, sedes ydololatriae, metropolis Sclavorum Rethre, antiquissima urbs*; расположен был этот город в районе Доленского озера, теперь Tollensee, но точнее местоположение его неизвестно; 8) у племени р у я н, они же — р а н ы, р у н ы и р у т е н ы, т. е. р у с с к и е, — город Аркона, славившийся своими несметными богатствами и храмом, посвященным богу Свантовиту; город Кореница, теперь Garz с храмами Ругевита, Поревита и Поренутия, и др.

Большое количество городов-крепостей, т. е. замков, имела в древности Польша. Наиболее укрепленными из них, по свидетельству Анонима Галла (XII в.), были: Познань, Гнезно, Владислав и Гдеч, — *de aliis vero civitatibus et castellis et nobis longus et infinitus labor est enarrare, et vobis forsitan fastidiosum fuerit hoc audire, т. е. «а о других городах и нам было бы в долгий и бесконечный труд рассказывать, и вам, быть может, слушать»*.¹ К числу древнейших городов в Польше принадлежали также два города у наиболее рано выступающего в источниках племени в и с л я н, Краков и Вислице.²

«Княжеские укрепления», известные в источниках под именем *castra principis*, деревянные или каменные строились в Польше как в пограничных местностях (*in finibus regionum, ukrainne zamki*), по выражению анонима Галла — *in finibus regionum ab hostibus conservandis*, — так и внутри страны по пути неприятельских набегов. *Nunciatum Pomeranos exivisse*, — говорит тот же источник, — *contra Zutok regni custodium et clavem*. Замок этот находился на дороге набегов из Померании.³

Из чешской истории известен интересный в этом смысле приказ князя Болеслава от 932 г., о котором сообщает Козьма Пражский. В этом приказе мы читаем следующие строки: *Nic volo et jubeo, ut mihi opere romano aedificitis murum urbis nimis altum per gyrum*. Население сопротивляется распоряжению князя, возлагающего на него тяжелую повинность — строить для князя высокий, круглый каменный замок в римском стиле. Князь убивает одного из сопротивляющихся, *et statim*, продолжает далее источник, *ad ducis voluntatem edificant civitatem spisso et alto muro* (т. е. с крепкою и высокою стеною), *opere romano, sicut hodie cernitur* (т. е. «как он виден и по сей день»), *quae ex nomine conditoris Boleslav dicitur*. Аноним Галл говорит об од-

ном из таких польских замков: *Castrum Bitum munitione situque naturae et aquarum circumicione inexpugnabile*.¹

Как можно видеть из цитированного выше приказа Болеслава, замки в Чехии (Богемии) строились круглой формы (*per gyrum*); в Польше же такие замки строились четырехугольные. Как в Богемии, так и в Польше они строились на естественных или насыпных холмах и имели по углам зубчатые сторожевые башни (*turres*), от чего получили название *urbes turritae*, т. е. «башенные замки».

Как у южных, так и у западных славян постройка этих городов-крепостей или замков лежала на обязанности населения, составляла одну из его «всеобщих повинностей», от которой освобождались только привилегированные лица и монастыри. На обязанности же населения лежал ремонт этих крепостей, поставка военной стражи (*custodia, burgardia, stróza*), снабжение построенных в крепости магазинов продовольствием и фуражом. Начиная с XII в., грамоты говорят об освобождении монастырских крестьян от обязанности постройки и ремонта княжеских замков. Например, в одной грамоте от 1145 г. читаем: *Absolvimus omnes homines (monasterii) a stróza... a castrorum edificatione seu pontium quorumlibet*. В грамоте от 1203 г. читаем о монастырских крестьянах: *Nec castra principis construnt, vel emendabunt alicualiter, nec ad expedicionem ibunt*² и т. п.

По характеристике проф. М. Бобржинского, польский замок был центром хозяйственной и политической жизни народа. Это были места, укрепленные прежде всего своим естественным положением, а затем расположенные либо на взгорье, либо среди непроходимых лесов и болот, окруженные рвом, валом или засеками. В замках собирались веча, отправлялось богослужение, производился народом обмен продуктами своего земледельческого и промышленного труда; здесь же народ хранил хлебные запасы на случай надобности; сюда, наконец, в минуты опасности он укрывал свое имущество. В мирное время в замке оставалась дежурная стража или гарнизон из населения, но вообще замок оставался пустынным и ни в малейшей степени не имел характера города. Если же у народа имелся князь, то он жил в замке; его личный двор придавал замку больше живости, но это еще не делало замок городом.³

Константин Багрянородный (X в.) называет у сербов города: Десница, Чернабуча, Медореч, Дрежник, или Дресник, Лешница, Солина; в Боснии — Катеро и Десник; в княжестве захлум-

¹ См. Данилов К. И. Исторический взгляд на древнее образование городов. «Русский исторический сборник» Погодина, т. IV, кн. 2 и 3. М., 1841, стр. 192.

² Michal Bobrzyński. Dzieje Polski w zarysie. T. I. 1927, изд. 4-е, стр. 57.

³ См. Данилович, назв. соч., стр. 183 и сл.

¹ См. Данилович, назв. соч., стр. 184, примеч. 1.

² Там же, 183—185; Бобчев, назв. соч., 266; подробнее о чешских и западно-славянских городах см. обстоятельное исследование Dr. J. L. Pič. Starožitnosti země české. Díl III. Cechy za doby knížecí. Svazek I, Praze, 1909.

³ Dzieje Polski w zarysie, Wyd. 4-te, t. I, 1927, § 3, стр. 52 и сл.

ском—Хлум; Стагнон, Мокреск, Дабреск; в Пагании—Острог, Лабиница, Мокро, Вруля и т. д.¹

Древнейшими городами у болгар, известными с VII—X вв., были: Преславец (русск. Переяславец на Дунае); первый укрепленный пункт Аспаруха, с VII в.—Плиска или Плесков, второй Преслав, основанный тем же Аспарухом в VII в., столица Болгарии до Симеона; Великий Преслав на р. Тиче, с X в., столица Болгарии со времени Симеона; города—Варна (с VII в.), Дичин, Дристор (Силистра), Средец (Сердика), позднее (с IX в.) Триадика (теперь—София), Преспа, Охрид, Мъглен, Воден в Македонии и др., Търново (с XI в.)—столица второго болгарского царства.²

Если не оказывалось подходящей по естественным природным условиям территории для постройки укрепленного места, славяне на полуострове ограничивались в таком случае неприступной с двух-трех сторон горной вершиной и пользовались ею как своим убежищем на случай нападения неприятеля. На равнинах для постройки укрепления они обыкновенно выбирали какой-нибудь болотистый участок, окружали его земляным валом, укрепленным хворостом и деревьями, и снаружи окружали его рвом, оставляя один вход в такое укрепление. Кроме того, для тех же целей славяне использовали старые, хорошо сохранившиеся или полуразрушенные укрепленные пункты своих предшественников. Такие укрепленные пункты у болгар известны под именем градище (русск. городище, польск. *gradzisko*). При благоприятных природных условиях местности с течением времени вокруг градища группировалось на постоянное жительство население—ремесленники, торговцы, крестьяне. Разросшись количественно, это население окружало свой пригород новым валом, плетневой или бревенчатой оградой или рвом, наполненным водою. Так возникал новый город, или место, в древнем значении этого слова. Последующие насельники такого «Новгорода» образовывали подградия, или подгород (suburbium, vicus), которые в свою очередь с течением времени огораживались новою защитительною стеною. Таким образом, старый военный укрепленный пункт, город-крепость или градище (хисарь), царев кремль (др.-русск. детинец) с течением времени превращался в торгово-промышленный центр.³

¹ В. М. Макушев. Сказания иностранцев о быте и нравах славян. СПб., 1861, стр. 114.

² См. В. М. Макушев, назв. соч., стр. 114; С. С. Бобчев. История на старобългарското право. София, 1910, стр. 268.

³ С. С. Бобчев, назв. соч., стр. 266—268.

Древнейшим типом городов у восточных славян в IX—X вв. были землянные города, т. е. укрепленные пункты, огороженные земляным валом, который в летописях называется спом, приспом, переспом, осыпью, впоследствии валом, земляною стеною или земляным городом. О высоте этих валов можно судить по уцелевшим их остаткам. Так, например, Костромской вал имеет отвесную высоту 10 саж., Стародубский 6—8 саж., Суздальский 8—10 саж., Белозерский 8 саж., Мосальский—10 саж. и т. п. С наружной стороны этот вал был окружен рвом глубиною от 2 до 4 саж. Памятниками таких городов являются Новгородское городище, находящееся к югу от Новгорода, на правом берегу Волхова; Старая Ладога (с. Успенское), на левом берегу Волхова, только впоследствии была обнесена деревянными стенами, а в XII в.—каменными; Изборское городище; Старая Рязань, Киев до XI в., Владимир-на-Клязьме, Тверь и расположенный недалеко от Твери древний город, известный сейчас под именем Пекуновское городище, и др.

С IX в. у восточных славян начинают строиться деревянные города типа острога, т. е. деревянного частокола из свай, поставленных стоймя и заостренных сверху, либо рубленой бревенчатой стены. Эти деревянные укрепления воздвигались или на старом земляном валу или позади вала, образуя таким образом вторую линию укреплений. О постройке земляных городов читаем в летописи: «и пришед (Володимер) из Киева в Суздальскую землю, постави град во свое имя Володимер и спом посып а» [«Воскр. спис.» под 6498 г. (990)]. В войне с Ярополком Владимир, осаждая Киев, окружит свой стан окопами: «и стоя Володимер обрывся на Дорогожичи, между Дорогожичем и Капичем, и есть ров тот и до сего дни». «В лето 6654 (1146)... и поидоша к Новгороду и пришедше стаха у переспы...». О построении деревянных городов в летописи употребляются уже другие выражения: «поча города рубити» или «города ставити». «Прия Рюрик власть всю один и пришед к Ильмену и срубил город над Волховом и прозваша Новгород».

По свидетельству русских историков каменные города (стены) стали строиться у восточных славян в XI в. Первая каменная городская стена была построена в Киеве великим князем Ярославом в 1037 г. В 1044 г. начат был постройкою каменный детинец Новгорода. В 1114 г. (6622 г.) «Заложен бысть Ладога камением на приспе» (Ип. сп.), т. е. на вершине старого земляного вала, и т. д.¹

Образцом городского строительства у восточных славян

¹ См. В. М. Флоринский, назв. соч., гл. IV, стр. 133—183.

может служить старейший в X в. город Северянской земли—Чернигов, расположенный, как правило для древне-славянских городов, на высоком берегу Десны. По археологическим данным, сообщаемым проф. Д. Самоквасовым, первоначально Чернигов занимал только площадь в размере около 500 аршин в окружности; впоследствии это так называемый *детинец*. В XI в. город Чернигов составляли уже два города—внутренний *«днешний город»*, или *детинец*, впоследствии *кремль*, или *кремник*, и наружный или *«окольный город»*, или *«кромный город»*, или просто *«кром»*, и занимал в составе этих двух городов уже очень большую площадь. Впоследствии к этой площади был прибавлен третий город, а в московское время к трем старым городам был присоединен четвертый, площадь которого тоже была обведена земляным валом *«в ровом»*.¹

Картину быстрого роста славянских городов в X—XII столетиях рисует следующий летописный рассказ о построении города Холма и последующем его расширении, как княжеской резиденции: князь Даниил «виде место красно и лесно на горе, обходящу округ его поле, и вопроша товемь: «како именуется место се». Они же рекоша: «Холм ему имя есть». И возлюбив место то...; и сотвори градець мал, и видев же, яко бог помощник ему и Иоан спешник ему есть; и созда град иный...; и нача призывати прихожае Немце, и Русь, иноязычники, и Ляхи; идяху день и во день, и уноты, и мастере всяции бежаху из татар, седельници, и лучници, и тулници, и кузнице железу и меди и серебру, и бе жизнь и наполниша двory окрест града поле и селы...».²

Что касается названия для внутренней части города-крепости *днешний город*, или *детинец*, то первый термин возводят обыкновенно к наречному образованию *дне*—«внутри», образованного от существительного *дна*—«матка», «внутренность». Второй же термин, *детинец*, не имеет определенного толкования: некоторые возводили его к глаголу *деть* или *девать*, т. е. помещать, укрывать, во время угрожающей городу военной опасности имущество и ценности, в том числе и детей. Таким образом, *детинец* означает «обеспеченное убежище для детей». Наконец, ввиду того, что телохранитель при князе в старину назывался *детским и отрок* и что эти телохранители составляли отборную княжескую гвардию, поме-

¹ Подобно Чернигову, Новгород имел внутренний и внешний город; Киев—старый Киев и великий Киев; Владимир—новый и печерный город; Москва—белый город, земляной город, деревянный город и Китай город и т. п. (Самоквасов, подробнее Пич).

² См. Д. Самоквасов. Северянская земля и северяне по городищам и могильникам. М., 1908, стр. 35 и сл.

щавшуюся во внутренней, центральной части города-крепости, и имели своим назначением охрану князя и его семейства, предполагают, что *детинец* означает или место для охраны князя, или место, поручаемое защите его личных телохранителей.¹ Что касается термина *кремль*, или *кремник*, то в старину так называлась центральная часть города-крепости, огороженная каменной стеною. Истолкование этого термина в свое время дал Н. Я. Марр в статье «Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афревразии» (IV, 198—229), увязав его происхождение с тою же основой *каг*,—которая присутствует и в наименовании гор *Карпаты* и имеет в данном случае значение «камень», затем—«гора». В халдском клинописном языке Армении на Ванском озере в М. Азии, относящемся к IX—VII вв. до н. э., отмечено слово *кари* или *кари* в значении «камень», первая же часть этого термина *каг*—в том же халдском языке значит «крепость», «замок». К этой основе Н. Я. Марр возводит и русский термин «кремль».

По подсчету И. И. Срезневского, в Киевской Руси во время Игоря (X в.) было свыше 20 городов: Белоозеро, Витичев, Вручев, Вышьгород, Изборск, Киев, Коростень, Ладога, Любечь, Муром, Новгород, Овруч, Перемышль, Пересечень, Полоцк, Псков, Родня, Смоленск, Туров, Червень и Чернигов.²

В летописи по Лаврентьевскому списку говорится: «Рюрик раздая мужем своим *грады*, овому Полотеск, овому Ростов; другому Белоозеро», а в Ипатьевском списке эти города именуются *волостями*: «Рюрик... раздая мужем своим *волости*—овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро». В 1908 г. проф. Самоквасов подчеркнул, что такой же смысл слова *город* и *волость* имеют в известном летописном свидетельстве о стародавних вечах русских славян: «Новгородци бо изначала, и Смоленяне, и Кыяне, и Полочане, и *вся власти*, яко же на думу, на веча сходятся, на что же старейшии сдумают, на том же пригороди стануть».³ Отметим попутно, что аналогичную картину политического строя мы наблюдаем в самом начале XII в. и в федерации городовых волостей западного Поморья, в состав которого входили города Щетин, Волин, Узноим, Пырица и Камень. Старейшим городом был Щетин, остальные города-волости по отношению к нему были пригородами. Во главе федерации стоял князь Вартислав, резиденцией которого был пригород Камень. Когда насаждавший здесь по поручению польского князя Болеслава христианство епископ Оттон Бамберг-

¹ В. М. Флоринский, назв. соч., 1, стр. 135.

² Цитирую по В. М. Макушеву, стр. 113.

³ См. Д. Самоквасов. Северянская земля и северяне по городищам и могильникам. М., 1908, стр. 27.

ский, посетив Пырицу и Камень, явился в Волни, старейшины города, посоветовавшись между собою, заявили Оттону, что было бы неправильным с их стороны принять новую веру, которую не принял еще Щетин, и что они не могут нарушить давний обычай своих предков без дозволения почитаемых ими сановников Щетина. Это заставило Оттона отправиться в Щетин. Угрожаемые разгромом страны со стороны Болеслава щетинцы решили принять христианство, и только, после этого такое же решение приняли и волинцы.¹

О восточных славянах в первой половине X в. писал Аль-Масуди, отметивший, между прочим, что «они имеют много городов» и что «первый из славянских царей», «царь Дира—имеет обширные города и многие обитаемые страны; мусульманские купцы прибывают в столицу его государства с разного рода товарами...».² Этою столицей государства царя Диры был город Киев, именуемый у современника Масуди, персидского писателя Аль-Истахри, Куяба.³ Эти купцы прибывали в Киев не только в X в., но и значительно ранее, вероятно, еще со времен римского владычества в Дакии, о чем говорят многочисленные клады римских монет, найденные на территории Киева и его области; приходили они не только с востока и запада, но также с севера и юга. Торговые сношения Киева с Византией засвидетельствованы для IX в. К этому времени «путь из варяг в греки» пользуется уже широкой международной известностью. С X в. завязываются торговые сношения Руси с Западом через Польшу, и этому именно обстоятельству аноним Галл приписывает первые начатки знакомств Запада с Польшей, где она была почти неведомой страной. *Sed quia regio Polonorum ab itineribus peregrinorum est remota, et nisi transeuntibus in Russiam pro mercimonio, paucis nota,* — говорит Галл. В XI в. Киев поражал Дитмара Мерзебургского своим народонаселением, количеством церквей, восемью рынками и несметными богатствами товаров. В XII в. Киев уже имел регулярные торговые связи с Регенсбургом. Регенсбургские купцы имели здесь свои торговые дома, а отправлялись они в Киев за покупкою меховых товаров через Энс и Вену. Киев в это время славился на Западе как мировой рынок меховых товаров.⁴

Таким образом, некогда город-крепость Кыя, Киев, он же Куяба и Самбатас, уже к XI в. вырос в мировой торгово-промышленный центр, т. е. стал городом в современном

смысле слова. Широкою градостроительную деятельность в Киевской Руси летопись связывает с именем Владимира Святославича, о котором под 988 г. читаем: «Рече Володимер: се не добро, еже мал город около Киева», что, очевидно, делало Киев малозащищенным с восточной стороны; «и нача ставити города по Десне и по Востри и по Трубежеви и по Суле и по Стугне, и поча нарубати муже лучшие от Словен и от Кривич и от Чуди и от Вятч, и от сих насили грады».¹

Археологические изыскания проф. Самоквасова на территории Северянской земли вскрыли наличность здесь не менее 300 городищ, правда, различных культур, начиная с каменной. По летописным же данным, в Северянской земле было 72 города, известных по имени, но так как летопись, говоря о том или ином городе, не всегда называет его имя, то можно предполагать, что число городов на территории Северянской земли в действительности было значительно больше.² По тем же данным, большое количество городов имелось в древности и в других районах. Так, например, летопись говорит о 80 городах на Дунае, взятых Святославом Игоревичем в 967 г.; о 8 городах, лежавших по Волге между Княтиним и Угличем, на пространстве около 60 верст; о многих городах, лежавших по Десне между Сосницею и Черниговом, и по Днепру, между Вышгородом и Речицею, и т. д.³

Проф. Д. Самоквасов, стоявший на точке зрения, что «общественная жизнь русских славян началась городом, а не хутором», и что «из городов уже, по истечении многих лет их существования, русское народонаселение стало занимать открытые местности и образовало села и хутора»,⁴ установил на основании археологического материала и показаний письменных источников, «что в России до-татарского времени существовали многие тысячи городов по бесспорному фактическому материалу».⁵ Если допустить, что каждый населенный пункт, независимо от его размеров, от количества населения, от политического значения и торгово-промышленной роли в ряду других населенных пунктов данной территории, имел свой город, т. е. естественное ли, природное укрепление в виде, например, неприступной горной вершины и т. п., или соответственным образом искусственно укрепленную площадку-бастийон, тогда, пожалуй, можно было бы согласиться с Самоквасовым, что общественная жизнь русских славян, как и других народов, началась городом, а не хутором и не селом, что как будто бы подтверждается показаниями летописи, рассказывающей, на-

¹ М. Любавский. История западных славян. М., 1918, стр. 38 и сл.

² См. А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 137.

³ Там же, стр. 193.

⁴ См. Данилович, назв. соч., 165 и сл.

¹ Цит. по Д. Я. Самоквасову, назв. соч., стр. 24.

² Там же, стр. 32—34.

³ Там же, стр. 12.

⁴ Там же, стр. 47 и др.

⁵ Там же, стр. 48.

пример, о том, что древляне, разбитые в поле войсками Ольги и Святослава, «побегоша и затворишася в граде своем»; что княгиня Ольга, «посъла ко граду, глаголющи: что хотите доседети? а въси гради ваши предашася мѣне, и яшася по дань, и делаютъ нивы своя и земле»; что «уличи и тиверци седаху по Бугу и по Днепру и приседяху к Дунаеву; и бе множество их... суть города их и до сего дне» и т. п. Однако наличие села у восточных славян, вопреки утверждению Самоквасова, засвидетельствована летописью, как западными источниками засвидетельствована наличие поселка *vicus* для западных славян. Существенная разница между населенными пунктами у славян в древности определялась не наличием города-крепости или *hrad* и *hradec*, *gród* и *grodek*, а организационно-политическими функциями того или иного города, с которыми естественно было связано и дальнейшее развитие отдельных населенных пунктов, которое с течением времени привело одни из городов-крепостей к образованию позднейших так называемых старейших городов, как центров организационно-политической, торгово-промышленной, культурной и религиозной жизни всей волости или жупы, другие — к образованию пригородов, а третьи оставило на исконном их положении сельского поселка, т. е. села. Таким образом, если исходить из допущения, что каждый населенный пункт, независимо от количества его населения и размеров занимаемой им территории, имел свой укрепленный бастион, и совершенно игнорировать затем естественный исторический процесс развития этих населенных пунктов, не одинаковый для каждого из них в отдельности, тогда только можно было бы согласиться с теорией Самоквасова, которая, отвергая теорию родового и общинного быта на догосударственной стадии жизни славян, исходила из положения, что «на низшей ступени культуры и гражданственности оседлых народов область, занятая данным земледельческим племенем, является заселенною только городскими общинами, состоящими в полной политической разрозненности», причем «каждый городок с прилегающим к нему участком земли составляет территорию автократической общины, управляемой общинным собранием и городским начальником, над которым нет высшей власти, кроме веча общины».¹

Кроме того, одним из основных назначений городов-крепостей, согласно показаниям всех источников, было служить местом укрытия для простого населения от угрожавшего неприятеля (*refugium*); укрываясь в города, народ сносил сюда и свои

¹ Цит. по Д. Я. Самоквасову, назв. соч., стр. 58; подробное обоснование своей точки зрения проф. Д. Я. Самоквасов дал в своих «Исследованиях по истории русского права», вып. 1, М., 1896, гл. VI—VII, стр. 83—107.

наиболее ценные для него пожитки. Отсюда, вопреки утверждению Самоквасова, явствует, что народ жил не только в подгородях, но и за пределами городов и подгородей, т. е. в селах (чешск. *dědiny*) и т. д.¹

Остатки древних славянских городищ, эти *tumuli slaviales* или *tumuli veterum Slavorum*, нередко поражают наблюдателя огромностью своих размеров, ввиду чего постройка их часто связывается народным преданием с исполинами, как *tumulus gigantis*. Таков, например, славянский курган на о. Рюгене (ранее XI в.), именуемый *Doberwor*, по-славянски Добебор. О нем рассказывается, будто он воздвигнут мгновенно (*doba*) исполином, высыпавшим песок из меха (*wor*). Это толкование исторического названия представляет собою не что иное, конечно, как обычное народное осмысление забытого значения старого термина, но устанавливаемая преданием связь его с исполином указывает на грандиозность сооружения. Такие же легенды связаны и со многими курганами или остатками древних земляных валов в Польше.²

О чешских городищах (*hradište*), как колоссальных памятниках далекого прошлого, вызывающих даже своими остатками удивление, говорит чешский археолог Dr. J. L. Pič.³ Особенно в этом смысле у чехов обращают на себя внимание городища с остатками обожженных каменных валов, приписываемые иногда предполагаемым дославянским населением территории Чехии, кельтам боийам. Таких городищ в Чехии, по данным Пича, имеется девять. В своем прекрасно изданном труде Пич дает подробное интересное описание разнообразных по материалу постройки, по плану, по размерам, по системе расположения валов и т. п. чешских и других славянских городищ, о чем мы здесь подробнее говорить не будем, так как этот специальный предмет выходит за пределы нашей темы.

К числу древнейших чешских городищ автор относит городища с глиняными валами и среди них на первое место ставит: Тетин, вдовья резиденция св. Людмилы; Либиче и Брацлав, связанные с именами династии Славниковичей и Вршовичей; упоминаемый несколько раз у Козьмы Пражского в XI—XII вв. Левый Градец, затем Дживич, связанный с именем князя Олджиха, и др.

¹ Подробнее об этом см. у Pič, назв. соч., специальная глава *Učel a význam hradišt*, стр. 298—323; 323—328; Karel Kadlec, *O politickým ustroju Slovanů* и пр., см. выше; стр. 31—72; O. Balzer, *Chronologia najstarszych kształtów wsi słowiańskiej i polskiej*. «Kwartalnik Historyczny», *Rocznik XXIV*, zes. 3—4, 1910, стр. 359—406.

² См. Данилович, назв. соч., стр. 178—183.

³ См. его же, *Čechy za doby knížecí. — Starožitnosti země české*. *Díl. III*, sv. 1. V Praze, 1909, стр. 201 и сл.

По рассказу Аль-Бекри, относящемуся к западным славянам, славяне большую часть своих крепостей строят таким образом: «Они направляют к лугам, обильным водами и камышом, и обозначают там место круглое или четырехугольное, смотря по форме, которую желают придать крепости, и по величине ее. И выкапывают вокруг него ров и выкопанную землю сваливают в вал, укрепивши ее досками и сваями наподобие битой земли, покуда стена не дойдет до желанной высоты. И отмеряется тогда дверь с какой стороны им угодно, а к ней приходят по деревянному мосту».¹ Это показание Аль-Бекри о земляных или глиняных породах-крепостях у западных славян подтверждается археологическими изысканиями Пича. О Праге (Фрага) тот же арабский источник сообщает, что он выстроен из камня и извести и представляет собою богатейший торговлею город. «Приходят к нему из города Краква (Кракова) русы и славяне с товарами и приходят к ним (жителям Фраги) из стран торков, мусульмане и евреи и турки, также с товарами и с миткалями византийскими, и вывозят от них муку, олово и разные меха. Страна их лучшая из стран севера и богатейшая жизненными припасами...» и т. д.²

О размерах городищ на территории восточных северян подробно говорит проф. Самоквасов.³ Среди городищ встречаются здесь не только городища более крупных и более мелких размеров, но и городища «грандиозных размеров», вроде, например, Бельского городища. В описании этого городища, составленном в 1895 г., говорится, что своими грандиозными размерами оно напоминает известные укрепления у Матронинского монастыря и г. Грубска в Киевской губ. и у села Немирова в Подольской губ.⁴ Таким образом, города значительных размеров имелись в древности не только у северян, но и у других племен Киевской Руси, что говорит о соответственном развитии торгово-промышленной и культурной жизни древней Руси. Согласно данным археологических исследований, большие городища, состоящие из двух, иногда и из трех укрепленных площадей, лежащих рядом, обведенных каждое валами и рвами, как, например, в Чернигове, имеются в каждой волостной группе и представляют собою остатки так называемых старейших городов, т. е. волостных общественно-административ-

ных, судебных, военных и религиозных центров, где жил волостной князь и собиралось вече. Городища небольших размеров представляют собою остатки младших волостных городов, или волостных пригородов, известным образом связанных со старейшим городом и координировавших свою деятельность с его решениями, или же пограничных укреплений («мал городок»).

Таким образом, древне-славянский русск. город, югослав. град, чешск. hrád или польск. gród, сначала просто как укрепленный территориальный пункт, а с течением времени как укрепленное поселение, был нераздельно слит с территорией волости или жупы, или кастелянии, составлял с нею одно целое и вначале не имел своего собственного имени, а назывался или по имени племени, для которого он служил укрепленным пунктом, или по имени своего основателя; многие же мелкие земляные городища-крепости или бастионы, не разившиеся в пригороды; вероятно были безыменными. Другими словами, город, civitas и волость, жупа, кастеляния, будучи разными по существу предметами, на военно-административном и юридическом языке означали у древних славян в историческое время, повидимому, одно и то же, т. е. волость. Чешский археолог J. Pič объясняет это тем, что имя старейшего города волости заслонило собою с течением времени имя племени, что, как он предполагает, относится ко времени еще до Козьмы и Нестора, т. е. до XI в. «Лучан (племя) современные люди, — пишет Козьма, — называют теперь по городу Žatec — «жатчане». Имя же provincia, т. е. волость Žatec сплошь да рядом выступает у Козьмы вместо имени племени; provincia Belina вместо имени племени лемзов; provincia Gradec вместо имени племени хорватов. Подобный же процесс исчезновения племенных названий J. Pič отмечает также и на Руси, где племенные имена полян, северян, кривичей, словян оказались довольно рано замененными названиями: земля Киевская, Черниговская, Смоленская, Новгородская и т. д.¹

¹ См. Л. Куник и В. Розен. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. I, СПб., 1878. Приложение к XXXII т. «Записок Академии Наук», стр. 48.

² Там же, стр. 49.

³ См. Д. Я. Самоквасов, Северянская земля и северяне по городищам и могильникам. М., 1908, стр. 11 и сл.

⁴ Там же, стр. 9, прим. I; там же, о размерах северянских городищ, стр. 11 и сл.

¹ Dr. J. Pič. Čechy za doby knížecí. T. I, 1909, стр. 299; см. его же: Starožitnosti země české, cz. III. Подробнее о древне-славянских городах см.: Woscel, Pravěk země české. Praha, 1868, стр. 388 и сл.; Д. Я. Самоквасов. Древние города России, 1873; Andree, Wendische Wanderstudien. 1874, стр. 98—132, статья Heidenschanzen und Steinwälle der Lauzitz; Pitsch (Pič). Zur rumänisch-ungarischen Streitfrage. Leipzig, 1886, стр. 148—268, Die altslavischen Burgen; Д. Я. Самоквасов. Северянская земля и северяне по городищам и могильникам. М., 1908; Его же. Исследования по истории русского права, М., 1908, стр. 21—25; Braniš, Storožeske hrady. Praha, 1909.

Глава V

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ

Города были центром ремесленного производства и торговли, откуда славянские (русские) купцы предпринимали свои поездки к болгарам и хазарам на Волгу, по Джурджанскому (Каспийскому) морю вплоть до Тегерана и Багдада и по «пути из Варяг в Греки», т. е. по Днепру и Черному (Русскому) морю в Константинополь, доставляя сюда, главным образом, меха бобров и чернобурых лисиц, а также меха соболя, белки, куницы, горностаевы и др. Кроме мехов, славянские купцы вывозили на эти рынки и другие товары, вроде меда, воска, сырых кож, янтаря, рогож и т. п., а также и невольников. Товарообмен киевских славян с Византией был юридически оформлен специальными торговыми договорами в 907, 911 и 945 гг., представляющими собою исключительный интерес и в смысле своего содержания и в смысле формы, рисующих высокоразвитую экономическую и культурную жизнь Киевской Руси в X в., а равно и высокоразвитое государственно-правовое сознание ее руководящих политических верхов. Из Византии, судя по словам Святослава Игоревича, которыми он в беседе с матерью Ольгой мотивировал свое желание обосноваться в Преславе на Дунае, а также по другим источникам, восточные славяне получали золото, паволоки, т. е. дорогие ткани, вина, плоды и фрукты («овощеве разноличнии»), стеклянную посуду, «всяко узорчье» и пряности.

Арабские источники, говоря о вывозной торговле славянских и русских купцов, в числе предметов их сбыта на заграничных рынках называют: меха выдры, черных лисиц, меха соболя, в том числе и черного соболя, мед, свинец и еннухов.

Что касается южных славян, то, занимая территорию на великом пути из Европы в Азию через Константинополь и Солунь (Via Singidunum и Via Egnatia), они издавна были втянуты

в мировой товарооборот по суше и по морю, а также по Дунаю. Римский город (municipium), выросший часто из военного лагеря, составлял вместе с прилегающим к нему округом со всеми населенными пунктами единое целое, единую общину, полноправными гражданами которой были, однако, только землевладельцы (possessores); на их землях работали рабы и местные крестьяне на правах мелких арендаторов-колонов. Производственные и потребительские нужды римского города и его армии обслуживались местным населением, которое занималось скотоводством, земледелием, разработкою рудников и пр.

Когда на полуострове выросло первое болгарское царство, которое уже в X в., при царях Симеоне и Самуиле, занимало огромную византийскую территорию в южном, юго-западном и северо-западном направлениях, служившую издавна богатейшим источником хозяйственных ресурсов Римской империи, то Болгария оказалась владелицей не только огромного внутреннего сырьевого рынка, но также и всего Черноморского побережья от устья Дуная на севере и вплоть до г. Салмидесус (Мидия) на юге, в ближайшем соседстве со столицей Византии, со всеми старыми торговыми черноморскими городами и гаванями, а на юге и северо-западе — главнейших торговых путей, еще в римское время соединявших Византию и Солунь через Средец (Софию) и Сингидунум (Белград) с Западом. Все это давало широкие возможности для развития производительных сил страны и ее товарообмена с соседями и обуславливало наличность в составе болгарского общества уже в это время довольно солидного слоя торгового сословия, равным образом как и защиту его интересов со стороны государства. Об этом свидетельствует, прежде всего, мирный договор с Византией, заключенный Тервелем уже в 716 г., 4-й пункт которого стабилизировал положение болгарских купцов на византийском рынке и тем самым обеспечивал для Болгарии успешное развитие торговых связей с Византией. В начале IX в. при Омортаге болгарские купцы уже появляются в Баварии и Аахене, а в 824 г. Омортаг вступает в дипломатическую переписку с королем франков Людовиком, с которым несколько позже, в 864 г., Борис заключает мирный договор. Спустя два года после этого, в 866 г.; Борис обменивается несколькими дипломатическими миссиями с Римом, шлет свое посольство в Регенсбург и завязывает активные торговые связи с Веною. Ближайший преемник Бориса, его сын Владимир, заключает в 892 г. мирный договор с немецким королем Арнульфом, обеспечивавший доставку в Моравию болгарской соли из соляных копей в Венгрии (вблизи Будапешта), входившей тогда в состав Болгарии. Одновременно с выступлением Болгарии, начиная с середины IX в., на широкую арену международной жизни, в связи с чем стоит и принятие Борисом

в 865 г. христианства, крепнут и ее торговые связи с Европой как сухим путем, так и по Дунаю. Ежегодно на ее ярмарках регулярно появляются торговые караваны из-за границы; на ее территории живет много иностранцев, посвящающих себя торговле и ремеслам. Значение Болгарии, как сырьевого рынка и неисчерпаемого источника продовольственных ресурсов для Византии, поднимало ее удельный вес в международной политике настолько, что иностранные купцы, имевшие торговые связи с Болгарией, производили свои операции в Константинополе и в Салониках под защитой болгарского подданства. При Борисе был организован в Константинополе специальный болгарский рынок, а когда византийское правительство, нарушив договор, произвольно перенесло этот рынок в Салоники, Симеон объявил в 894 г. Византии войну, и т. д. Ко времени Симеона относится возникновение на Дунае ряда цветущих торговых болгарских городов, среди которых первое место занимал уже известный нам Переяславец, который несколько позже киевский князь Святослав называл «центром своей земли» ввиду его обширной торговли и мечтал перенести сюда свою столицу.

О торговле хорватов в древности мы имеем несколько показаний Константина VIII Багрянородного, который говорит о том, что хорваты на своих морских судах, сагинах и кондурах, вели торговлю по Далматинскому побережью вплоть до самой Венеции. Из хорватских племен славилась в древности, как искусные мореплаватели, особенно *неренчане*.

Широкие торговые связи с Европой и Азией поддерживали в древности также и западные славяне, о чем говорят, между прочим, арабские монеты халифов Омайядской и Аббасидской династий VIII и IX вв., находимые на славянском побережье Балтийского моря. Но особенно тесные торговые связи западные славяне в древности поддерживали с Германией, наследием чего в языках польском и чешском осталось немецкое слово для монеты: польск. *pienadz* и чешск. *penize* восходят к нем. *Pfenning*. Основным предметом вывоза у западных славян, как и у восточных, были меха; *куна* (т. е. кунца) служила для обозначения денег, а «гривна кун» (*marca sinpagan*) сделалась здесь, как и у восточных славян, меновой единицей. Кроме мехов, западные славяне, как и восточные и южные, торговали медом и воском.

По свидетельству франкского летописца Фредегара (конец VII в.) уже в VII в. к славянам приезжали купцы с запада, но особенно высокого развития торговля у западных славян достигла в X и XI вв. Центрами торговли были города на Балтийском приморье: главный город бодричей *Рарог*; город вагров *Старград*; затем *Юлин*, или *Волин*, и

Щетин в дельте Одера; *Колобрег* в устье р. Персанты и *Гданск*—на Висле.¹

Массовое трудовое славянское население в древности известно преимущественно как земледельцы и скотоводы, о чем говорит целый ряд византийских авторов, начиная с VI в. (Маврикий, Менандр, Феофилакт Симокатта). Земледелие было особенно высоко развито у восточных славян и давало здесь самые разнообразные виды зерновой продукции. «А все ваши города,—говорит Ольга древлянам—...делают нивы свои и землю свою». По летописи, вятичи платят дань «козаром по щелягу от рала».

Данные археологических раскопок, а также письменных памятников и языка говорят о широко развитой земледельческой культуре у всех славян, в частности, у восточных славян, в жизни которых хлеб составлял основной продукт питания. Уже в XI в. здесь был известен очень широкий ассортимент зерновых и культурных злаков: пшеница, просо, овес, рожь, ячмень, горох, мак, лен. Общим термином для названия всех видов зернового хлеба у всех славян в древности было *жито* (совр. вост.-сл., южн.-сл. и польск.). Как о наиболее популярном продукте питания у славян, восточные и западные источники говорят о *просе*.

Рядом с земледелием у всех славян было распространено скотоводство. Археологические раскопки говорят о том, что древние славяне знали лошадь, быка, овцу, козу, свинью, собаку; из птицы—курицу.

Выше мы уже цитировали показание Иоанна Эфесского о славянах VI в., который, говоря о том, что славяне «стали богаты», среди богатств их (золото, серебро, оружие) называет также табуны лошадей. На похоронах руса в известном описании Ибн-Фадлана приносятся в жертву быки, лошади, собака, петух и курица. Кроме названных животных, в жертву приносились овцы. По показанию Ибн-Даста, «славяне пасут свиней наподобие овец».

Константин Багрянородный говорит об овцеводстве у хорватов. Чехи славилась своими лошадьми; поморские славяне разводили рогатый скот.

Ибн-Якуб пишет, что славяне воздерживались есть кур, потому что они им вредили и способствовали заболеванию рожейю (болезнь, которая была очень распространена), но зато они ели говяжье мясо и гусей. «Владимир Киевский, став после принятия христианства милостивым, распорядился, чтобы по его княжеству всем больным развозили хлеб, мясо, рыбу, овощи и мед в бочках». Позднее Оттон, епископ Бамбергский, обратив

¹ См. М. Любавский, назв. соч., стр. 18.

в христианство литовцев и померанских земледельцев, запретил им в шестой день недели употреблять в пищу молоко и мясо.

Молочные продукты вообще были у славян в большом употреблении. Наконец, весьма характерным показателем популярности скотоводства у славян может служить такой разительный факт, что среди небогатого вообще пантеона богов язычники-славяне имели специального «скотьего бога» Велеса, или Волоса, охраняющего стада и покровительствующего скотоводству.

Не менее популярным промыслом у всех славян было пчеловодство. Мед был любимым напитком у славян. Известны в этом смысле показания арабских и персидских писателей—Ибн-Даста, Масуди, Ибн-Растех, Кардизи и др., а также Приска (448). Мед и воск у всех славян составляли одну из основных статей вывоза и обложения, ввиду чего древне-русское законодательство («Русская Правда») уделяет большое внимание охране пчеловодческой промышленности (бортничество). Ольга справляла тризну по Игорю с питьем меда; Владимир Киевский, отразив в 996 г. печенегов, «сотвори праздник велик, варя 300 провар меду и созываша бояры своя и посадники, старейшины по всем градом и люди много». Такою же популярностью мед пользовался и у западных славян.¹

В промышленной жизни древних славян большое место занимала охота. Дорогие меха—бобровые, куньи, белничьи, собольи, чернобурой лисицы и др. составляли одну из основных и наиболее существенных статей славянского вывоза и служили предметом даннического обложения: поляне, северяне и вятичи платили дань «по белой веверице от дыма»; древляне платили «по черне куне».

Выше уже было отмечено слово «куна» у западных славян в значении денег и «гривна кун» как меновая единица. Ввиду крупного торгового значения охотничьего промысла охота в быту и в хозяйстве славянских князей и знати занимала видное место и охотничий инвентарь составлял специальную статью в их хозяйстве. Интересный в этом смысле материал дает известное «Поучение Владимира Мономаха».

Широко распространенною пищею у древних славян, наряду с хлебом и мясом животных, была рыба, о чем говорят археологические раскопки. Константин Багрянородный говорит о рыболовстве у хорватов. Особенно широкой популярностью этот промысел пользовался у поморских славян. Западные источники (Гельмольд) говорят о том, что поморские славяне

в ноябре ловили у острова Рюгена с ельдь.¹ Наконец, западные славяне, чехи и поляки, отчасти и восточные славяне занимались также и горной промышленностью.

Отмеченные выше характерные особенности народного быта и хозяйства древних славян прекрасно иллюстрируются обширным вещевым материалом археологических раскопок.³

¹ См. Любор Нидерле, Быт и культура древних славян. Прага, 1924, стр. 58—74.

¹ См. В. М. Макушев, назв. соч., стр. 120.

² См., например, Б. А. Рыбаков, Анты и Киевская Русь, «Вестник древней истории», 1939, кн. 1 (6), стр. 319—337.

Глава VI

ВОЕННОЕ ДЕЛО

На войну славяне шли обыкновенно пешими, прикрыв тело броню и имея на голове шлем, при левом бедре тяжелый щит, за спиною лук со стрелами, пропитанными ядом; кроме того, они были вооружены обоюдоострым мечом, секирою, копьем и бердышом. С течением времени, начиная, повидимому, с X в., славяне ввели в свою военную практику и конницу, о чем можно судить по показанию Льва Диакона относительно армии Святослава. Не исключена, конечно, возможность наличия у славян кавалерийских отрядов и в более раннее время. По показанию Константина Порфирородного (X в.), у хорватов имелось 60 тысяч всадников. Личная дружина князя у всех славян была конною.

Постоянного войска у славян не было. В случае военной надобности в поход выступали все мужчины, способные носить оружие, а детей и жен с пожитками они укрывали в города или в леса. Маврикий рассказывает о характерном для славян искусстве прятаться в воду и с помощью длинной камышины для дыхания долго оставаться под водою, не замечаемыми неприятелем. Славяне предпочитали сражаться в теснинах и ущельях, поражали врагов внезапным нападением из-за скалы или из-за кустарника, во время боя устраивали искусственный заслон из телег, строили валы и засеки; обычным боевым строем у славян был треугольник, или клин, кабан, кабанья голова, называемый в русских летописях свиньею, откуда, между прочим, в современном русском языке ведет свое начало выражение «подложить свинью», т. е. устроить кому-либо неприятность, помешать в каком-нибудь деле и т. п. В общем, надо сказать, древние славяне были большими мастерами в военном деле, любили войну и, наделенные отвагою, мужеством, стойкостью и выносливостью, представляли собою прекрасную военную силу, пользуясь в этом отношении широкою известностью у своих соседей как на востоке, так и на

западе, которые охотно принимали их к себе на военную службу.¹ Из отдельных лиц, состоявших у византийцев на военной службе и занимавших крупные командные должности, известны, например, в 469 г. начальник фракийских войск Анагаст, ант или славянин по происхождению; в 30-х годах шестого века ант Хвилбуд (Хилвуд), командовавший греческими гарнизонами на Дунае; в середине VI в. ант Доброгаст—начальник византийской черноморской эскадры и др.² Славяне принимали участие в византийско-персидской войне 554 г. и т. д. О военном искусстве славян, которого они достигли к концу VI в., говорят, между прочим, известные слова Иоанна Эфесского: «Они стали богаты, имеют много золота, серебра, табуны лошадей и оружие и научились вести войны лучше самих римлян». Прибавим к этому, что названный автор не принадлежал к числу лиц, сколько-нибудь сочувствовавших или симпатизировавших славянам; напротив, они для него были «проклятым народом».

Однако славяне шли на войну не только хорошо материально вооруженные, но и в веселом, бодром настроении, с музыкой, свирелями, бубнами и с танцами, часто не помня об осторожности. Так описывает болгарский поход Святослава византийский писатель Скилица.³

¹ См. В. М. Макушев, назв. соч., стр. 128—133.

² См. Б. А. Рыбаков, назв. ст., 328; А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи. «Вестник древней истории», М., 1939, кн. 1(6), стр. 105.

³ М. С. Грушевский, Киевская Русь, СПб., 1911, стр. 385.

Глава VII

ФИЗИЧЕСКИЙ ТИП

По имеющимся в нашем распоряжении отзывам современников, древние славяне отличались высоким ростом, крепким телосложением, темнорусым (рыжеватым) цветом волос, большой выносливостью и были народом предприимчивым, отважным и воинственным. «Все они, — говорит о славянах Проконий, — росли и сильны, цвет лица имеют не совсем белый, волосы ни русые, ни вполне черные, но рыжеватые...». «Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились (высадились) на реке Атиль», — пишет Ибн-Фадлан в своем «Путешествии на Волгу» в 20-х годах X в. «И я не видел (людей), — говорит он, — с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, румяны, красны».¹ О рыжих (или русых) волосах у славян и об их румянце говорит Аль-Масуди (X в.).²

По свидетельству Казвини, «славяне имеют рыжие волосы, цвет тела красноватый и отличаются большою живостью...» Западные писатели, византийцы и немцы, не менее арабов удивлялись высокому росту и крепкому телосложению славян, их силе и ловкости.³

Византийский историк X в. Лев Диакон, описывая киевского князя Святослава Игоревича (942—972), говорит о нем, что он был среднего роста, не слишком высок, но и не низок, брови имел густые, глаза голубые, нос короткий, борода была сбрита, на верхней губе густые и длинные волосы; голова совершенно брита, с одной стороны висел чуб, что означало знатность рода, шея сильная, плечи широкие, и вообще он был очень хорошо сложен.

¹ См. «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». Перевод и комментарий под ред. акад. И. Ю. Крачковского. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 78.

² См. А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 5 и 138.

³ В. М. Макушев, назв. соч., стр. 153.

Летопись говорит о Мстиславе Ярославиче (XI в.): «бе же Мстислав деibel телом, черьмым лицем, великома очима», а князя Владимира Васильковича (XIII в.) она же описывает такими чертами: «Сий же благоверный князь Володимерь возрастом бе высок, плечима велик, лицемъ красен, волосы имея желтые кудрявы, бороду стригый, руки же имея красны (т. е. красивые) и ноги».¹

Представление о белокуроости славян было настолько популярным на Востоке, что племенной термин с а к л а б, с а к а л и б а, т. е. «славянин», приобрел здесь характер синонима для названия всякого краснолицего, беловолосого или рыжеволосого человека вообще, о чем можно судить, в частности, на основании арабского лексикографа Абу-Мансура (X—XI вв.). «Славяне — племя красного цвета, имеющее русые волосы... Человека красного цвета называют славянином, по причине подобия его цвету Славян».²

Однако говорить на основании этих данных, учитывая при этом и имеющийся в распоряжении исследователя краниологический и остеологический материал, о каком-либо единстве и своеобразии антропологического типа древних славян не приходится, как не приходится говорить в этом же смысле не только о современных славянах, но и о любом из современных европейских народов. Возникнув в глубокой древности в процессе племенных скрещений, пережив в своей позднейшей истории уже в древности многочисленные встречи, культурные влияния и физические связи с народами востока и запада, севера и юга, древние славяне, как в еще большей степени и их современные потомки, представляли собою в антропологическом отношении комплексный тип, который, территориально взятый, мог иметь гораздо более отличий от своих племенных сородичей иной территории, нежели от своих племенных инородичей-соседей. Между периферийными территориями эти отличия в деталях антропологического типа древних славян были, несомненно, особенно разительными, что мы наблюдаем и в настоящий момент не только между отдельными славянскими народами, но представляющими, впрочем, в общем своем этнографическом составе какого-либо единства антропологического типа, но, по той же причине, и внутри каждого отдельного славянского народа. В краниологическом отношении, замечает проф. Л. Нидерле, современные славяне более различаются между собою, нежели

¹ См. М. С. Грушевский. Киевская Русь, т. I, СПб., 1911, стр. 376—378.

² См. Гаркави, назв. соч., стр. 279; Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе. ЖМНПР, 1908. II, стр. 4; В. Макушев. Сказания иностранцев о быте и нравах славян. СПб., 1861, стр. 153.

от своих неславянских соседей.¹ Ту же картину представляют собою современные славяне в антропологическом отношении и по всем прочим показателям. Мы не имеем никаких оснований предполагать иную картину и для славян в древности, начиная с VI в. н. э., когда они впервые попадают на страницы путевых очерков и исторических сочинений восточных и западных авторов, отмечавших в них преобладавшие, очевидно, черты, наиболее бросающиеся в глаза наблюдателя-брюнета, — темнорусый или рыжеватый цвет волос, и не отмечавших тех случаев, которые не обращали на себя их внимания.²

Глава VIII

БЫТ И ПРАВЫ

Что касается показаний тех же авторов о быте и нравах древних славян, то с этими показаниями надо обращаться весьма осторожно: часто они явно тенденциозны, а иногда, как, например, у знаменитого Ибн-Фадлана, весьма ценного в других отношениях, и просто анекдотичны. Объясняется это тем, что эти авторы чаще всего были знатными путешественниками, представителями родовитой и служилой арабской знати, или же это были придворные историки, аристократы, состоявшие на службе византийских императоров и подходившие обыкновенно к «варварам» или с некоторой предвзятой аристократической нетерпимостью, несколько свысока, как к скотоподобным существам низшей породы, что мы имеем, например, у Ибн-Фадлана; или же просто с тенденциозной враждебностью, как к своим врагам, что мы наблюдаем, например, у некоторых византийских авторов. Поэтому показания этих источников всегда имеют только относительную ценность, требуют сугубо критического к себе отношения, но тем не менее они остаются единственным письменным источником и притом источником с богатым и разнообразным материалом, игнорировать который мы не имеем права.

Древние славяне жили обыкновенно в местах, естественно защищенных от нападений врагов самою природою, т. е. в лесах, на горах, у болот и у рек. По словам Маврикия, славяне живут в лесах, у рек, болот и озер, в местах неприступных, а Йорнанд замечает о славянах: «У них болота и леса заменяют города», что надо понимать не в том смысле, что у славян не было городов как пунктов поселения, а в том смысле, что болота и леса заменяли им города, как укрепленные прикрытия, за стены которых они укрывались от нападающих на них врагов.

Интересные строки описанию быта и нравов восточных славян посвящает автор «Повести временных лет», не стесняющийся, впрочем, заведомо сгущать краски, когда он говорит о не-

¹ L. Niederle. O p̄vodu Slovan̄. V Praze, 1896, стр. 39.

² Подробнее на эту тему см. у Л. Нидерле в названном выше труде.

полянских славянах, проявляя в данном случае, повидимому, профессиональную тенденциозность: поляне были в его время уже христианами, а прочие племена, о которых он говорит в своем летописании, держались в своих массах, повидимому, еще языческого культа.

По характеристике летописца, поляне—народ кроткого и тихого нрава и имеет «стыдение» к своим снохам, к сестрам, к матерям и к родителям, а снохи у полян имеют «великое стыдение» к свекровям и к деверям. Поляне, по летописцу, знали брачные обычаи, т. е. брак, оформленный и санкционированный известной традиционной народной обрядностью. «А древляне,—говорит летописец,—живяху звериньскимъ образомъ, и убиваху друг друга, ядуще все нечисто, и брака у них не бываше, но умыкаху у воды девица. А Радимичи, и Вятичи, и Север один обычай имеют: жи в я х у в л е с е, якоже всякий зверь, ядуще все нечисто, и срамословие в них пред отьди и пред снохами, и браци не бываху в них, но играца межю селы, и схожахуся на игрища, на плясания и на вся бесовьския песни, и ту умыкаху жены себе, с нею же кто совещався; имеют же по две и по три жены...».

По сообщению летописца, эти же народы совершали по умершем тризну, а затем труп сжигали на большом костре и, собрав после этого кости, «вложаху в судину малу, и поставляху на столпе на путех, еже творять Вятичи,—замечает летописец,—и ныне». Таких же обычаев, по летописцу, придерживались и кривичи и прочие язычники, «не введуще закона божия, но творяще сами себе закон».¹

По описанию арабского писателя Ибн-Даста (X в.), «страна славян—страна ровная и лесистая; в лесах они и живут. Они не имеют ни виноградников, ни пашен. Из дерева выделывают они род кувшинов, в которых находятся у них ульи для пчел, и мед пчелиный сберегается. Это называется у них сидж,² и один кувшин заключает в себе около 40 кружек его.

Они пасут свиней наподобие овец».

Ибн-Даста, как и Ибн-Фадлан, описывает практикуемый у славян обряд сожжения покойников, о чем говорят также и Аль-Масуди и Ибн-Хаукаля, а Ибн-Вахшия в связи с этим замечает: «Я удивляюсь славянам, которые, несмотря на крайнее свое невежество и удаление от всякой науки и мудрости, постановили

¹ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, Петроград, 1916, стр. 12 и сл.

² Нет никаких оснований не видеть в этом названии медового напитка древне-русского слова, независимо от его происхождения в русском языке, о чем в свое время говорил уже Сенковский; ср. совр. русское *сычеха*—«вареный, питейный мед» (В. Даль, Толк. словарь, 3-е изд., т. IV, стр. 687); ср. у Кольцова: «мед сычений» («Крестьянская пирушка». Полное собр. соч., изд. АН, СПб., 1909, стр. 47).

о сожжении всех своих мертвецов, так что не оставляют ни царя, ни другого человека без сожжения после смерти».¹ Исключительно яркую картину похоронного обряда сожжения знатного руса со всеми сопровождающими его деталями, в том числе и с закаливанием на могиле покойника для погребения вместе с ним одной из его жен, дает Ибн-Фадлан. О сожжении вместе с мужем и его жены у славян говорят также Аль-Масуди и Ибн-Даста. Археологические раскопки славянских погребений подтверждают данные арабских источников.

По свидетельству Прокопия, славяне жили «в дрянных избах, разбросанных на большом расстоянии одна от другой». Другой, западный, источник, Гельмольд, говорит о славянах, что они «не заботятся о постройке своих домов, а обыкновенно сплетают себе избушки из хвороста, лишь бы укрыться от дождя и непогоды. Едва раздастся клик военной тревоги,—говорит этот автор,—они поскорее заберут весь хлеб, спрячут его с золотом, серебром и всеми дорогими вещами в яму, уведут жен и детей в надежные убежища, в укрепления, а не то в леса, и не останется на расхищение неприятеля ничего, кроме одних изб, о которых они не жалеют нимало».² Ибн-Даста говорит о славянах, что ввиду сильных холодов, которые бывают в их стране, каждый из них выкапывает себе в земле род погребка, к которому приделывает деревянную остроконечную крышу, наподобие (крыши) христианской церкви, и на крышу накладывает земли. В такие погребка они переселяются со всем семейством и остаются в них до весны.³ Обогревают они это жилище следующим образом: зажигают дрова и на огне раскаляют камни докрасна. Когда же раскалятся камни до высшей степени, поливают их водой, от чего распространяется пар, нагревающий жилище до того, что снимают уже одежду.

Изображая славян, как выносливый и закаленный, но примитивный и малокультурный народ, ограниченный в своих потребностях, предпочитающий беззаботность жалкого существования, умеренность в пище и праздную, но свободную жизнь труду, византийские авторы, тем не менее, говорят о них, что они не злы и не коварны (Прокопий); что они ласковы с чужеземцами (гостями), принимают их у себя, провожают из одного места в другое, куда им нужно, и даже, если приключится гостю какая-нибудь беда по вине хозяина, тот, кто принял после него гостя, выступает против нерадивого, считая честью для себя вступить за гостя; что своих рабов не задерживают в неволе навсегда, как другие народы,

¹ См. А. Я. Гаркави, назв. соч., стр. 259.

² См. В. М. Макушев. Сказания иностранцев о быте и нравах славян. СПб., 1861, стр. 109.

³ См. А. Я. Гаркави, назв. соч., стр. 266 и сл.

но назначают им определенное время (службы) и потом предоставляют на выбор—вернуться ли на родину с известным вознаграждением, или же остаться у них в качестве свободных товарищей; что славянские женщины целомудренны выше всякого вероятия, так что большинство их считают смерть своих мужей своею собственной смертью и добровольно удавливают себя, потому что для них вдовство—уже не жизнь; что славяне не хотят никому служить или быть под властью; что они выносливы при всяких лишениях—жаре, холоде, дожде, недостатке одежды и пищи, но у славян, говорят эти же источники, нет согласия, они упрямы, не желают подчиняться в своих взглядах мнению большинства, следствием чего являются кровавые столкновения (Маврикий, Лев Мудрый). Немецкий писатель Адам Бременский говорит о поморских славянах: «Нет народа более гостеприимного и приветливого, чем они». Даже балтийские пираты, по свидетельству Гельмольда, отличались гостеприимством и щедростью. Для гостя и странника славянин готов был жертвовать всем, что у него было лучшего. Заботиться о больных и престарелых, кормить их и покоем считалось у славян священным долгом. Сам Гельмольд имел случай непосредственно убедиться на приеме, который устроил ему князь вагрский Прибыслав, в широком гостеприимстве славян своим гостеприимством. В приглашении гостя, пишет он, они все как бы нарочно соревнуют друг другу, так что никогда не приходится страннику самому просить у них приема. Что ни приобретает славянин своим трудом, хлеб ли, рыбу ли, дичь ли, он все израсходует на угощение, и считает того лучшим человеком, кто щедрее... По свидетельству другого немецкого автора (Сефрид), у поморян каждый хозяин имел специальную чистую и нарядную избу, служившую только для стола и угощения; в ней всегда стоял накрытый стол со всякою едою и угощением, ожидавший гостей. По словам Адама Бременского, всякий приезжий иностранец пользовался у балтийских славян всеми гражданскими правами туземцев. Даже и саксы, говорит он, приезжающие к ним в город Юлин, самый большой из всех городов Европы, получают равные права с туземцами, лишь бы во время своего пребывания не совершали публично христианских обрядов. Весь народ там, говорит этот автор, предан еще языческим заблуждениям; впрочем, относительно нравов и гостеприимства не найти людей честнее и добродушнее.¹

Аналогичную характеристику славян дают и арабские источники, говоря о нравах восточных славян. Так, например, араб-

ский писатель Ибн-Даста (X в.) говорит о русах, что с рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде; что у них большое число городов, и что они живут на просторе; гостям оказывают почет и обращаются хорошо с чужеземцами, которые ищут у них покровительства, да и со всеми, кто часто у них бывает, не позволяя никому из своих обижать или притеснять таких людей. Во всяком случае, замечает Ибн-Даста, если кто из них обидит или притеснит чужеземца, помогают последнему и защищают его.¹

Как восточные, так и западные источники единодушно говорят об отваге и воинственности славян. Так, например, арабский писатель Ибн-Якуб говорит о славянах, что они народ отважный и воинственный и никто не сравнится бы с ними в силе, если бы не разрозненность их многочисленных, обособленных племен.² Ту же характеристику славян дает и Аль-Бекри (XI в.), говоря: «Славяне народ столь могущественный и страшный, что, если бы они не были разделены на множество поколений и родов, никто в мире не мог им противостоять».³ С этой характеристикой арабских писателей совпадают и более ранние отзывы византийцев.

Добродушные, приветливые и гостеприимные, независимо от национальности гостя, в домашней обстановке, отважные и воинственные, как они рисуются у древних авторов, славяне на войне проявляли непримиримую и беспощадную свирепость. По свидетельству Прокопия, переправившись в 549 г. через Дунай, славяне ужасным образом опустошили всю Иллирию до Эпидамна; встречных, без разбора возраста, частью умерщвляли, частью уводили в плен, лишая их имущества. В 550 г., взяв в плен вождя греческого войска Авбада, они сожгли его на костре. Взяв приступом сильную крепость на Эгейском море Топер (Боар-калеси), они умертвили всех жителей—мужчин до 15 тысяч человек, расхитили имущество, а жен и детей отвели в рабство... И долго вся Иллирия и Фракия, замечает Прокопий, были покрыты трупами. Встречных они убивали не мечом, не копьем и не каким-либо иным оружием, а сажали на кол, распинали на кресте, били батогами по голове; иных, заперши в шатры вместе с быками и овцами, которых не могли увести с собою, безжалостно сжигали. О киевском князе Святославе Лев Диакон рассказывает, что, взяв город Филиппополь, он посадил на кол 20 тыс. его жителей, а узнав, что мизяне (болгары) перешли на сторону императора, он приказал отрубить головы 300 знатнейшим и самым богатым из них. Анало-

¹ А. Я. Гаркави, назв. соч., стр. 268.

² См. М. Грушевский, Киевская Русь I, СПб., 1911, стр. 384.

³ См. В. М. Макушев, назв. соч., стр. 145.

¹ В. М. Макушев, назв. соч., стр. 148, 154, 161 и сл.

гичные же факты сообщают и немецкие источники (Видукинд, Адам Бременский, Гельмольд) о полабских и прибалтийских славянах, расправлявшихся таким же образом с ненавистными им христианскими миссионерами, епископами, священниками, церковными служителями и христианскими храмами и монастырями, выполнившими своею миссионерскою деятельностью у славян функции немецких завоевателей и служившими для них опорой. Но славяне, надо иметь в виду, не выступали в данном случае в качестве каких-то исключительных извергов: защищая свою свободу, которая была для них дороже всего на свете, славяне платили своим врагам приблизительно тою же монетою, какую получали от них с гораздо более тяжелыми жертвами, в чем должны беспристрастно признаться и немецкие авторы (Гельмольд).¹ Славянам был присущ героизм на войне, и свои военные подвиги в защиту родины и свободы они всегда считали для себя делом чести, славы и доблести. И это они блестяще доказали на востоке и на западе славными подвигами на протяжении всей своей боевой истории, начиная с IV в. н. э., в борьбе с гуннами, аварами и уграми, с греками, с немцами, с шведами, с татарскими ханами и с польскими панами, стойко и мужественно защищая свою родину и свою свободу.

«И поиде Святослав на гръкы,—рассказывает летопись в своих повествованиях о болгарских походах киевского князя Святослава Игоревича,—и изидоша противу руси. Видевъше же русь, убояшася зело множьства вои.»² И рече Святослав: «уже нам некамо ся дети, волею и неволею стати противу; да не посрамям земле Русьские, нъ лязем костью ту: мертви бо срама не имам; аще ли побегнем, то срам имам; и не имам убежати, но станем крепько, азъ же пред вами поиду; аще моя голова ляжетъ, то промыслите о собе». И реша вои: «идеже глава твоя, ту и главы наши сложим». И исполчиася Русь, и Греци противу; и сразистася полка; и остушиша Греци Русь. И бысть сеча велика; и одоле Святослав, и бежаша Греци...»³

Эти события относятся к X в. Но вот еще одна аналогичная страничка из истории славян более раннего времени VI в. «Аварский хакан (Баян) отпавил посольство к Лаврите (вариант—Дабрите) и к важнейшим князьям славянского народа, требуя, чтоб они покорились аварам и обязались платить дань. Лаврита и славянские князья отвечали: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу. Не другие нашу землю, а мы чужую

привыкли обладать. И в этом мы уверены, пока будут на свете война и мечи»¹.

По своей природе славяне, как они рисуются в источниках, были веселым, жизнерадостным и темпераментным народом. Они любили музыку, пение и пляски и, подогрев себя «медом сыченным», к которому славяне всегда были большими охотниками,—ибо «Руси есть веселие пити, не может без того быти», как, по преданию, киевский Владимир ответил болгарским миссионерам,—«с плясаньем, гуденьем и плесканьем» славяне проводили свои народные гулянья, справляли свои праздники, несли свою трудовую жизнь и переживали свою печаль и горе. Они собирались на «играща межю селы, на плясания и на вся бесовския песни, и ту умыкаху жены себе». «Долгими песнями» прощается с жизнью девушка перед насильственной смертью на могиле своего господина в описании похоронного обряда у Ибн-Фадлана. Феодосий Печерский, войдя однажды к князю Святославу, застал у него «многая играючи пред нимъ: овы гуслиные гласы испущающе, другыя же органьные гласы поюще, и инем замарьныя писки гласящем, и тако всем играющем и веселящемся, якоже обычай есть пред княземъ». Лучшим подтверждением того, что всякие игрища, скоморошества, музыка и пение были обычным народным развлечением у славян, свидетельствуют многочисленные обличительные выступления христианского духовенства, направленные против «бесовского пенья и блудного глумления». Насаждая христианскую мораль и благочестие, духовенство усердно, но бесплодно старалось вытравить их из народного обихода. Арабский писатель X в. Ибн-Дада, описывая быт и нравы славян, говорит: «Есть у них разного рода лютни, гусли и свирели. Их свирели длиною в два локтя, лютня же их осьмиструнная. Хмельной напиток приготавлиют из меду. При сожжении покойников предаются шумному веселию, выражая тем радость свою милости, оказанной ему (покойнику) богом». Спустя же год по смерти покойника, по показанию того же автора, славяне справляют тризну, т. е. поминки по покойнике, уже в значительно более широком масштабе: «Берут кувшинов 20 меду (а каждый кувшин, т. е. жбан, включает в себе около 10 кружек его), иногда несколько больше, иногда несколько меньше, и несут их на тот холм, где собирается семейство покойного, едят, пьют и затем расходятся». При Владимире, говорит летописец, рассылая по городу припасы для убогих и нищих, возили и «мед в бочках».²

¹ В. М. Макушев, назв. соч., стр. 156—159.

² Греков было 100 тысяч, а русских всего 10 тысяч.

³ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, II, 1916 г., стр. 83.

¹ Цитирую по статье Б. А. Рыбакова, Анты и Киевская Русь. «Вестник древней истории» 1939, кн. 1, стр. 328.

² См. М. Грушевский, назв. соч., стр. 384 и сл.; А. Я. Гриваки, назв. соч., стр. 264 и сл.

Глава IX

РЕЛИГИЯ

В основе религиозных представлений первобытных славян, органически связанных с их хозяйством (земледелие и скотоводство), лежало представление о борьбе двух начал или двух сил—светлой и темной, доброжелательной и враждебной человеку, благотворящей и приносящей зло: плодородия с бесплодием, лета с зимою, света с тьмою. Изучение славянского народного календаря и народных обычаев дает интересный и богатый в этом смысле материал. Весь круговорот современных славянских праздников, начиная с конца декабря, с *к о л я д ы*, представляет собою пережиток старых языческих представлений, связанных с чествованием творческих сил природы, слившихся нередко впоследствии с христианскими праздниками. Так, языческий праздник рождения солнца слился с христианским праздником рождения Христа и нового года, на которые и была перенесена вся языческая обрядность, связанная с чествованием рождения солнца и возрождающейся природы. Полная победа солнца над мраком, лета над зимою приходится на май—июнь и отмечается в славянских народных обрядах инсценировкой похорон зимы или смерти.¹ У русских так называемые *к о с т р о м ы* или *к о с т р у б о н ь к и*, в Польше и в Моравии—*ш а г г а п а*, *ш а г е п а*, у болгар—*г е р м а н* или (уменьш.) *г е р м а н ч о* и пр.; в одних местах ее топят в воде, в других—закапывают в землю.

В славянских народных обрядах, связанных с рождением, свадьбою, похоронами, до сих пор сохраняются пережитки старых языческих представлений о судьбе человека, о загробном его существовании, о взаимоотношениях между человеком и природою и многих других подробностях и деталях народного мировоззрения и быта на более ранних ступенях его развития.

¹ См. Е. В. Анничков. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. СПб., 1903, ч. 1. D-g H a n u š M a s h a l, Nakres slovanskeho bajeslovi. Praha, 1891, стр. 192, 204.

Здесь нет ничего случайного или бессмысленного; каждая мелочь имеет свою историю и свое значение, как имеет его и каждая самая ничтожная вещьца материальной культуры древности, добытая из земли во время археологических раскопок.

Византийский историк Прокопий (VI в.) пишет о славянах: «Они признают единого бога, громовержца, единым владыкою вселенной и приносят ему в жертву быков и иных священных животных. Судьбы они не знают и не верят, чтобы она имела какое-либо влияние на людей. Но когда им угрожает смерть в болезни или на войне, они обещают, если ее избегнут, принести богу жертву за спасение и, спасшись, исполняют свой обет, думая, что этою жертвою купили себе жизнь. Они поклоняются также рекам и нимфам и некоторым другим божествам; всем им они приносят жертвы и при этих жертвоприношениях гадают».

Из этой случайной, далеко не исчерпывающей всего вопроса заметки византийского историка следует: 1) что система религии у славян в VI в. представляла собою обоготворение сил природы, которые казались им проявлением воли и деятельности высших живых существ (анимизм); 2) что их миросозерцание было лишено более глубокого, с точки зрения византийца, понимания жизни окружающей их природы и взаимной зависимости ее явлений (не знали судьбы); 3) что славяне-язычники чтили множество богов, но вместе с тем признавали единого бога-владыку, громовержца; очевидно, остальные боги мыслились ими подчиненными громовержцу и зависимыми от него; 4) что славяне поклонялись также рекам и нимфам; 5) что служение богам выражалось в форме жертвоприношения быков и других священных животных, а также в гадании, через которое боги сообщали людям свою волю. Имени «единого бога, громовержца», которого славяне признают «единым владыкою вселенной», византийский историк не назвал.

У восточных славян в X—XI вв. таким «богом-громовержцем», соединявшим в своем лице и функции «единого владыки вселенной», был Перун. Мы имеем все основания предполагать, что имя этого бога было известно некогда и южным славянам. Об этом свидетельствует целый ряд сохранившихся здесь до настоящего времени переживаний, связанных, несомненно, с культом Перуна. Так, например, до сих пор у болгар сохраняется имя Перун и женские имена—Перуна, Перунка, Перуника, Перуница, а также имена Парун и Паруна. Эти же имена встречаются и в фольклоре как у болгар, так и у сербов. Кроме того, у всех южных славян до сих пор живут названия различных местностей, связанные с именем Перун: Перуня весь, Перуны врх, гора Перун—у словенцев; гора Перун—в Боснии, то же в Далмации; село Перуновац—в Сер-

бии; горная вершина Перинатица, село Перуника—там же; город Перин—в Болгарии и горная цепь Перин—в Македонии и т. д. Наконец, у всех южных славян встречается название цветка «Перуника» (*Iris germanica*), так же как у латышей полевая горчица называется «Перуновым цветком». То же самое растение перуника у сербов называется также б о г и ш а, т. е. божий цветок. Имеются указания на то, что в болгарском народе память о Перуне сохранялась вплоть до начала XIX в., о чем в 1841 г. писал известный болгарский деятель-просвещенец эпохи Возрождения В. Априлов в сочинении «Денница новоболгарского образования», говоря, что «нынешние болгары в своих народных песнях славят Перуна, Коляду, Ладу и Леля».¹

Вместе с принятием христианства культ бога громовержца и дожденосца был перенесен на св. Илью. Так случилось у новогреков с Зевсом и Гелиосом (солнце), у германцев—с богом Тором, у кавказцев—с богом грома Шибле, которому в Абхазии молились от бездождия и которого чеченцы отождествляли с Ялием (Ильей). Илья, как громовержец и дожденосец, фигурирует в югославянской народной поэзии и в народных поверьях. По этим поверьям, гром происходит от движения коней и колесницы св. Ильи по небу, а молния—это искры, вылетающие из-под копыт его коней.

Однако бог грома и молнии у восточных славян—Перун представляет собою, повидимому, более поздний продукт творчества первобытного теогонического мышления. Как бог грома и молнии, или небесного огня в его частном выявлении в молнии, Перун представляет собою продукт позднейшей дифференциации, точнее—дизассоциации более ранних теогонических представлений человека, связанных с небесным огнем вообще и с самим небом. Выше Перуна и старше его должен был быть некий бог Небо, как верховное божество, как единый великий бог, т. е. б о г - Н е б о.² С течением времени, в связи с развитием теогонического мышления, протекавшего в процессе дизассоциации представления о едином вначале б о г е - н е б е на несколько или множество богов, воплощавших в себе ту или иную, частную или долевою эпифанию неба, эти вновь возникшие боги могли постепенно, во-первых, вытеснить из сознания представление о первичном верховном б о г е - н е б е и, во-вторых, перенести это представление на одного из вновь созданных богов-эпифаний из начального единого бога-неба, по тем или иным причинам

¹ См. И о р д а н И в а н о в. Культ Перуна у южных славян. «Изв. Отд. русск. языка и словесности ИАН», 1903, IV.

² См. Н. Я. М а р р: 1) О небе, как гнезде назначенный; 2) Из семантических дериватов «неба»; и др.; Избр. раб., т. II, 1936.

выдвинувшегося в мышлении на первый план и занявшего в пантеоне богов первенствующее место.

В религиозных представлениях балтийских славян отмечается наличие, наряду с многочисленными второстепенными божествами, и единого великого бога, который является вместе с тем специально небесным богом (Гельмольд, XII в.).¹ Имя этого бога, как видели мы выше, осталось Прокопию неизвестным.

Данные Киевской летописи (под 1114 г.) о том, что древнегреческий Гефест, служивший в древнейшее время «выражением могучей силы огня, проявляющейся, преимущественно, в вулканических странах», и представлявший собою «великое творческое существо»,—это Сварог, а сын его, Гелиос, бог солнца,—это «сын Сварогов, еже есть Дажьбог»; с другой стороны, данные известных обличий язычества о том, что люди—«огневе молятся, зовуще его Сварожичем», уже давно привели исследователей к мысли, что в этом Свароге мы имеем того древнего главного, «единого бога» творческой силы природы, который выступает так определенно еще у Прокопия. Мысль эта в настоящее время не является, однако, общепризнанной; имя же Сварога в пантеоне богов у восточных славян в X в., накануне принятия христианского культа, не фигурирует.²

Верховный бог неба у южных славян носил, повидимому, имя Б о г. Об этом можно заключать на основании того, что солнце называется здесь Б о ж и ч е м, т. е. сыном верховного божества—Неба, т. е. Б о г а. У сербо-хорватов и словенцев праздник рождения Христа (25 декабря), совпадающий астрономически с началом нарастания солнечного дня, т. е. с рождением солнца, называется Б о ж и ч е м, у болгар—Б о ж и к. Накануне 25 декабря (по ст. ст.), в так называемый рождественский сочельник у всех южных славян совершается обряд сжигания «бадняка», т. е. дубового полена. Дуб у всех народов посвящен верховному богу Неба, громовику—Зевсу, Юпитеру, Перуну. Название для «дуба» в сербском языке—г р м—является исходным моментом для позднейшей увязки дерева дуба с богом грома, что мы имеем и в других языках.³ Рождественский сочельник у южных славян называется «Бадни вечер». Горящий «бадняк», дерево, посвященное верховному богу Неба, т. е. сам верховный бог—Небо символизирует рождение солнца, его сына Б о ж и ч а.

В памятниках болгарской письменности встречается имя

¹ См. М. Г р у ш е в с к и й. Киевская Русь. СПб., 1911, стр. 390.

² Там же, стр. 390 и сл.; Н а п и ŝ М а с h a l, Nakres slovanskeho bajeslovi. Praha, 1891, стр. 20—21; 32 и сл.

³ Подробнее на эту тему см. Н. С. Д е р ж а в и н. Перун в языковых и фольклорных переживаниях у славян. «Язык и литература», т. III.

верховного божества неба Дый, или Дий, увязываемое с именем римского Юпитера—Dies pater, верховный бог дня и света, «светящийся Юпитер», Jupiter lucetius. Имя бога Дый стоит здесь рядом с первостепенными славянскими богами—Перуном, Хорсом и Трояном.¹

У западных славян, по показаниям Гельмольда (XII в.), богом богов, т. е. единым богом, властвующим над прочими богами, происходящими от крови верховного бога, был бог Руян, Святovit, или Свантовит, бог неба и небесного света, олицетворяющий вместе с тем и дневной, солнечный свет, т. е. солнце.

Идол бога Святовита находился в знаменитом Арконском храме на острове Руяне. Он имел четыре головы на четырех шеях; две головы были обращены вперед и две назад и каждая из пары этих голов смотрела одна направо, другая налево. Подробное описание этого идола со всем его культом дал Саксон Грамматик (ум. 1204). Бог Святovit пользовался широкой популярностью не только у всех славян, посылавших в его святилище в Аркону богатые дары, но также и у соседей славян, например у датчан. Как греческому Зевсу и римскому Юпитеру, верховным богам неба, так и Святовиту была посвящена птица орел. У позднейших авторов Святovit называется солнцем, почитавшимся славянами в образе Святовита, и вообще солнечным богом, т. е. солярным божеством. Первоначальное же его значение—верховное божество Неба.²

У поляков, согласно показаниям древних польских летописцев и историков (Длугош, М. Бельский и др.), таким же небесным верховным богом вселенной был Исса, приравняемый к Юпитеру. По другим данным, высшим богом у поляков-язычников был бог Тгзу, т. е. Трибог, истукан которого имел, по преданию, три головы. В Щетине высшим владыкою признавался Триглав, властвовавший над тремя областями мира, в том числе и над небом.³

У лужицких сербов верховное божество носило имя Прабог; второстепенных богов по отношению к Прабогу они называли Прибогами.

Что касается восточных славян, то и здесь некоторые исследователи, исходя из известных показаний летописи, где в договорах князей Игоря и Святослава с греками говорится: «Да будет клят от бога и от Перуна», «да имеем клятву от бога,

¹ См. А. С. Фаминцын, Божества древних славян, I, СПб., 1884, стр. 123—126.

² Подробнее см. у Н. Махала, Nakres slovanskeho bajeslovi. Praha, 1891, стр. 26—30.

³ А. С. Фаминцын, назв. соч., стр. 140; Н. Махала, назв. соч.; стр. 30 и сл.

в его же веруем, в Перуна и в Волоса, скотья бога»,—склонны видеть в имени Бог имя верховного божества, отдельного от других великих богов, Перуна и Волоса, или Велеса, а о его первенствующем месте среди прочих богов говорит, по мнению сторонников этого мнения, и то, что в обоих приведенных случаях имя Бога стоит на первом месте (Фаминцын, Леже).¹

Наличность на территории восточных славян местностей в роде «Белые боги» (урочище близ с. Городок в окрестностях Москвы) или названия «Троицко-Белобожский монастырь» в Костромской обл., а также уцелевшее у белоруссов воспоминание о Белобоге в лице Белуна, как источника богатства и милосердия, дают основание Фаминцыну предполагать, что и восточным славянам были известны Белобог и Чернобог. В некоторых местах у восточных славян была отмечена наличность представления о Деде, как верховном небесном боге. Аналогичное представление отмечает Афанасьев у болгар в образе Дядо-господ, который некогда ходил по земле в образе старца и поучал людей пахать и вообще возделывать землю.² Восточно-славянский Дед, украинский Дид, болгарский Дядо-господ, белорусский Белун и т. п.—все это различные варианты одного и того же верховного божества неба, Белобога.

В Ипатьевской летописи, которая передает имя «высшего бога» Феоста, т. е. Гефеста греческого источника (Малала), именем Сварог, назван «Солнце-царь, сын Сварогов, еже есть Дажьбог». Таким образом, бог солнца, он же бог огня, у балтийских и восточных славян названы одним и тем же именем Сварожич, т. е. дети бога Сварога.³

У западных славян—чехов, словаков, моравян—бог солнца был известен под именем Ясонь, то же Несень или Хасонь, т. е. ясный, белый бог, Белобог. Имя бога Ясонь или Несень продолжает бытовать до сих пор в топонимике на огромном пространстве территории, занятой в настоящее время или занимавшейся некогда в прошлом славянами в Богемии, Моравии, Далмации, Славонии, Хорватии, Штирии, Крайне, Истрии, Сербии, Галиции, Силезии, Саксонии, Пруссии, Мекленбург-Шверине. Бог Сварожич у балтийских славян имел своего идола в Ретрском храме (Титмар Мерзебургский, X—XI вв). Ему был посвящен содержавшийся при храме конь. В этом же Ретрском храме, по данным более поздних авторов XI и XII вв. (Адам Бременский, Гельмольд),

¹ Против этой точки зрения возражал М. Грушевский; см. его «Киевская Русь», стр. 391 и сл., примеч. 5.

² А. С. Фаминцын, назв. соч., стр. 143.

³ Там же, стр. 143—146.

находился золотой идол бога Р е д е г а с т а, или Р е д и г а е т а, или Р а д е г а с т а, которого эти авторы называют главным богом Ретрского святилища. Очевидно, Сварожич и Радегаст были только разными именами одного и того же бога солнца, Сварожича, который был вместе с тем и богом огня и богом войны (имел соответственные атрибуты—вооружение, на голове—птица с распростертыми крыльями, на груди—изображение головы быка), а также и богом плодородия. Бог Радегаст пользовался у славян широкой популярностью, и имя его отложилось во множестве географических названий у западных и восточных славян.

К солнечным богам у западных славян, кроме главного бога солнца Сварожича или Радегаста, принадлежали—Р у е в и т, имевший на острове Руяне специально посвященный ему храм с идолом бога, имевшего семь лиц на одной голове, и П о р е в и т, имевший там же свой храм и идола с пятью головами. Семь лиц у идола Руевита и пять голов у идола Поревита объясняются, как 7 месяцев лета и 5—зимы.

Подобным богу Руевиту, богом плодородия и вместе войны, славянским Марсом, у балтийских славян был бог Я р о в и т. Ежегодно около 15 апреля в честь этого бога в Гавельберге, где он пользовался почитанием, устраивалось грандиозное празднество. В его святилище в Волегасте висел на стене огромный щит искусной работы, весь обитый золотом; простым смертным прикасаться к нему не разрешалось; он мог быть тронут с места только во время войны, когда, с верою в победу, его несли впереди войска.

Кроме названных выше солнечных богов в источниках упоминаются еще, по видимому, аналогичные с ними западно-славянские: П р и п е к а л о, бог солнцепека, иссушающего солнечного зноя, и Г е н н и л ь, с чествованием которого были связаны весенние пастушеские праздники. Фаминцын подчеркивает тесную идеологическую связь славянских солнечных богов—Белбога, Ясоня, Сварожича (Радегаста), Святовита, Руевита, Яровита, Геннила с богом солнца древних италийцев—Марсом, он же Мармаг, Мамарс, Маворс, в основе названия которого mar- или mas- видят отложение понятия как о блеске, так и о мужской производительной силе. Названные славянские боги воплощают в себе все функции бога Марса (светлый, сияющий бог, воевода, оракул, плододавец, покровитель скота).

У восточных славян бог солнца носил имя Х о р с в различных вариантах огласовки этого имени (Харс, Хоурс, Хърс, Хръс, Хрос), иногда составное имя Х о р с Д а ж ь б о г. В древней Умбрии имя Хорс было известно, между прочим,

как эпитет бога Марса в форме дательного падежа—Marte Horse. А. С. Фаминцын в своем капитальном исследовании «Божества древних славян» приводит огромный топонимический материал, в котором он видит отложение имени бога Хорса, в формах Хорс, Орс, Орш и Рос, не только на обширном пространстве территории Средней Европы, населенной в древности славянами, но и далеко за ее пределами, вплоть до Франции, Англии, Шотландии и островов Северного моря, и приходит к заключению, что слово Хорс, столь распространенное между юго-западными и западными славянскими народами и германцами, скандинавами, англосаксами и др., значит к о н ь (ср. соврем. англ. horse—«конь»). Отсюда делается вывод, что Хорс Марс это «Конь Марс».

Культ Марса теснейшим образом был связан с конем: ему ежегодно приносился в жертву конь; конь же принадлежал и к эмблемам Марса, как и бык, волк и дятел.¹ Конь—тотем бога Марса, что то же Хорса, бога солнца, бога производительных сил природы, покровителя хозяйства скотовода: ср. лошадиный череп в бытовой обрядности у славян. «Слово о полку Игореве» говорит о «великом Хорсе», великом коне—Солнце, которому «Всеслав князь... волком путь прерыскаше». Как известно, «конь» представляет собою мифологический двойник того же «солнца» («неба»)².

«И нача княжити Володимир в Києве един,—читаем мы у киевского летописца,—и постави кумиры на холме, вне двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его серебряну, а ус злат, и Хорса, и Дажьбога, и Стрибога, и Семарьгла, и Мокошь. И жьряху им, наричюще я боги, и привожаху сыны своя и дщери, и жьряху бесом, и оскверняху землю требами своими; и осквернися кровьюми земля Русьская и холм то».

Исходя из широкого отложения в топонимике Средней Европы имени Хорса, а также принимая во внимание трехлетнее пребывание Владимира в земле Варяжской, т. е. в Балтийском Поморье, и богатую отделку идола Перуна, сооруженного Владимиром, Фаминцын склонен полагать, что Владимир вывез из Поморья от славян вагров или их соседей бодричей, где мы знаем вендского Сатурна с золотой головою и идола Черноглава с серебряными усами, или готовые уже изображения богов, или, по крайней мере, вендских художников. Бога Хорса Фаминцын считает для Киева иноземным богом, вывезенным Владимиром вместе с его идолом из Бал-

¹ См. А. С. Фаминцын, назв. соч., стр. 199—201.

² См. Н. Я. Марр, К семантической палеонтологии в языках неафетических систем. Избр. раб., 1936, т. II, стр. 284.

тийского поморья.¹ Наличие же отложенной имени бога Хорса в различных его огласовках на огромном пространстве территории в Средней Европе, занятой некогда славянами, приводит исследователя к заключению, что «под именем Рус или Рос скрывается какое-то древнее общеславянское слово, в основании которого после всего вышесказанного можно, кажется, с некоторою вероятностью предположить слово хръс или хърс, как эпитет бога солнца»,² в связи с чем, по автору, стоит и известное выражение «Слова о полку Игореве» — «Дажьбожий внук», которым автор называет русский народ, как «детей неба» или «солнца» Хорса, по связи племенного имени рус или рос с именем бога Хорс,³ или же просто, как «солнце», подобно тому, как не только армяне, но и их предшественники в той же стране, халдини халди, означая «солнце», в свое время, в силу коневодной организации именуемой ими социальной группировки, понимались, как «кони», и слово халди, действительно, и означало «коней», будучи спирантным двойником баскского «лошадь».⁴

К числу солярных божеств у восточных славян принадлежал и Дажьбог. Ипатьевская летопись так именно его и называет: «Солнце царь, сын Сварогов, еже есть Дажьбог», «Солнце, его же наричють Дажьбог». Позднейшим отголоском древне-языческого Дажьбога являются, по толкованию Ягича, сербский и болгарский Дабог, но с функциями сатаны, врага христианского небесного бога. Происхождение имени Дажьбог одними (Фаминцын) разъясняется из сопоставления с данными германской мифологии, где имеется бог Таг, сканд. Dag или Daug, бог дня, владеющий «светлогривым конем». Таким образом, славянский Дажьбог, по этому толкованию, первоначально есть Дажибог, или Дажьбог, т. е. бог дня. Подобно Хорсу он мог попасть на восточно-славянский Олимп от прибалтийских славян-вагров (Мекленбург), где в XII, XIII и XIV вв. имеются, между прочим, Дажья область, Дажье озеро, Дажий лес и т. п. Другие (Крек, Микло-

¹ См. А. С. Фаминцын, назв. соч., стр. 202 и сл.

² Там же, стр. 209.

³ Там же, стр. 205.

⁴ См. Н. Я. Марр, К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории. Избр. раб., т. III, 1934, стр. 167. Н. Я. Марр в своих статьях и исследованиях неоднократно останавливается на теме «кони» или «лошадь» и дает огромный материал, иллюстрирующий палеонтологическую увязку семантики «кони» с «солнцем», на чем останавливаться здесь подробнее мы не имеем, к сожалению, возможности. Точку зрения Фаминцына по вопросу о терминах рус и хърс, как домьсел (для своего времени не лишенный интереса), сейчас надо оставить, как устаревший и решительно расходящийся с современным пониманием термина рус, рос.

шич, Ягич, Махал) увязывают имя Дажьбог с повелительной формой глагола «дати» — «даждь» и толкуют его, как «дай благо, богатство» (Крек), или как dispensator divitiarum divitias dans, т. е. «распределитель благ, дарующий блага» (Миклошич), или, наконец, как deus dator — «бог даритель» (Ягич, Махал).¹

К числу солярных богов у восточных славян принадлежал также и бог Ярила, которого сближают с Яровитом или Радегастом балтийских славян. Этимологическое значение термина Ярила, по толкованию Ефименко, — «быстро распространяющийся весенний свет или утренний солнечный свет, возбуждающий растительную силу в травах и деревьях и плотскую любовь в людях и животных, потом юношескую свежесть, силу и храбрость в человеке. Отсюда следует, что Ярила, как божеество, должен быть богом восходящего или весеннего солнца, богом похоти и любви, богом произрастителем и покровителем животных, производителем растений, богом силы и храбрости. В таком смысле наш Ярила тождествен с Яровитом гаволян».²

У белоруссов Ярила представлялся молодым, красивым, развезжающим на белом коне, в белой мантии, с енком из цветов на голове; в правой руке он держит человеческую голову, а в левой — маленький снопок ржаных колосьев. Белорусская обрядность до последнего времени сохраняла пережиточно память о Яриле, преимущественно связанном с весенними полевыми работами, как приносящем плодородие нивам. В обрядности великоруссов культ Ярилы отложился преимущественно своею фаллическою стороною, как бога «припекающей» стороны солнца, вызывающей в природе похоть (ярь), сочетание полов и обильное плодородие. С богом Ярилой в этом именно смысле здесь был связан обряд погребения бога, в котором Ярила фигурирует в виде старика или куклы с большим фаллосом («Ярилыны игрища»), справляемый в конце мая или в июне, при проводах отходящей весны.³ Пережитки культа Ярилы отмечены также и у южных славян, где вместо восточно-славянского Ярилы фигурирует Герман. В румынской обрядности вместо Ярилы или Германа выступает в аналогичной обстановке Калоян или Скалоян, а также Траян. О широком распространении

¹ См. Н. Machal, Nakres slovanskeho bajeslovi. Praha, 1891, стр. 31.

² Цитирую по Фаминцыну, назв. соч., стр. 220.

³ Там же, стр. 222 и сл.; на стр. 223—232 приводится обширный этнографический и фольклорный материал, связанный с «Яриловыми игрищами».

фаллического культа у множества народов древности мы здесь говорить не будем.¹

Родственным с Ярилой божеством у всех славян был бог Ту р, бог солнца и плодородия, он же—бык, богато отложившийся в топонимических названиях на огромном пространстве Восточной и Средней Европы, отчасти и на смежных с ними на западе, неславянских, как в прошлом, так и в настоящем, территориях.

Имя Тура в «Слове о полку Игореве» выступает как эпитет князя Всеволода: «яр-тур», «буй-тур», которым подчеркивается его воинственность, храбрость, буйность, ярость. Бог Тур богато отложился и в славянском фольклоре, как бог солнца и света; он выступает здесь в образе многорогого или влаторогого тура или тура-олена, барана с золотыми рогами и т. п.

В святочных песнях выступает почти тождественный с Туром Ав с е н ь, он же О в с е н ь, Г о в с е н ь, Т а у с е н ь и др., некогда, повидимому, бог возрождающегося весеннего солнца, имевший своим тотемом козла, который в новогодней обрядности и выступает в роли полномочного заместителя своего бога. Однако вначале культ Авсения не исчерпывался одним только козлом, а имел, вероятно, более широкое окружение, на что, между прочим, указывает чешское поверие о появлении накануне Рождества на небе золотого поросенка, или поросенок, как культовое блюдо в эти дни, а также представление о золотом кабане-вепре и т. п.

К кругу солнечных богов у древних славян относился также и бог Л а д, очень широко отложившийся в славянской топонимике и в народных весенних и свадебных песнях у восточных и южных славян в качестве припева. Это было весеннее божество, бог любви, «бог женитвы, веселия, утешения и всякого благополучия; сему жертвы приношаху хотящие жениться, дабы его помощью брак добрый и любовный был» (Густинская летопись). Таким образом, бог Лад (и Лада) был родственен богу Яриле, и празднование его похорон во время высшего солнцестояния, там, где оно справлялось вместо Ярилы, сопровождалось той же обрядностью, что и похороны Ярилы.

У западных славян, чехов, словаков, моравян, у сербо-хорватов, словенцев, у болгар божество солнца заменено святым Я н о м или Иваном, у болгар И в а н о в день известен под именем Е н ю в ден: к этому дню у болгар приурочены похороны чучела или куклы и т. д. В Ивановскую ночь у чехов, словаков, моравян поются «святоянские» песни; огни, зажи-

гаемые в эту ночь называются «святоянскими» огнями. У чехов в эту ночь сжигалось дерево (сосна или ель), доставленное из леса. У поляков ивановский праздник и ивановские огни назывались с о б о т к а м и, песни—«сobotскими песнями». У украинцев и белоруссов празднование Иванова дня носит название праздника И в а н а К у п а л а, который сопровождается обрядом сжигания или потопления чучела—Купала и дерева—Марены, причем купальское чучело бывает одето в женское платье и самое имя К у п а л о фигурирует иногда в песнях в женской форме—К у п а л а, К у п а л к а. По свидетельству Снегирева, в Ярославской, Тульской и Рязанской губерниях праздник И в а н а К у п а л а называется Я р и л о ю.¹

Киевский летописец рассказывает, что, заключив мир с Олегом, византийские императоры Лев и Александр скрепили его клятвою, «целовавшие сами крест, а Олега водившие на роту и мужа его по русьскому закону, и кляшася оружием своим, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, скотиемъ богомъ, и утвердиша мир». В апокрифическом «Хождении Богородицы по мукам» в перечне лиц, которые были обращены в богов, фигурирует Велес. В «Слове о полку Игореве» Баян назван «Велесовым внуком». Таким образом, бог Волос, или Велес, у восточных славян был «скотным богом», т. е. богом богатства, благосостояния, материальных благ человека. Но вместе с тем с именем этого бога связывались, повидимому, и функции греческого бога солнца и света, Аполлона, покровителя искусств и поэзии и одновременно бога стад и пастухов. Все это дает основание и в славянском Волосе—Велесе видеть солярное божество.² В древне-чешских памятниках Велес выступает как б е с или ч о р т. С принятием христианства функции бога Велеса и его почитание были перенесены на св. Власия (Власия), *ἅγιος φρουρός*, т. е. «хранитель стад» у византийских греков, каким он был известен также у русских славян, у болгар и у греков.³ Древнее название одной из новгородских улиц В о л о с о в а я, на которой, по преданию, стоял кумир Волосов, а впоследствии была построена церковь Власия, покровителя скота, монастырь В о л о т о в и церковь богородицы на В о л о т о в е там же свидетельствуют о том, что культ Велеса был известен не только в Киеве, но также и на севере Руси, в Новгороде; он же был известен и в Ростове и во Владимире.

¹ См. Ст. Л. К о с т о в, Культът на Германа у българите. «Известия на Българското археологическо Дружество», т. III, св. 1, 1912, стр. 108—124.

¹ См. Ф а м и н ц ы н, назв. соч., стр. 266—270.

² См. С р е з н е в с к и й, ЖМНПР, ч. 41, стр. 52—54

³ См. Н. М а с ч а л, назв. соч., стр. 34.

Кроме богов, древним славянам были известны также и богини: Лада, Весна, Морана, Дева, или Девана, Сива (Жива), Припегала, Подага, Мокошь и др.

Некоторые были склонны сопоставлять Ладу с Венерой, как богиню тепла и ласки. Потебня доказывал, что имя Лада возникло позднее из песенного рефрена. Весна и Морана — персонализации времен года. Дева и Девана тождественны с весною. Сиву называет Гельмольд рядом с богами Провом и Радигастом. Припегала, о которой имеется упоминание в письме архиепископа Адельгота из Магдебурга от 1108 г., остается тоже под сомнением. В Подаге, исходя из этимологического толкования слова, некоторые видят существо, обитающее в рощах. Богиня Мокошь довольно популярна в источниках, начиная с известного летописного сообщения об идолах, поставленных Владимиром в Киеве, и кончая позднейшими повериями северных великоруссов. В ней видят богиню-патрона прядения и стрижки овец.¹

Кроме названных выше богов и богинь, древние славяне чтили, как особые божества, солнце, луну, звезды, огонь, воду, горы и деревья. Арабский писатель X в. Аль-Масуди говорит о славянах, что «некоторые из них суть христиане, между ними находятся также язычники, точно так же с о л н ц е п о к л о н н и к и».² Два века спустя, другой арабский писатель, Ибрагим-бен-Весиф-Шах (ок. 1200), говорит о славянах, что некоторые из них, будучи христианами, поклонялись солнцу и другим небесным светилам. Константин Багрянородный (X в.) рассказывает, что «Россы (на пути в Царьград в 949 г.) у весьма великого дуба приносили в жертву живых птиц». В церковном уставе, приписываемом Владимиру Клевскому, прозванному святым, запрещалось молиться под «овином (т. е. огню), или в рощеньи, или у воды». В «Слове Христоролюбца» (по списку XIV в.) говорится: «И огневе молятся, зовуще его Сварожичем... молятся огневе под овином». В «Слове о том, как первое погани суще языци кланялися идолом», приписываемом Иоанну Златоусту, говорится: «иними (куры) в водах потопляеми суть, а друзи к кладезям приходяще молятся и в воду мечють велеару (?) жертву приносяще; а друзи огневи и камению, и рекам, и источникам, и берегыням, и в дрова, не токможе преже в поганьстве, но мнози и ныне то творять... и через огонь скачють, мянцесь крестьяны,

а поганьская дела творять» (Тихопратов). «И еже жроуть (т. е. приносят жертву) бесом и болотом и колодязем», писал в послании своем митрополит Иоанн Русский в XII в. В слове Кирилла Туровского (XII в.) «о злых духех» (по списку XV в.) читаем: «не нарицайте себе бога на земли, ни в реках, ни в студенцах, ни в птицах, ни на воздухе, ни в солнце, ни в луне, ни в камени». В апокрифе — «Хождение богородицы по мукам» (XII или XIII в.) говорится: «они все боги прозваща: солнце и месяц, землю и воду, звери и гады» и т. д.¹

Солнце представлялось древнему славянину, как горящий небесный огонь, как круг, колесо, как око неба. Эти древнейшие представления славян о солнце, луне и звездах отложились в огромном количестве поверий в позднейших воззрениях славян, в славянском фольклоре². Различные явления природы, облака, дождь, буря, гром и молния, оказывавшие непосредственное и притом нередко решающее влияние на жизнь и хозяйство первобытного человека и своею грандиозностью поражавшие его сознание, не могли быть истолкованы им иначе, как действия каких-то мощных сверхъестественных сил или же как сами эти сверхъестественные силы, выявляющиеся в соответственных действиях, враждебных или доброжелательных человеку. Эти сверхъестественные силы его сознание представляло себе или в виде каких-либо великанов (антропоморфизм), или в виде огромных животных и зверей (зооморфизм). Так, например, тучи представлялись в образе небесных коров, волков, овец или барашков, у чехов — в образе «баб». По другим представлениям тучи — это огромные простыни великанов, спитые и наполненные водою; великаны тянут простыню на веревке, куда желает бог; иногда им не удается удержать в руках простыню или же порвется веревка, и тогда пойдет проливной дождь, и т. п. Буриносная туча — это великан Баба-яга косяная нога, либо Кощей. Ветер представлялся славянину в образе коня или белого коня, которого весь мир не может удержать на узде. Образ коня-ветра или коня-вихря, как популярный поэтический образ, общеизвестен.

В «Слове о полку Игореве» ветры названы внуками Стрибога: «Се ветри, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами на храбрыя полкы Игоревы». В народных сказках часто фигурируют ветер-отец и ветер-мать; мать ветра носит имя Бура-кобыла и отождествляется с Бабой-ягой; ветер, таким образом, является сыном буриносной тучи. В фольклоре восточных славян ветер представляется в образе старого человека со скowanыми губами, он дышит только через зубы, отчего поднимается

¹ Н. М а с а л, назв. соч., 35 и сл.

² А. Я. Г а р к а в и, Сказания мусульманских писателей и пр., СПб., 1870, стр. 125.

¹ См. Ф а м и н ц ы н, назв. соч., стр. 30 и сл.

² Материал см Н. М а с а л, назв. соч., стр. 39—61.

буря; если бы ему расковали губы и он мог бы дышать полным ртом, то он мог бы все на свете раздуть, сравнял бы горы с долинами и наступил бы конец света. Обширный в этом роде материал из славянского фольклора приведен у Махала.¹

Древние славяне верили, что при рождении ребенка особые существа определяют ему судьбу. У русских эти существа назывались Рожаницы, у болгар Наръчници или Орисици, Урисици; у сербов Sudnice, Sugjenice, у хорватов и словенцев Sudjenice, Sujenice, и т. п. Рожаницам молились и клали им пищу—хлеб, сыр, мёд. Излюбленным кушаньем рожаниц была кутья. Эти существа представлялись в виде красавиц-девушек или приветливых, ласковых старушек; у хорватов и словенцев они красивы, как вилы, с круглыми лицами и одеты в белое платье, головы их повязаны белым платочком, а шеи украшены драгоценными золотыми, серебряными и бриллиантовыми украшениями; в руках они держат зажженные свечи.²

В виде особых живых существ (персонализация) древний славянин представлял себе счастье и несчастье или долю и недолю, а равно и судьбу (у сербов—осуд), посылающую человеку счастье или несчастье; так же он представлял себе горе, беду и нужду; злыдни, болезни, смерть.

Древние славяне чтили предков в образе домашних божков. Это — Дед, Дід, Дзяд, Дедушка или Дедушка-домовой, хозяин, хозяйнушко и др. Это старичок невысокого роста, одетый в красную рубашку и подпоясанный темносиним поясом, с белою бородою и желтоседыми волосами на голове; живет он обыкновенно в печке, за печкой или под печкой. Этот основной образ Домового имеет в разных местах свои варианты. Домовой может превращаться в различных животных—в собаку, кошку, в медведя с человеческой головой. С культом Домового у славян связано множество обрядов и поверий.³

Характеризуя религиозные воззрения славян, Прокопий, как видели мы выше, говорит, между прочим, о славянах: «Они поклоняются также рекам и нимфам и некоторым другим божествам...»

¹ См. Н. Махал, назв. соч., стр. 70—73.

² См. там же, стр. 76—80; приведен обширный фольклористический материал.

³ См. там же, стр. 89—98; там же и о других домашних божках, стр. 98—107.

К этой группе божеств у южных, восточных, отчасти и у северо-западных славян принадлежат, прежде всего, вилы, у современных болгар с а м о в и л ы, с а м о д и в ы, ю д ы и с а м о ю д ы. Происхождение их связывается с горами, лесами, с росой и т. п., что дает основание говорить о теогонической связи этих существ с облаком. По старонародным представлениям, это или души покойников, или же девушки, умершие без крещения, или же гордые девушки, наказанные богом, который превратил их ноги в копыта, и оттого они прикрывают их длинным белым платьем, и т. п. Они представляются в образе красивых молодых женщин с бледными лицами, с длинными, распущенными русо-золотистыми волосами, спускающимися сзади до земли, одетыми в белое или голубое платье. Сила и жизнь вилы заключается в ее волосах. Их фигуры тонки, как ель, тело их прозрачно и легко, как у птицы, а потому они слывут как легкокрылые. Глаза их горят блеском; голос их настолько очарователен, что кто раз его услышит, не может затем никогда его забыть. Кто раз увидит вилу, он тоскует затем по ней всю жизнь и умирает от тоски.

Все эти характерные черты дают исследователю основание видеть в вилах олицетворение быстро несущихся по небу облаков, озаренных ярким солнечным светом.¹ В связи с этим стоит приписываемая вилам способность перевоплощаться в белую лебедь, в сокола, в коня. По месту обитания среди вил различаются: вилы облаковые, вилы наземные и вилы водяные. У болгар различаются с а м о в и л ы лесные и с а м о в и л ы морские; у других славян, кроме того, еще вилы гор. Вилы проводят время в пении и в танцах; танцуют они и в облаках и на земле, заманивая в свои танцы молодых людей, пастушков, певцов, музыкантов и награждая их за это счастьем или несчастьем, и т. д.

В южно-славянском фольклоре вилы составляют исключительно богатый и разнообразный сюжетным содержанием отдел, как разнообразны по своим функциям и сами вилы.²

К этой же группе существ относятся русалки у восточных славян, представляющиеся в образе красивых, чарующих девушек с серыми, голубыми или черными глазами и густыми бровями, с русыми, черными или зелеными распущенными и спадающими сзади до колен волосами. Как и у вил, сила русалки кроется в ее мокрых волосах; если волосы высохнут, русалка гибнет. Она имеет стройный и гибкий стан, прикрытый зелеными листьями или белою рубахой без пояса. Русалки живут в водах, в лесах, на полях и нивах. По старонародным представлениям, русалки—это души детей, умерших без крещения

¹ См. Н. Махал, назв. соч., стр. 108 и сл.

² Там же, стр. 111—115.

либо утопленных и задушенных, а также женщин и девушек, погибших самоубийством.¹

К группе русалок принадлежат мавки (майки, нейки, навяки, навье). Мавки—это некрещенные дети, утопленные матерями. Они представляются в образе толстощеких детей с распущенными волосами, либо в образе молодых красивых полунагих или одетых в белую рубашку девушек с светлыми кудрявыми волосами. Они живут в лесах и в степи, принимают вид знакомых личностей и мелькают перед глазами путника, чем приводят его в конце концов в бесчувственное состояние.²

По толкованию А. Н. Веселовского, вилы и русалки по своему происхождению представляют собою олицетворение предков. По мнению Г. Махала, вилы и русалки первоначально—это «водяные деви», персонификация небесных облаков; впоследствии этот образ осложнился скрещением в нем явлений облачных с хтоническими (подземными), в результате чего возникли вилы и русалки водяные и наземные; как связанные с растительными силами природы, они могут быть названы растительными демонами; наконец, в образе этих существ отложились и представления о загробной жизни, о душах покойников, и таким образом в вилах и русалках оказались слитыми воедино культ природы с культом предков. В русалках получил преобладание культ предков, в вилах—культ природы. Впоследствии культвил у южных славян расширился в том отношении, что вилы слились с другими лесными, водяными и полевыми существами и приняли на себя их функции. В конце концов, как и другие мифические существа, они перешли вообще в демонов (вещуны, чародейницы)³.

К группе божков типавил и русалок принадлежат, помимо множества других существ, наиболее популярные у восточных славян Леший (Лешак, Лесовик, Лесник, Лисун, Полисун), у украинцев—Перелесник (Пидлесник) и Водяной (Водяник, Водовик, Дедушка Водяной); у словенцев Povodnji, Diviji mož или Muk; у чехов, моравян и силезцев—Vodnik, Vodni muž, Mužiček, а также у чехов—Hastrman, на Мораве Bestrman, в Силезии Hastrman (Vaserman, Vastrman); у сербов-лужичан—Wodny muž или Nyks, Nykus; у поляков—Topielec, Toplec.

Леший представляется в образе сильного, крепкого и здорового «мужика», одетого в бараний тулуп (кожух), с глазами без бровей и ресниц, с зелеными волосами и такими же усами, с волосатым телом и длинными ногтями. Он живет в

корнях и в стволах деревьев, а также на полях, и, в зависимости от этого, в лесах—имеет рост, равный высоким дубам и соснам, а на полях—может быть малого роста, как трава. Некоторые сопоставляют Лешего с древне-греческим Паном и видят в нем персонификацию лесной природы, в особенности—олицетворение явлений жизни леса в его движениях, вызываемых ветром, ввиду чего Леший имеет характерные особенности, общие с существами ветра.¹

Что касается Водяного, то у русских он представляется в образе лысого старика с одутым животом и опухлым лицом, с высокою сеяною шапкой на голове, с поясом из водяной травы на теле и иногда с гусяными ногами. Он может иногда принимать человеческий образ, но его можно узнать по тому, что с левой полы у него каплет вода. Подобно тому как Леший может принимать образ различных лесных зверей, из которых он особенно любит медведя, так и Водяной обладает способностью перевоплощения, особенно в рыб. Живет Водяной в глубинах рек, ручьев и озер, особенно вблизи мельниц. Как Леший представляется неограниченным повелителем леса и его обитателей, зверей и птиц и называется поэтому Лесным царем, так и Водяной представлялся в образе верховного повелителя вод и его обитателей—рыб и водяных животных. У словенцев Водяной представляется то в образе красивого парня или охотника, то в образе мужчины с длинными усами, то в образе большого деда, одетого в зеленое платье и пестрые кальсоны, с красною шапкою на голове и в стеклянных или серебряных башмаках. По поясу—он зеленого цвета; волосы и усы у него зеленые, а от пояса—он рыба и т. д.

У чехов Водяной представляется в образе маленького мужчины с зелеными волосами и такими же глазами, с ястребиным носом; из правого глаза у него каплет кровь, а с волос постоянно течет струею вода. Он красиво одет: на нем желтые штаны, зеленый или красный кафтан с длинными полами и золотыми пуговицами; на голове—зеленая шляпа, украшенная красным букетом цветов. Его можно узнать по тому, что с левой (или правой) полы его кафтана каплет вода. В руке он держит зеленый прутик; этим прутиком он ударяет по воде, и она перед ним расступается. Он мягок, как воск, поэтому его нельзя схватить и т. д.

Аналогичный образ Водяной имеет и у сербов-лужичан. Нижне-лужичане представляют себе Водяного, как существо, способное к различным перевоплощениям, особенно в ребенка, одетого в белую рубашечку, а жена Водяного обращалась в лягушку и т. д.

¹ См. Н. Machal, назв. соч., стр. 115—119.

² Там же, стр. 119—121.

³ Там же, стр. 123.

¹ См. Н. Machal, назв. соч., стр. 124—126; 143—149.

Не входя в подробности, отметим в заключение, что круг пережитков старых, дохристианских верований у современных славянских народов, воспроизводящих довольно широкую картину религиозных представлений у славян в древности, далеко не исчерпывается теми фактами, которые мы отметили выше. Кроме них можно еще отметить следующее. У чехов, моравян и словаков, а также из южных славян—у словенцев и из восточных—у галичан-украинцев в числе лесных существ имеются так называемые «дикие люди» — «дикие женщины» и «дикие мужчины», сплошь покрытые волосами; у украинцев—лисовы люди; у поляков—Dziwożony, то же Boginje, Bogienki (Bogunki); у моравян—это колдуньи и вещицы. Затем сюда относятся «лесные женщины» или «лесные девушки», известные у словаков под именем босорки, и т. д.; «дух скал», «дух гор», последний у словенцев носит название Димек, Лабер, Белич, Лабус; у сербов—Горянин. «Дух полудня»—полудневик, у сербов-лужичан Pręzpolnica, или Prępolnica, Dopolnici, Wętpolnici; Serpolnica, Serpużuja и т. п.; последние названия связаны с серпом; у чехов, моравян и в Силезии—Polednici; у поляков—Poludnica, Poludniówka, Pręzpoludnica. Полудницы представляются в образе воздушной белой девушки; верование связано, повидимому, с ветром и вихрем и олицетворяет собою несущийся в поле в летнее время столб пыли.

У русских славян отмечено существо, охраняющее зрелое колосистое поле—Полевик или Полевой; у чехов то же в образе женщины Žithola; у белоруссов—божество колосистого хлеба—Белун; у галичан—Житный дед—с тремя боролатыми головами и тремя огненными языками; у украинцев—Железна баба, или Житна баба, или Житна матка.

В числе богов или божков, т. е. сверхъестественных существ, древние славяне чтили не только леса, поля и нивы, но также реки, моря, озера, источники, о чем говорят многочисленные исторические показания, начиная с Прокопия.¹

Царь-батьюшка река—у украинцев, река Дунай или Дунай Иванович—у русских, река Днепр, а также Дон, Днепр, Волга, Сухман-река, Волхов. Днепр, Волга и Западная Двина были некогда людьми: Днепр—брат, а Волга и Двина—сестры. Морем владеет морской царь или чудо-юдо, он любит музыку и пение; у словаков это Водяной король и его жена—водя-

ная королева; у украинцев, кроме того—морские люди, или мемовины (мелюзины), то же фалароны, т. е. войско фараона, погибшее в море при преследовании евреев; в море живут сыроиды (греч. сирены)—«в Туретчине за Дунаем»; у лужицких сербов—это Морские деи; то же у чехов—Vodni pannu a ženu; у словаков—Vodopranenku или Bilé pani, т. е. «белые женщины»; у нижних лужичан это—«водяные юнфры»; у поляков то же—Wodni pannu или Bogunki, а муж их Boginiarz; у словенцев—Povodnje device (Водяные девушки), и т. д.¹

Кроме названных выше богов и божков, древние славяне чтили огонь, в том числе и огонь домашнего очага, а также небесный огонь падающих метеоритов. Последние представлялись в образе летящих драконов: у чехов—Zmek, Zmok; у поляков Smok; у белоруссов Цмок-домовик. Иногда он представляется в виде птицы, например, сокола у русских славян; у чехов и словаков—мокрой курицы. У западных славян Смोक—существо доброжелательное к дому: он заботится о материальном благосостоянии дома. У болгар Смोक высасывает у людей кровь, уносит беспризорных детей к себе и заботливо их воспитывает, а затем они превращаются в Смок-ов. Аналогичное существо известно у сербов-лужичан под именем Plón; у чехов к этой же группе существ относятся—Plevnik или Plivnik и Prašivec; в некоторых местах последним термином называют метеоры, что явно указывает на происхождение данного бога у чехов. Prašivec—это вестник огня, пожара. Иногда он представляется в виде петуха, крылья которого покрыты фосфором, а также в виде огненного шара или огненной птицы с длинным горящим хвостом.

К этой же группе славянских огневых божков относятся так называемые блуждающие огни или огоньки, а также «болотные огни»; у русских—это души покойников или чаще—заколдованные клады, которые по истечении срока заклęcia блуждают по земле и выявляют себя людям в различных видах—золотой веточки, золотого петуха, золотой курицы с цыплятами, барашка, козы, теленка, быка, коровы, белого коня, волка, поросенка, желтой собаки, кошки и т. п. Кроме того, эти же клады олицетворяются в образе нищего старика, в виде старичка с ноготок и с бородою с локоток; у белоруссов—это Дзедка или Дзедзя. У чехов блуждающие огни (Bludičky или Světýlka)—души умерших, особенно души умерших без крещения детей или души самоубийц (на виселице или утопленников) и т. п.; это злые, враждебные человеку существа, но их можно склонить

¹ См. Н. Машал, навл. соч., стр. 141.

¹ См. Н. Машал, навл. соч., стр. 141 и сл.; стр. 149.

в свою пользу. У чехов же—это горящие клады. К этой же группе «блуждающих огней» и «болотных огней» у чехов относятся «Огненный человек» (Ohnivý или Žhavý muž), который показывается людям на болотах в виде огненной бочки, горящего снопа, огненного круга, колеса, столба, собаки и т. п.; он доброжелательно настроен к людям, помогает им своим советом во всех трудных случаях, но за службу требует благодарности. Подобные же существа известны у лужицких сербов—Błudnik, Błud, Błudničky, Błudne sviečky; у поляков—Błedniky, Swietliky или Swieczniki, Latańce, Błedne śuratla; у южных сербов—мацарули; у словенцев—это Vedomci или Vedunci.

Отметим, наконец, распространенное в славянском фольклоре, особенно у болгар, представление о мертвецах, выходящих из могил и сосущих у людей кровь. У болгар это—вампирь, вапирь, вепирь или вупирь; у сербов—вампиры, лампиры, лапирь, апирь, апиринь; у поляков—Vampir, Upiór, Upięzusa; у украинцев—вампир, вефир, вофир, офир, вфир, опир, упер, упирь; у белоруссов—упир; у русских—вампир, упирь, упырь, обырь; у черногорцев и герцоговинцев—тенац, тейнац, лорко, орцо; в Далмации—козлак.

Вампиры могут принимать образ коня, волка, собаки, кошки, совы, петуха, ворона, клубка, снежного шара, копны сена и т. п. По представлениям русских славян, вампиры летают в облаках, ездят на лошадях по окрестностям, шумят и лают, пугают путников, бросаются им под ноги, перебегают дорогу; они могут проникать сквозь щель, так что и запертые двери не уберігают от них; обладают огромными зубами и т. д. Вампиры выходят из могил по ночам, особенно в полночь; обратно в могилу их загоняет пение петуха. Вампиры высасывают кровь у спящих людей, особенно у детей, а затем и у взрослых; поэтому у болгар они известны как крѣвници, у словенцев—rijavice. Они высасывают кровь также и у животных. Для того чтобы парализовать злую деятельность вампиров, покойников, заподозренных в вампирстве, откашывают из могил и пробивают у них сердце колом боярышника, осиновым, кленовым или липовым; кроме того, практикуется и целый ряд других мероприятий.¹

У сербов и хорватов вампиры отождествляются с волкодлаками. По широко распространенному у всех славянских народов верованию, волкодлак и—это люди, спо-

собные обращаться в волка и в таком виде причинять зло людям. Особенно популярны эти существа в болгарском фольклоре, где они носят названия: врьколак, влъколак, фъркуляк; у словенцев—волкодлак, вукодлак; у сербов и хорватов—вукодлак; у чехов в Силезии—Vlkodlak; у словаков—Vlkolak, Vrkolak; у поляков—Wilkolak, Wilkolek; у украинцев—волколак, вовкулак, волкун; у белоруссов: волколак, вавкулак; у русских—волкулак.

Верование это нашло свое отражение в «Слове о полку Игореве», где оно приурочено к князю Всеславу, который—«людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь волком рыскаше; из Кыева дорыскаше до кур Тмуторокана; великому Хорсови волком путь прерыскаше». Несколькими строками выше о нем же говорится, что он—«Отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи волком до Немиги с Дудуток». Аналогичное предание связывается в болгарских народных преданиях с младшим сыном известного царя Симеона (начало X в.) Бояне, который слыл колдуном и мог превращаться в волка. В старосербском законнике 1262 г. говорится, что волкодлаки производят затмения солнца и луны. По болгарским народным поверьям, фъркуляки рождаются от связи женщины с вампирами; потомки фъркуляков носят название Джададжии, т. е. чародеи. По поверьям словенцев, волкодлак—это человек, который может по собственной воле превращаться в волка и затем опять становиться человеком и т. д. По поверьям других славянских народов (поляков, украинцев), волкодлаки—это люди, превращающиеся в волка только в определенное время года. Волкодлаками становятся люди, рождающиеся ногами вперед или рождающиеся от матери-женщины и отца-волка; они подобны человеку, но все тело их покрыто волчьей шерстью и они имеют волчьи зубы; или же они наполовину волки, наполовину—люди (словенцы). По поверьям словаков, волкодлаком становится покойник, которого вынесли на кладбище головою вперед, а не ногами. У украинцев отмечено поверие, что на св. Власия (11 февраля) вовкулаки превращаются в собак или черных кошек и сосут молоко коров, кобыл и овец, что они душат лошадей, а на рогатый скот насылают мор. По этим же поверьям, волкодлаком может стать человек по заклятию ведьмы. От обыкновенных волков волкодлаки отличаются тем, что имеют три лапы волчьи, а четвертую ногу человеческую. Волкодлаки могут превращаться не только в волка, но также в коня, корову, собаку, черную кошку, гуся, курицу и т. п.¹

¹ См. Н. М а с h a l, назв. соч., стр. 150—163; 182—187.

¹ См. Н. М а с h a l, назв. соч., стр. 180—182.

в свою пользу. У чехов же—это горящие клады. К этой же группе «блуждающих огней» и «болотных огней» у чехов относятся «Огненный человек» (Ohnivý или Žhavý muž), который показывается людям на болотах в виде огненной бочки, горящего снопа, огненного круга, колеса, столба, собаки и т. п.; он доброжелательно настроен к людям, помогает им своим советом во всех трудных случаях, но за службу требует благодарности. Подобные же существа известны у лужицких сербов—Bludnik, Blud, Bludnička, Bludne svečky; у поляков—Władnik, Swietliki или Swieczniki, Latańce, Władne śuratła; у южных сербов—мацарули; у словенцев—это Vedomci или Vedunci.

Отметим, наконец, распространенное в славянском фольклоре, особенно у болгар, представление о мертвецах, выходящих из могил и сосущих у людей кровь. У болгар это—вампирь, вапирь, вепирь или упирь; у сербов—вампирь, лампирь, лапирь, апирь, апиринь; у поляков—Vampir, Upiór, Upięzusa; у украинцев—вампир, вепир, вопыр, опыр, опир, упер, упирь; у белоруссов—упир; у русских—вампир, упирь, упырь, обырь; у черногорцев и герцоговинец—тенац, тейнац, лорко, орцо; в Далмации—козлак.

Вампиры могут принимать образ коня, волка, собаки, кошки, совы, петуха, ворона, клубка, снежного шара, копны сена и т. п. По представлениям русских славян, вампиры летают в облаках, ездят на лошадях по окрестностям, шумят и лают, пугают путников, бросаются им под ноги, перебегают дорогу; они могут проникать сквозь щель, так что и запертые двери не оберегают от них; обладают огромными зубами и т. д. Вампиры выходят из могил по ночам, особенно в полночь; обратно в могилу их загоняет пение петуха. Вампиры высасывают кровь у спящих людей, особенно у детей, а затем и у взрослых; поэтому у болгар они известны как крѣвници, у словенцев—rijavice. Они высасывают кровь также и у животных. Для того чтобы парализовать злую деятельность вампиров, покойников, заподозренных в вампирстве, откапывают из могил и пробивают у них сердце колом боярышника, осиновым, кленовым или липовым; кроме того, практикуется и целый ряд других мероприятий.¹

У сербов и хорватов вампиры отождествляются с волкодлаками. По широко распространенному у всех славянских народов верованию, волкодлак и—это люди, спо-

собные обращаться в волка и в таком виде причинять зло людям. Особенно популярны эти существа в болгарском фольклоре, где они носят названия: врьколак, влъколак, фъркуляк; у словенцев—волкодлак, вукодлак; у сербов и хорватов—вукодлак; у чехов в Силезии—Vlkodlak; у словаков—Vlkolak, Vrkolak; у поляков—Wilkolak, Wilkolek; у украинцев—волколак, вовкулак, волкун; у белоруссов: волколак, вавкулак; у русских—волкулак.

Верование это нашло свое отражение в «Слове о полку Игореве», где оно приурочено к князю Всеславу, который—«людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь волком рыскаше; из Киева дорыскаше до кур Тмутороканя; великому Хорсови волком путь прерыскаше». Несколькими строками выше о нем же говорится, что он—«Отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи волком до Немиги с Дудуток». Аналогичное предание связывается в болгарских народных преданиях с младшим сыном известного царя Симеона (начало X в.) Бояне, который слыл колдуном и мог превращаться в волка. В старосербском законице 1262 г. говорится, что волкодлаки производят затмения солнца и луны. По болгарским народным поверьям, фъркуляки рождаются от связи женщины с вампирами; потомки фъркуляков носят название Джададжи, т. е. чародеи. По поверьям словенцев, волкодлак—это человек, который может по собственной воле превращаться в волка и затем опять становиться человеком и т. д. По поверьям других славянских народов (поляков, украинцев), волкодлаки—это люди, превращающиеся в волка только в определенное время года. Волкодлаками становятся люди, рождающиеся ногами вперед или рождающиеся от матери-женщины и отца-волка; они подобны человеку, но все тело их покрыто волчьей шерстью и они имеют волчьи зубы; или же они наполовину волки, наполовину—люди (словенцы). По поверьям словаков, волкодлаком становится покойник, которого вынесли на кладбище головою вперед, а не ногами. У украинцев отмечено поверие, что на св. Власия (11 февраля) вовкулаки превращаются в собак или черных кошек и сосут молоко коров, кобыл и овец, что они душат лошадей, а на рогатый скот насылают мор. По этим же поверьям, волкодлаком может стать человек по заклятию ведьмы. От обыкновенных волков волкодлаки отличаются тем, что имеют три лапы волчьи, а четвертую ногу человечесью. Волкодлаки могут превращаться не только в волка, но также в коня, корову, собаку, черную кошку, гуся, курицу и т. п.¹

¹ См. Н. Машал, назв. соч., стр. 150—163; 182—187.

¹ См. Н. Машал, назв. соч., стр. 180—182.

Всем славянам известно существо, которое мучит спящих людей. У чехов оно называется мура (ст.-чешское и моравское м о р а), м у р а к; у словаков — к и к о м о р а; у сербов-лужичан — мурава, морава, мь рава, бурлава; у поляков — м о р а, м а р а, в м о р а, м о р у с; у южных славян — м о р а и т. д. Это живое существо, мужчина либо женщина, от которого по ночам уходит душа, принимает различные виды и мучает спящих людей. У русских м о р а, м а р а, м а р у х а, к и к о м о р а, ш и ш и м о р а отождествляется со смертью. Держа голову подмышкой, она блуждает ночью под окнами домов и называет имена хозяев либо домашних; кто отзовется, тот должен умереть. По представлениям болгар, м о р а — это душа умершего без крещения ребенка; она душит людей во сне. По поверьям чехов и поляков, мура отличается от людей тем, что имеет густые черные брови, сросшиеся над носом; кроме того, по представлению чехов, мура имеет остроконечную голову и плоскую ступню. По народным поверьям мураю (морою) человек бывает от рождения. Ребенок, родившийся со сросшимися бровями или с зубами, — это будущий м о р а и т. п. Покидая на время, в полночь, с 12 до 3 часов, тело человека-мура и возвращаясь затем обратно к нему же, мура, по польским поверьям, принимает различные виды: стебель соломы, белая длинная тень, белая кошка; у сербов-лужичан, кроме того, кожаный мех, кость, белая мышь, змея, кот; у поляков — муха, мышь, собачонка и др.; у сербов — белая шерсть, мотылек, муха или какой-нибудь зверек. По представлениям сербов-лужичан, мура может принимать вид также белого мужчины либо черной женщины, которые имеют жесткий язык, грубое, как полотно, тело и ездят на козле. В поверьях поляков мура представляется в виде молодой девушки; у сербов — в виде белой лошади. Мура проникает сквозь щели, поэтому укрыться от нее невозможно. Она душит спящих людей и высасывает у них кровь. По поверьям поляков, имеется семь мар: одна ездит на коне, другая на быке или на корове, третья — на изгороди, четвертая — на терновнике, пятая — на метле, шестая — на свинье, седьмая — на человеке. По поверьям лужичан, мура обладает большою силою и повредить ей чем-либо нельзя. Однако, по народным представлениям, имеется целый ряд средств, которыми можно от нее избавиться.

Ввиду того, что мура появляется по ночам, она известна также под именами Nočnice — у словаков, Nosnica — у поляков, н о ч н и ц а — у сербов, н и ч к и (нычки) — у русских, где мора, мара, маруха представляются в виде маленьких существ женского пола, которые сидят за печкой и ночью прядут пряжу, а у женщин иногда портят кудель; в спящих людей любят бросать кирпичи. В русских поверьях они отождествляются

с кикоморами, маленькими существами женского пола с головою в наперсток и с телом, как солома. Кикоморы живут за печкой. Они происходят от детей, умерших некрещеными или проклятых родителями. По русским поверьям, мары, таким образом, принадлежат к числу домашних божков.¹

Древне-славянские верования в злых духов отложились у славян в позднейших представлениях о чертях. Теогония чертей широко представлена в огромном фольклорном материале у всех славян. Помимо общераспространенного названия у всех славян ч о р т (польск. czart, верхне-лужицк. czert, нижне-лужицк. cart, укр. ч о р т, ч е р т, белор. ч о р т, русск. ч о р т), он называется также у словенцев — vrag (то же русск., болг., сербск., польск.), zlodí, hugić; у украинцев — к а д у к, д и д ь к о, б о л о т ь я н ы к, м о р о к, м а р а, д ы в о, л ы х о, б и д а, н э д о л я, о б л у д. Черти в народных поверьях часто заступают собою лешего, водяного домового и вообще домовых божков. В последнем случае у западных славян он носит названия: špírítus, špírek, garášek, dáblik, pikulík и др. Общераспространенными у всех славян названиями для ч о р т а служат также — д ь я в о л и б е с.

Одним из пережитков языческой старины у всех славян служат поверья в ведьм и колдунов. Это существа, наделенные сверхъестественною силою или большими знаниями (ведением, чем обыкновенный человек. Эти представления так же широко отложились в славянском фольклоре, как и представления о чертях. Чаще всего эти существа носят названия, производные от слова «ведать» или «ведение», т. е. знать, знание. У словенцев — это věšča, věšna; у болгар — в е ш т и ц а, в е ш т и р и ц а; у сербов и хорватов — vještica; у словаков — vedomkyně; у поляков — wieszczka, wiedma; у кашубов — wiešćica; у украинцев — відьма; у белоруссов — ведзма; у русских — в е д ь м а, в е щ и ц а, в е щ у н ь я; соответственные существа мужского пола: у словенцев — veščec; у болгар и сербов в е ш т а ц, в ј е ш т а ц; у словаков vedomec; у русских — в е д ь м а к, в е д ь у н, в е щ у н. Они же называются именами з н а х а р к а, з н а х а р ь (словенцы, русские, украинцы); у чехов и у русских они известны также под именем ч а р о д е е в и ч а р о д е е к; у русских также к у д е с н и к, о к у д н и к, к о л д у н; у словаков — в о л х в и ц а; у русских — в о л х в; у хорватов — vuchvec, vuchovec, vuchvica и др.

Характерную особенность этих существ составляет способность превращаться в собаку, в кошку, в птицу, в клу-

¹ См. Н. Machal, назв. соч., стр. 175—180.

бок ниток, в жабу. Они могут летать по воздуху с быстротою крылатого ветра, а для того, чтобы быть легкими, они смазывают себя магической жидкостью. Они ездят верхом на людях, на конях, на коровах, на волках, кошках, черных петухах и на других животных; часто довольствуются только метлою, кочергою, лопатою, граблями и т. п. Они пользуются также коврами-самолетами и семимильными сапогами. С ведьмами связывается представление о силе обладания явлениями природы: они посылают на землю град, грозу и ветер; скрывают росу, дождь и небесные светила и оказывают влияние на урожай. По поверьям украинцев, ведьмы не только похищают с неба росу и дождь и прячут их в своих сундуках, но также снимают с неба солнце, луну и звезды. Ведьмам и колдунам известна магическая сила трав. Блуждая по полям и лесам, они собирают лечебные травы, выкапывают корни и пользуются ими при лечении болезней, при отыскании кладов, при колдовании. Ведьмы и колдуны умеют залечивать раны, лечить болезни, останавливать кровотечения, помогать при укусе змеи и бешеной собаки. Но вместе с тем ведьмы могут причинять вред домашнему скоту, в особенности коровам. Чародеи и чародейницы могут узнавать воров, находить потерянные вещи, предсказывать будущее, заклинать домового, кикомору и других злых духов. Отсюда название колдуна у русских шептун, ведьмы — шептуха или шептунья. По народным поверьям, имеется целый ряд средств, которыми можно бороться с злыми действиями этих существ: бузинные веточки, сложенные накрест, — в Моравии; нож, воткнутый под верхнюю доску стола, или кочерга, приставленная к дверям загнутым концом вверх, и т. п. (у русских) и т. д. Для того чтобы ведьмы не могли причинять вреда домашнему скоту, в стойлах укрепляют терновые или осиновые ветки. По поверьям украинцев против ведьм предохраняет мак, чертополох, чернобиль, чеснок, веточки вербы и т. п.

Приведенные выше характерные для ведьм особенности дают основания видеть в этих существах олицетворение облачных явлений: ведьмы, как видели мы выше, могут принимать разнообразный вид, летать по воздуху, похищать солнце, луну и звезды, посылать на землю дождь, град, грозу и ветер. В образе ведьмы-доярки коров видят тот же образ тучи (черная корова), дающей дождь (молоко).¹

Приведенный выше материал, характеризующий религиозные представления древних славян, частью документально засвидетельствованные историческими источниками, частью перенесенные в народные верования или в суевер-

ниях и предрассудках, вымерших или постепенно вымирающих в народном сознании вместе с успехами народной культуры, распространением просвещения и подъемом массовой народной культурности, прекрасно характеризует общий уровень социального мышления славянского земледельческого и скотоводческого общества на более ранних ступенях его развития, начиная, приблизительно, с VI в. и вплоть до принятия христианства. В основе этих представлений лежит анимизм, т. е. представление о явлениях природы как о существах, наделенных, подобно человеку, разумом и волей к действию, но обладающих сверхъестественною, магической материальной силой, подчиняющей своей власти как личную жизнь человека, так и жизнь его хозяйства, т. е. его скота и его полей.

По понятиям древнего славянина, все космические, метеорологические и вегетативные явления природы — это проявления сознательной воли и действия живых сверхъестественных существ. По этим представлениям, природа не мертва, но живет и мыслит, как живет и мыслит и человек, но она сильнее человека и, вмешиваясь в его жизнь и в его хозяйство, подчиняет человека своей власти.

Явления природы, как выявления воли и действия сверхъестественных существ, и сами по себе являются такими существами, подчиняющими человека своей власти и приносящими пользу или вред ему лично и его хозяйству. Это — всеведущие, всемогущие, всезнающие и всеведущие боги и божки, поражающие сознание человека сверхъестественной мощностью своей непреодолимой силы и загадочной, таинственной грандиозностью ее выявлений в окружающей его жизни. Эту систему мышления можно охарактеризовать как анимистический пантеизм. Она в высшей степени характерна для первобытного общества с низким уровнем развития производительных сил, со связанностью отношений людей в рамках процесса, создающего их материальную жизнь, а вместе с тем со связанностью всех их отношений друг к другу и к природе.

Как мы уже знаем, славяне выступают впервые в истории довольно поздно, когда общественная жизнь их ушла уже значительно вперед сравнительно с первобытно-коммунистическим строем, который для них был уже изжитым этапом, равным образом как изжитым этапом было для них и обусловленное этим строем мышление. История застает славян на стадии военной демократии и общины-марки, т. е. на стадии зарождения частной собственности, разлагавшей старые родовые отношения и закладывавшей основы феодальных отношений. Это был переходный этап в развитии славянского общества, т. е. в развитии производственных отношений, обуславливавший

¹ См. Н. Machal, назв. соч., стр. 164—171; 172—175.

собой и соответственный этап в развитии мышления. Поэтому славяне еще не монотеисты, а пантеисты, и их верховное божество, представляемое в источниках в довольно смутных очертаниях, вызывающих сомнение в существовании такого существа вообще у славян, является не представителем единоначалия и единовластия, чего не знала и реальная славянская общественность эпохи военной демократии, а чем-то вроде племенного верховного жупана, по отношению к которому прочие боги и божки были теми родовыми царьками—*žŕŕyec*, о которых говорит Маврикий в VI в., или теми родовыми жупанами, о которых говорит Константин Багрянородный в X в. Переходностью общественного строя от первобытно-коммунистического общества и характерных для него производственных отношений к феодальному обществу и феодальным отношениям объясняется наличие в мышлении древнего исторического славянина унаследованных по традиции от предыдущих этапов общественного развития уже в готовом виде представлений о душе и духах предков, продолжающих свое существование рядом с человеком в различных воплощениях, охраняющих традиционный уклад старого семейно-родового быта от разлагающих начал новых, наступающих на него социально-производственных отношений феодализма. Этим же объясняется, с другой стороны, и отсутствие в мышлении исторического славянина тотемистических представлений: исторический славянин уже не знает тотема, т. е. богопочитания определенных животных и предметов как покровителей рода или племени, но тотемические переживания продолжают бытовать в его мышлении в форме представления о способности перевоплощения явлений и сил природы, а равно и души, отделившейся от своей материальной оболочки, в различных животных и в предметы неодушевленной природы.

Бог в мышлении древнего славянина эпохи военной демократии и начальных этапов развития общины-марки—не тот или иной предмет окружающей его одушевленной (животные, птицы, гады) и неодушевленной (растения) природы (религия на более ранних ступенях развития общественно-производственных отношений), но всегда определенное, конкретное, мыслимое как материальное, но невидимое и неосязаемое, а потому и таинственное существо, иногда воплощающееся в то или иное животное или растение (персонификация или олицетворение). Бог для древнего славянина-язычника не дух, а материя, хотя и непостижимая для его сознания. Это был народный бог, бог собственного народного производства, гораздо более близкий и понятный народу своею материальностью, нежели бог-дух, троичный в лицах и пр., позднейшей, насквозь идеалистической христианской религии, чем, в частности, и объясняется тяжелая,

упорная и длительная, принимавшая нередко насильственные, кровавые формы, борьба христианской догмы с язычеством у славян, одержавшая, в конце концов, как более передовое мышление, победу над язычеством, но не вытравившая окончательно из народного мышления в эпохи феодализма и капитализма глубоко укоренившихся в нем пережитков язычества, продолжающих жить в эксплуатируемых народных массах в капиталистическом обществе вплоть до настоящего дня в виде грубых, примитивных, враждебных культуре и прогрессу человечества предрассудков и суеверий.

И только в коммунистическом обществе, не знающем эксплуатации человека человеком, эти предрассудки и суеверия будут окончательно вытравлены из сознания свободного человека, властителя природы, управляющего ее силами и приспособляющего их к служению своим производственным интересам. Борьба с предрассудками и суевериями, возможная и в буржуазно-капиталистическом обществе в наиболее передовых его элементах, составляет поэтому в социалистическом обществе, на стадии перехода к коммунизму, одну из основных проблем борьбы за коммунизм, за окончательную победу новой, свободной, социалистической жизни человечества и нового, социалистического мышления. Коммунизм несет угнетенному человечеству на своем знамени и в своем действии окончательную ликвидацию магии и торжество науки.

ЧАСТЬ II

**ПЕРВЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
ОБРАЗОВАНИЯ У СЛАВЯН
И ИХ ИСТОРИЯ В ДРЕВНОСТИ
(VII—XI в.в.)**

Глава I

ГОСУДАРСТВО САМО

(623—658)

В середине VI в. (558 г.) в приазовско-каспийских степях впервые выступает в истории кочевой народ а в а р ы, или в а р ы, известный киевскому летописцу под именем о б р ы. Заключив союз с аланами, авары отправили посольство в Византию с предложением римской державе своих дружеских услуг в качестве союзников и защитников ее от врагов, каких у этой державы было не мало среди северных варваров и к каким принадлежали, в частности, и савиры. В этих переговорах с Византией авары имели, между прочим, в виду получить на Византийской территории землю для поселения и кочевья. Византийское правительство, никогда не пренебрегавшее случаем купить себе дружбу того или иного из варварских племен, благосклонно приняло посольство авар и предложило им для поселения территорию в Посавской Паннонии (между реками Савой и Дравой). После этого авары, выполняя свои союзнические обязательства перед Византией, разбили своих соседей с запада—с а в и р о в, одного из враждебно настроенных к Византии варварских народов Прикавказья, нанесли удар утургурам и, заключив союз с болгарами-кутургурами, напали на антов, о чем было сказано выше. Покорив антов, авары ушли на запад, где в начале 60-х годов заняли указанную им византийцами территорию, составлявшую славянскую область Сирмиум (впоследствии Срем), а затем, истребив, по договору с лангобардами, гепидов в 568 г., заняли вместе со своими союзниками, болгарами-кутургурами, всю славянскую Паннонию, откуда затем производили непрерывные разорительные набеги на Византийскую территорию, став для нее, как и для других соседних народов, и в первую очередь—для славян, злейшим и опаснейшим врагом. Насилья аваров над славянами в VI, VII и VIII вв. нашли отзвук у киевского летописца в словах: «Сиже обри воеваша на словены и насиллие творяху

женам дулебьским: аще поехати будяши обрину, не дадеше впряхи ни коня ни волу, но веляше впряхи 3 ли 4 ли 5 ли жеи в телегу, и повести обрина; и тако мучаху дулебы. Быша бо обри телом велици, а умом горди, и бог потреби я, и помроша вси, и не остаея ни едни обрин; и есть притча в Руси и до сего дне: погыбоша аки обри, ихже несть ни племене, ни наследка».¹

Насилуемые аварами, паннонские, чешские и моравские славяне в 623 г. восстали против своих угнетателей. Во главе восстания стоял или же был одним из наиболее активных его участников, некто Само. Ему удалось объединить для отпора аварам ряд соседних чешских и паннонских славянских племен в союз племен, и Само был избран славянами в короли (dux). Так были заложены основы первого славянского государства на западе, но ему не удалось укрепить и вырасти в подлинную государственную организацию. Под руководством Само славяне, тем не менее, с успехом расправились с аварами и сбросили с себя их тяжелое иго, вели борьбу с франками и разбили армию франкского короля Дагобера.²

В 658 г. Само умер и с его смертью распалось и начинавшее складываться организованное им государственное объединение группы западно- и южно-славянских племен. Центром державы Само была Чехо-Моравия, а его столицей, как предполагают, уже известный нам Вышеград (Градище) на р. Мораве.

Франкская хроника VII в., известная под именем летописи Фредегара, говорит о Само, что он был родом франк, что он собрал вокруг себя значительное число торговцев и отправился с ними к славянам-венедам с торговыми целями.

В это время славяне восстали против авар, и Само присоединился к ним. Между тем, названное выше сочинение IX в. *De conversione* и пр. Зальцбургского анонима (Anonimus Salisburgensis) называет Само славянином. Исследовавший специально этот вопрос чешский историограф Фр. Палацкий пришел к заключению, что Само был славянин, родом из племени велетов; около 622 г. этому племени угрожало подчинение владычеству франков и, чтобы не подчиняться чуженациональному владычеству, Само ушел со своим родом к чехо-моравским славянам, где быстро приобрел широкую популярность.³

Повидимому, Само был энергичным и предприимчивым человеком, с хорошими организаторскими способностями, чем и объясняется и его оппозиция против франкского наступления на велетов и быстрые успехи его в Чехо-Моравии.

¹ А. А. Шахматов. Повесть временных лет. II. 1916, стр. 11.

² См. *De conversione Bagoariorum et Carantanorum libellus*, IX в. (871 г.).

³ Fr. Palacki, Ueber den Chronisten Fredegar und seine Nachrichten von Samo. «Jahrbücher des böhmischen Museums», 1830.

Глава II

ЧЕХИЯ И МОРАВИЯ

§ 1. ВЕЛИКОМОРАВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

(818—906)

После распада во второй половине VII в. западно-славянского государства Само часть чехо-моравских племен оказалась данниками Западно-Римской империи, хотя по существу и не входила в ее состав. После же распада монархии Карла Великого в IX в. эта группа племен (союз племен), освободившись вместе со своею территорией от даннических обязательств, приобретает независимость и вырастает в государство во главе с князем Моймиром (818—846), первым исторически засвидетельствованным князем Великоморавии.

Моймир расширил границы Великоморавского государства на восток, объединив под своею властью соседние славянские племена, и в 830 г. изгнал из Нитранской области (район современной Словакии между Дунаем и Гроном) князя Прибину. Изгнание Прибины из Нитры стояло, повидимому, в связи с натянутыми в правление Моймира чешско-немецкими отношениями, которые вызывались стремлениями восточно-франкских или немецких государей политически подчинить себе Чехию. Прибина усердно поддерживал миссионерскую деятельность франкских князей, разрешив им, будучи сам язычником, основание солноградским архиепископом Адалтрамом костела в Нитре, т. е. постоянной немецкой агентуры в самом центре Моравии. В враждебных отношениях Моймира к Прибине сказалась борьба Моймира против подчинения Чехо-Моравии в церковном отношении франкам, за которым стояла, несомненно, и зависимость политическая, т. е. борьба за церковную независимость Великоморавии.

Изгнанием Прибины из Нитры Великоморавская держава Моймира расширила свои владения на угорских славян вплоть до р. Грона, где южною границей ее был Дунай. Прибина же

после своего изгнания из Нитры нашел себе приют у паннонского маркграфа Ратбода, где принял христианство. Позже Людовик немецкий дал ему в ленное владение часть Нижней Паннонии у р. Салы, впадающей в Блатенское (Балатон или Платтен) озеро (847), и Прибина стал вернейшим прозелитом христианского культа и преданнейшим другом франков, основал город Мосбурк (теперь Шалавар) и строил костелы.

Между тем Людовик, на долю которого при разделе Франкской монархии по Верденскому договору 843 г. выпала восточная часть, устремил теперь свои взоры на соседних славян, и на первых порах его усилия не были безуспешными. В 845 г. он обратил в христианство 14 чешских воевод, а в 846 г. уже предпринял поход против Моймира, сверг его с престола и посадил на его место его племянника Ростислава. Однако на обратном пути из Моравии чешскими землями франкское войско Людовика потерпело поражение. Такими же неудачами сопровождались и последующие его походы на Чехию, и, ободренный этими успехами чехов, Ростислав тоже решил сбросить с себя франкское иго и занял против Людовика настолько враждебную позицию, что в 855 г. Людовик с огромными силами выступил против Моравии. Ростислав воздержался от боя и укрылся в сильно укрепленный лагерь. Людовик тоже не решился его преследовать и отступил без боя, но в отместку Ростиславу самым беспощадным образом разорил Моравию. На этом, однако, враждебные отношения Людовика к Ростиславу не прекратились, как не прекратились и его антиславянские агрессивные планы, и в 858 г. он стал вновь готовиться к походу на славян. Осуществлению плана Людовика помешало обострение враждебных отношений к нему его брата Карла Лысого и сына Карломана, маркграфа австрийского. Карломан нашел себе поддержку в союзе с Ростиславом, но против этого союза восстал верный вассал Людовика Прибина, питавший самые враждебные чувства к Ростиславу. В ответ на это в 860 или 861 г. мораване вторглись в Нижнюю Паннонию, подвергли ее разгрому и убили Прибину. Место Прибины в «Блатенском княжестве» занял его сын Коцел, враждебно настроенный к франкам и их настойчивой захватнической политике по отношению к Великоморавии.

Расправившись в 862 г. с сыном Карломаном и приведя его к повиновению, обеспечив себе, с другой стороны, союзом с болгарским князем Борисом свои юго-восточные границы, Людовик стал готовиться к решительному выступлению против своего злейшего врага Ростислава, который ответил на это отправкою в том же 862 г. специального посольства в Константинополь к византийскому правительству с просьбой прислать ему учителей. «Наш народ отверг язычество, но мы не имеем учи-

телей, которые наставили бы нас в истинной вере и а н а ш е м я з ы к е»,—говорили послы от имени Ростислава византийскому императору. Это обращение великоморавского князя к Византии ясно говорит о намерении Ростислава обеспечить себе церковную независимость, связаться с Византией и тем самым обеспечить Великоморавии и независимость политическую. В ответ на просьбу Ростислава византийское правительство командировало к нему в 863 г. двух братьев, уроженцев города Солуни, Константина (Кирилл) и Мефодия. Первый из них был выдающимся по своему времени ученым и вместе с тем испытанным дипломатом, второй—талантливым организатором. С этою моравскою миссией Константина и Мефодия, основоположников и пионеров славянской письменности у славян, создателей славянской азбуки (Кирилл) и переводчиков первых культовых книг с греческого языка на славянский (древне-болгарский, солунско-македонский) язык, связаны славные страницы в мировой истории Великоморавии. Она становится колыбелью славянской культуры и просвещения, которые затем быстро расходятся отсюда во все стороны славянского мира, проникают к болгарским славянам на полуостров, к западным славянам в Польшу и на восток в Киевскую Русь и всюду создают широкое культурно-просветительное движение на родном славянском языке.

Плодотворная деятельность Константина и Мефодия в Моравии продолжалась 3 года и 4 месяца. Константин был занят здесь главным образом литературной и учительской работой, Мефодий—организационной. За время своего пребывания в Моравии они заложили здесь основы независимой от франков национальной церкви на родном для местного населения славянском языке. Но так как церковный вопрос был в это время повсюду прежде всего вопросом политическим, то организацией национальной церковной иерархии и церковного управления с христианским культом по византийскому обряду Ростислав, прежде всего, укреплял политические позиции своей национальной государственности, а свою церковную унию с Византией усиливал ее международное положение обеспечением Моравии политической дружбы с южными соседями, Болгарией и Византией, непосредственно смыкавшимися тогда своими границами с франкскою державой. С этого момента политическая борьба Ростислава за независимость Великоморавии с франками заострялась на церковной проблеме, ввиду чего культурно-просветительная и организационная работа солунских братьев в Моравии протекала в исключительно напряженной обстановке борьбы с франкскими-баварскими епископами, имевшими за свою спину Людовика, и велась она под лозунгом борьбы вновь организованной моравской церкви во главе с Мефодием

за национальный (славянский) язык в богослужении и основные принципы христианского культа по восточно-римскому обряду.

Борьба эта не замедлила вылиться вскоре в форму вооруженного выступления Людовика против Ростислава. В 864 г. он предпринял тщательно подготовленный поход на Моравию. Поход сопровождался «благословением» римского папы Николая. Переправившись с огромным войском через Дунай у Довины (вероятно, у нынешнего Девина, старой крепости при впадении Моравы в Дунай), Людовик встретился с Ростиславом, и Ростислав принужден был, ввиду значительно превосходящих сил противника, сдаться на условиях, продиктованных Людовиком. Условия эти обязывали Ростислава со всеми его вельможами к верности и преданности королю до конца его жизни. Создавшееся для Великоморавии положение вещей продолжалось до 869 г., т. е. до года общеславянского восстания против Людовика.

Культурно-просветительная деятельность солунских братьев не ограничивалась только Моравией. Во время одной из своих поездок в Рим к папе в 867 г. они остановились по дороге у паннонского князя Коцела в Мосбурге (Шалавар) на Блатенском озере, т. е. в районе, населенном тогда словенцами.

Коцел радушно принял Константина и Мефодия, усвоил от них славянскую грамоту и поручил им, как говорит легенда, по пятидесяти учеников с тем, чтобы они обучили их чтению славянских книг.

После смерти в 869 г. младшего из братьев Константина, последовавшей на 42 году его жизни, культурно-просветительную миссию у западных славян продолжал один только Мефодий с группой своих ближайших сотрудников. С этого же года специальной буллой римского папы Адриана (867—872) славянский язык впервые был санкционирован для западных славян в качестве языка культа. Одновременно с этим, по представлению Коцела и личному докладу Мефодия, римской курией была восстановлена в Среме епископская кафедра, упраздненная в 582 г., когда Срем был захвачен аvarами. Карл Великий, освободив Паннонию от аvarов, включил эту кафедру в состав солноградского архиепископства, т. е. подчинил ее ведению франкского церковного управления. Вместе с восстановлением сремской кафедры создавался церковный центр обширной паннонско-моравской области; другими словами, Великоморавия получала собственное, независимое от немецкого духовенства церковное управление во главе с Мефодием, в качестве епископа, и с подчинением его непосредственно римской курии. Таким путем укреплялось политическое положение Великоморавии, которая в борьбе с франками становилась тем самым под протекторат Рима.

Как и следовало ожидать, создание независимой славянской церкви на границе баварской державы вызвало протест со стороны баварского епископа. Пасауское епископство пыталось выдти на Моравию, а солноградское архиепископство—на Паннонию. Эти «виды» разгорелись еще больше с тех пор, когда из рук баварского епископата уплыли столь лакомые куски, как Моравия с Паннонией. Пока был жив Коцел, он ревностно поддерживал Мефодия в его организационной работе. Но после его смерти, около 874 г., положение вещей изменилось к худшему. Часть Нижней Паннонии, простиравшейся вплоть до Блатенского озера, с городом Петовией (слав. Птуй), как центром, отходила к сыну Карломана Арнульфу, как Дудлебское графство, в связи с чем эта часть паннонско-моравской епархии отходила в ведение солноградского архиепископа. Что же касается верхней и восточной Паннонии, то после смерти Коцела эти области отошли в ведение князя Нитры Святополка (871—894), который в союзе с Карломаном баварским сверг с Великоморавского престола своего дядю Ростислава и осенью 870 г. выдал его франкам, где он был ослеплен и осужден на пожизненное заключение в монастырь. Однако уже в 871 г. Святополк изменил франкам и, нанеся им поражение, завладел Моравией и утвердился на Великоморавском престоле, признав верховную власть франков. Это, впрочем, не спасло его от мести франков. В том же 871 г. он был арестован франками, увезен из Моравии в г. Регенсбург и предан суду, а франки в это время, захватив Моравию, предавали страну опустошению, чем вызвали восстание моравян против немецкой оккупации. Регенсбургский суд оправдал Святополка, и баварское правительство поручило ему усмирение восставшего народа, пообещав в награду за это вернуть ему его прежние княжеские права. Но Святополк, явившись в Моравию, стал на сторону восставших, разбил немцев и затем в течение ряда лет, вплоть до 874 г., вел с ними в союзе с чехами и полабскими славянами войну, в результате чего, по миру, заключенному с немцами в 874 г. в Форхгейме, был признан независимым князем Моравии.

В правление Святополка Моравия достигает значительных успехов, и имя Святополка приобретает широкую популярность не только в Моравии, но и за ее пределами у всех соседних славянских народов. Вторая половина правления Святополка проходит в атмосфере обостренных отношений с немцами, которые несколько раз опустошают Моравию в ответ на опустошительные вторжения Святополка во владения Арнульфа (Нижняя Паннония). Кроме того, правление Святополка отмечено появлением на территории Моравии большого числа немецких колонистов и усилением немецкого влияния. Возможно, что

в связи с этою «немецкой» политикой Святополка стоит и его поддержка латинского духовенства, а в связи с этим и неприязненные отношения к Мефодию, который не пользовался его поддержкой и был предоставлен моравским князем собственным силам в обострившейся борьбе с латинским (немецким) духовенством и его притязаниями на моравскую епархию.

Против беззащитного старика Мефодия поднялась ожесточенная травля со стороны латинского духовенства, и в конце концов без всяких оснований он был арестован немецкими епископами и сослан в Свабы, где провел в заключении $2\frac{1}{2}$ года в тяжелой обстановке всевозможных лишений и истязаний. Святополк оставался безучастным к судьбе Мефодия. Попытки Мефодия лично связаться с Римом парализовались его врагами, и только случайно узнав из сообщения какого-то Лазаря (предположительно—ученика Мефодия) о судьбе, постигшей Мефодия, папа Иоанн VIII привлек к ответственности епископов, учинивших своевольную расправу над Мефодием. Благодаря вмешательству папы Мефодий был освобожден из заключения, доставлен в Моравию к Святополку, и с этого времени начинается его широкая организационная работа в Моравии и за ее пределами. В 874 г., по сообщению чешского летописца Ковьмы, Мефодий обратил в христианство чешского (богемского) князя Боривоя и его жену Людмилу. К этому же времени относятся сношения Мефодия с каким-то повислянским князем явчичником, который «силен вельми, сидя в Висле, ругашеся христианом и пакости деяше».

Между тем преследования Мефодия со стороны франков не прекращались. Они обвиняли теперь Мефодия в ереси, а также в совершении богослужения на славянском языке. Они сфабриковали подложное письмо от папы, требовавшее отстранения Мефодия от дел, но Мефодий настойчиво продолжал свою деятельность, а в 880 г. после поездки в Рим и личного доклада папе по возбужденным против него клеветническим обвинениям папа Иоанн VIII утвердил Мефодия в должности архиепископа Моравского и вновь санкционировал славянский язык как язык культа для славян, о чем в специальном послании папа ставил в известность Святополка. Святополк, однако, и после этого продолжал занимать враждебные позиции против Мефодия, что сказалось, в частности, в его выдвижении на должность нитранского епископа некоего Вихинга, злейшего врага Мефодия и славянского культа. Опираясь на Святополка и сильную немецкую партию, Вихинг с момента своего назначения на пост нитранского епископа, вместо сотрудничества с Мефодием, повел против него ожесточенную клеветническую кампанию. После смерти в 882 г. доброжелательно настроенного к Мефодию папы Иоанна VIII Мефодий предпри-

нял трудное путешествие в Константинополь, где имел встречу с императором Василием (867—886). Предполагают, что во время этой поездки он имел встречу также и с болгарским князем Борисом и в обоих случаях знакомил своих собеседников с славянскими книгами, что отвечало интересам вновь присоединенной тогда к Византии болгарской церкви. Имеется также предположение, высказываемое на основании одного из источников (болгарская легенда), о том, что крещение болгарского князя Бориса было произведено Мефодием. В это же время славянские книги проникли и к хорватам, ближайшим соседям паннонских славян, и быстро приобрели здесь широкую популярность.

Последние годы своей жизни в Моравии Мефодий был занят главным образом широкой литературно-переводческой работой. Умер Мефодий 6 апреля 885 г., назначив накануне смерти своим преемником одного из ближайших своих учеников и сотрудников Горазда. Где был похоронен Мефодий, неизвестно. Предполагают, что в столице, основанной великоморавским князем Ростиславом, находившейся в окрестностях нынешнего города Градище, где близлежащий к нему Велеград, вероятно, как думают, носит имя этой столицы.

Немедленно после смерти Мефодия Вихинг предпринял ряд шагов перед римской курией (папа Стефан V, 885—891), которые привели к тому, что кандидат Мефодия Горазд не получил утверждения в должности преемника Мефодия. На эту должность был назначен поддержанный Святополком Вихинг; славянский язык был запрещен под угрозой анафемы к употреблению в качестве языка культа, и вся плодотворная и огромная культурно-просветительная деятельность Мефодия была подвергнута со стороны папы резкому осуждению, что, впрочем, не помешало той же латинской церкви вскоре после этого признать Мефодия святым. Этот факт, взятый вместе со всеми прочими, ему предшествовавшими, ясно говорит о том, что последнее письмо папы Стефана было подложным, а в подлогах Вихинг зарекомендовал себя уже и ранее большим мастером. Как бы то ни было, но дальнейшие успехи развития славянского языка и славянской письменности в Моравии, получившие блестящее начало в деятельности солунских братьев, были парализованы.

Многочисленные ученики Мефодия во главе с Гораздом и Климентом, выдающимся славянским писателем, подверглись, при содействии Святополка, преследованию и были изгнаны из Моравии. Часть их была продана в рабство; другая часть—наиболее выдающиеся последователи и ученики Мефодия—Горазд, Климент, Лаврентий, Наум, Савва, Ангеларий и др. были заключены в тюрьму, а затем под конвоем препрово-

дены к придунайским областям и изгнаны из владений Святополка. Оттуда Климент, Наум и Ангеларий прибыли по Дунаю в Белград, где были гостеприимно встречены наместником болгарского князя Бориса-Михаила, который препроводил их затем к Борису, принявшему в их судьбе живейшее участие. Дальнейшая плодотворная литературная и учительская деятельность Климента и Наума протекает затем уже в Болгарии, поддержанная здесь Борисом и его преемником Симеоном.

С ликвидацией в Моравии славянской письменности и независимой славянской церковной организации была порвана культурная связь западного славянства с южным, а также, вероятно, и с восточным, где пионерами христианского культа и славянской письменности, еще до официального принятия христианства киевским князем Владимиром от Византии, были именно западные славяне,¹ которые с этого времени включаются в сферу влияния римско-католической культуры. Церковное управление захватил в свои руки Вихинг, ставленник Святополка и ревностный поборник политических интересов в Моравии короля франков.

В 885 г., после нескольких лет непрерывных войн, Святополк заключил с королем Арнульфом мир и получил от него, в благодарность за помощь, оказанную Арнульфу в захвате престола, под свою власть Чехию, а также бывшее княжество Прибины Паннонию, находившуюся после смерти Коцела во власти немцев. Кроме того, в состав Великоморавского княжества при Святополке вошли, частью в порядке добровольного присоединения, частью—в порядке насильственного подчинения, группа славянских племен по Эльбе и Одеру, по Лужице (лужицкие сербы), силезские славяне, северно-венгерские словаки и часть галицких славян в Карпатах. Однако после смерти Святополка моравского, при его сыновьях Моймире II и Святополке II, часть этих племен, воспользовавшись борьбою братьев за престолонаследие, отложились от Великоморавского княжества. Внутренние распри между Моймиром и Святополком повлекли за собою вторжения на моравскую территорию немцев, предававших ее беспощадному разорению и значительно ослабивших ее мощь и подорвавших в глазах славянских племен ее политический авторитет, как державы, обеспечивавшей входившим в ее состав племенам безопасность от немецких вторжений.

¹ См. Н. К. Н и к о л ь с к и й. Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. Сборник по русскому языку и словесности АН СССР, т. II, вып. 1, Л., 1930.

Отложившийся от Великоморавского княжества чешский союз племен, во главе со своими князьями Спитигневом и Вратиславом, признал немецкий протекторат над Чехией, что спасло этот западный участок Великоморавского княжества от разгрома его уграми (венграми), постигнутого в 906 г. Моравию. Вместе с вторжением на территорию Великоморавии и разгромом ее уграми Великоморавское государство прекратило свое существование, словацкий народ оказался отрезанным от чешско-моравских племен и в течение последующих тысячи лет своего существования находился под венгерским гнетом. Уцелевшая же от нашествия угров (венгров) или мадьяр западная часть Великоморавского государства, Чехия или Богемия стала естественным политическим центром чешско-моравских племен, и вскоре на смену Великоморавского княжества здесь выросло новое государственное объединение—Богемия или Богемское княжество.

Между тем ожесточенная борьба Вихинга с славянским языком продолжалась вплоть до 892 г., когда мирные отношения между Святополком и Арнульфом были нарушены и между ними началась новая, длительная борьба. В 893 г. Вихинг отказался от своей епископской деятельности в Моравии и перешел на службу к Арнульфу в качестве его советника. С уходом Вихинга моравская церковь осталась без главы.

Спустя несколько лет после этого старший сын и преемник Святополка Моймир II предпринял еще одну попытку воссоздать независимую церковную организацию в Моравии. Римская курия охотно пошла ему навстречу, и немедленно в Моравии было организовано церковное управление, подчиненное непосредственно Риму. Против этой инициативы римской курии в 900 г. ополчился баварский епископат, всегда считавший Моравию подведомственной в церковном отношении своей юрисдикции. В специальной жалобе он резко опротестовал мероприятия папы и выступил с не менее резкой националистической травлей славянского народа, не желая упускать из своих рук доходной статьи, какую представляла для немецких епископов Моравия. Однако еще в X и XI столетиях славянское богослужение кое-где поддерживалось в Моравии, о чем говорят два дошедшие до нас знаменитые древнейшие памятника моравского происхождения, написанные глаголицей, так называемые «Киевские листки» и «Пражские отрывки». О том же свидетельствуют и славянские легенды о св. Вацлаве и св. Людмиле. Последняя, жена богемского князя Боривоя, обращенного вместе с нею в 874 г. в христианство Мефодием в Веллеграде, умерла в 921 г. Она хорошо знала славянскую грамоту и посвятила в нее своего внука Вацлава, который умер в 935 г. Около 972 г. папа Иоанн XIII дал разрешение на органи-

зацию епископства в Праге, причем не исключалась возможность создания этого епископства на славянской основе. В 1032 г. в Богемии был создан Прокопием, получившим свое образование в моравском Велеграде, знаменитый в истории славянской культуры и письменности Сазавский монастырь с славянским обрядом. После смерти Прокопия (1053) этот монастырь постигла неприятность: князь Спитигнев изгнал в 1057 г. из Богемии сазавских монахов, и они со своим настоятелем Витом удалились в Венгрию, но спустя некоторое время князь Вратислав II (1061—1092) через специальное посольство к венгерскому королю вновь вызвал их из Венгрии в Сазавы. Он же возбудил ходатайство перед папой Григорием VII о признании в Чехии славянской литургии, на что в 1080 г. со стороны Рима последовал решительный отказ. После этого Сазавский монастырь продержался недолго. Бретислав II в 1097 г. разогнал сазавских монахов вместе с настоятелем монастыря Божетехом, передал монастырь латинским бенедиктинцам, а славянская письменность с корнем была вырвана из монастыря, и все славянские книги были основательно и начисто уничтожены.¹ Из Моравии же славянская грамота и первые славянские книги проникли не только в Киев на Русь, что было уже отмечено выше, но также и в Польшу, которая знала в это время и письменность на древне-славянском языке и славянское богослужение. Центром славянской письменности в Польше был монастырь Тынец возле Кракова. Одновременно с разгромом в 1097 г. Сазавского монастыря был разгромлен и Тынецкий монастырь, что нашло свой отклик в древне-русском житии Феодосия Печерского и в Печерском Патерике. Акад. А.И.Соболевский, в частности, считал знаменитый в истории славянского языка и письменности глаголический памятник, известный под именем «Киевские листки», памятником именно польской письменности XI в.²

§ 2. БОГЕМСКОЕ КНЯЖЕСТВО

(874—1041)

Согласно легенде, записанной чешским летописцем Козьмоу Пражским в XII в., первым князем чехов был Крок. Его дочь и наследница Любуша, говорит это предание, вышла замуж

¹ «Et libri linguae eorum deleti omnino et disperditi, nequaquam ulterius in eodem loco recitabuntur». — См. Dr. František Pastrnek, Dějiny slovanských apostoľů Cyrilla a Methoda. V Praze, 1902.

² См. А. И. С о б о л е в с к и й. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. Сб. ОРЯС АН, т. LXXXVIII, № 3, стр. 106—109.

за Премысла (чешск. Přemysl, дословно Размысл или Рбзмысл), который был простым пахарем из с. Стадицы в области племени лемузов, и от этого Премысла пошел затем род чешских князей или чешская (богемская) княжеская династия П р е м ы с л о в и ч е й, по-чешски Пшемысловичей: Незамысл, Кресомысл, Гостивит, Боривой и др.

Богемское княжество выросло из союза чешских племен, занимавших территорию в форме ромба, ограниченного со всех сторон горными кряжами: Шумава, Крушные или Рудные горы, Чешский лес, Судеты, Крконоши (Исполиновые горы) и Чешско-моравской возвышенностью со стороны Моравии и орошаемого реками Лабой (Эльба) и ее главными на этой территории притоками—Влтава и Огра.

Первым, исторически засвидетельствованным князем Богемии (Чехии) был Боривой, или Буриной, из рода Пшемысловичей (874—879). Боривой вместе с женою Людмилой, как мы уже знаем, первый из чешских князей принял христианство в столице Моравии, Велеграде. По возвращении к себе на родину Боривой построил здесь первый христианский храм. Центром Богемского княжества был город Прага.

При Боривое и его ближайших преемниках Богемское княжество находилось еще в стадии перерастания союза чешских племен (см. выше) в государство. Боривой был верховным князем всего союза. Ему были подчинены воеводы, или жупаны, т. е. князья отдельных племен, представители наиболее экономически сильных племенных родов, или так называемых лехов; племенным воеводам были подчинены старейшины, или владыки отдельных родов, входивших в состав племенных образований. Боривой был, прежде всего, воеводою наиболее мощного, центрального племени в чешском союзе племен, именно чешского племени, которому в истории чешской (богемской) государственности и принадлежит главная организующая роль. Воеводе чешского племени подчинялись все племенные воеводы как вождю или князю союза племен. Наличие всесоюзного верховного вождя на начальном этапе развития чешской государственности не успела еще прочно спаять в единой государственности все племена и тем самым парализовать сепаратистские устремления отдельных племенных вождей, выступавших иногда на стороне врагов союза и его верховного вождя. По существу это была классовая борьба за верховную власть в союзе внутри наиболее экономически сильного социального слоя лехов, т. е. экономически господствовавшей в племенах имущественной знати, превратившейся тем самым в племенную родовитую знать. Чешские Пшемысловичи представляли собою в этом именно смысле, т. е. в имущественном отношении, самый сильный во всем союзе чешских племен и поэтому самый знатный

род, захвативший в свои руки политическую власть в союзе племен и благодаря своим огромным богатствам сумевший мобилизовать вокруг себя значительные военные силы и привлечь на свою сторону широкие круги племенной знати (лехов) не только в среде собственно чешского племени, но и в среде других племен, входивших в состав чешского союза. Борьба Пшемисловичей с племенными воеводами была по существу борьбою чешских лехов—Пшемисловичей за укрепление своей верховной вассальной власти с другими племенными лехами—претендентами на ту же роль в союзе племен. Ко второй половине XI в. эта борьба закончилась укреплением центральной княжеской власти Пшемисловичей, полной ликвидацией последних остатков родового строя и племенных объединений и превращением бывшего союза чешских племен в централизованную бюрократическую аристократическую монархию с неограниченной княжескою властью во главе, опиравшеюся на свою дружину, составленную из представителей былой родовой знати (лехов), и управлявшею государством через ту же знать, но не в порядке народного избрания, как это было при родовом строе, а в порядке назначения сверху, т. е. в качестве княжеских чиновников всевозможных степеней и рангов. Вместе с постепенной ликвидацией родового строя и образованием аристократической монархии трудовые массы чешского народа, утратив свои бывшие политические права, превратились в объект неограниченной эксплуатации как со стороны князя, так и со стороны его дружинников—наместников и чиновников князя.

Этот внутренний процесс становления чешского государства протекал одновременно и параллельно с борьбою чешских князей за политическую и национальную независимость чешского государства в его напряженном международном окружении. Мы уже знаем, что при Борнвое Чехия входила в состав Великоморавского княжества и что после разгрома его в 906 г. уграми Чехия, признав уже в 895 г. протекторат немецкого короля Арнульфа, при князе Вратиславе (905—921) успешно отразила попытку угров подчинить и ее вместе с Моравией своей власти и, воспользовавшись затем внутренними смутами в Германии, прервала свои даннические с нею отношения. Преемнику Вратислава, его сыну Вацлаву (921—935), пришлось военной силою заставить князя племени злччан Радислава признать верховную власть чешского князя. Этою внутреннею междуплеменной борьбою Вацлава воспользовался германский король Генрих I. В 929 г. он вторгся в Чехию, проник до самой Праги и заставил чешского князя восстановить свои даннические отношения с Германией. Вацлав погиб от предательской руки своего брата Болеслава, который был князем чешского племени пшеван, область которых принадлежала Пшемисло-

вичам. Заняв после убийства Вацлава чешский княжеский престол, Болеслав I Грозный (935—967) в течение первых 14 лет своего княжения вел упорную, но безуспешную борьбу с немцами (Оттоном I) за независимость Чехии, принимал затем участие в качестве союзника немцев в борьбе последних с мадьярами (уграми) и после разгрома мадьяр в 955 г. присоединил к Чехии Моравию и часть смежных с Чехо-Моравией польских земель в верховьях Одера. Во внутривосполненных отношениях ему пришлось вести борьбу с воеводою луцким и литомержницким Добромиром и подчинить его верховному князю, а также задушить восстание лехов и владык племени пшеван.

Внутренняя политика его сына Болеслава II (967—999) носила тот же характер борьбы за верховную власть Пшемисловичей с князьями племени злччан, воеводою Любицким Радиславом Славником и его сыновьями Собебором и Войтеком. Последний был пражским епископом, известным под именем Адальберта, и личным другом немецкого короля Оттона III. Славниковичи вели борьбу против чешских Пшемисловичей в союзе с немцами и польским королем Болеславом Храбрым. В 995 г. Болеслав II разорил столицу злччан Любицу и, присоединив к своим владениям обширные земли, подвластные злччанам, окончательно сломил сильную оппозицию Славниковичей.

Еще более упорную борьбу Пшемисловичей с племенными воеводами и лехами пришлось вести сыну и преемнику Болеслава II, Болеславу III, прозванному Рыжим. Восстание племенных владык и лехов против чешского князя, под главенством лехского рода Вршовичей, приняло настолько широкий, ожесточенный и угрожающий характер, что Болеславу III пришлось бежать за границу, в Германию. В Чехии с этого времени наступили тяжелые внутренние неурядицы. Болеслав III жестоко расправлялся с племенными владыками и лехами, предавал их массовому уничтожению, на что последние отвечали Пшемисловичам новыми и новыми восстаниями под руководством Вршовичей, и тем не менее Пшемисловичи, поддержанные Германией, не выпустили из своих рук княжеского престола. Внутренними неурядицами, наступившими в Чехии со времени Болеслава III, пытался воспользоваться польский князь Болеслав Храбрый. После бегства за границу Болеслава III, поддерживая Вршовичей, он посадил на княжеский престол в Праге своего брата Владибоя, а после его смерти в 1003 г. продолжал поддерживать Вршовичей в их борьбе с Пшемисловичами, братьями Болеслава III—Яромом и Ольдржихом (Ульрихом, 1012—1034), и захватил в свои руки земли, включенные в свое время Болеславом I в состав Чешского княжества, т. е. Моравию и Силезию. Однако сыну

Ольдрыхиха Бжетиславу (Брячислав) удалось навсегда воссоединить Моравию с Чехией. Бжетислав (1035—1055) окончательно ликвидировал последние остатки родового строя в Чехии, превратив родовых владык и лехов в служилую аристократию, непосредственно подчиненную князю, вместе с чем в Чехии ликвидировались и последние остатки народовластия. Хотя областные веча еще и продолжали собираться, но они уже не избирали князя, и круг их ведения был ограничен местными делами, решающая же роль на них принадлежала знати, княжеским чиновникам. Такой же характер получил теперь и общеземский сейм. Племенные разграничения вместе с воеводами исчезли, и постепенно стали забываться и самые имена племен. Чешское (Богемское) княжество окончательно сложилось и окрепло в аристократическую монархию с неограниченной княжеской властью, сосредоточенной в руках Пшемисловичей, обладавших к этому времени огромными богатствами, народные же массы оказались лишенными каких бы то ни было политических прав.

Укрепив свои позиции внутри страны, Пшемисловичи, однако, не чувствовали себя обеспеченными в смысле политической независимости со стороны своего мощного соседа Германии. Повидимому, именно поэтому Бжетислав мечтает о создании, в противовес Германии, не менее мощного славянского государства и в осуществление своих планов завоевывает Польшу, но в дальнейшем развитии этих планов встречает решительное сопротивление со стороны объединенных сил римского папы и германского императора Генриха III. Последний предпринимает в 1040 г. поход против Чехии, закончившийся поражением немецкой армии при Домажлице в западной Чехии, недалеко от Баварской границы, но в следующем же году возобновляет свои военные действия против Бжетислава и вынуждает его признать зависимость Чешского княжества от Германии. Таким образом, Бжетиславу, достигшему огромных успехов в деле внутренней стабилизации чешской государственности, не удалось, тем не менее, обеспечить Чехии независимость в международных отношениях. Внутренняя же стабилизация чешской государственности дала основания Бжетиславу провести реорганизацию системы престолонаследия, которая была рассчитана, прежде всего, на упорядочение внутридинастических отношений в роде Пшемисловичей, но фактически уже в самом начале XII в. дала совершенно обратные результаты. В силу этой реорганизации системы престолонаследия пражский княжеский стол укреплялся в порядке наследования за старшим в роде Пшемисловичей и превращался в великокняжеский стол, возглавлявший все Чешское княжество; младшие представители того же правящего рода получали в

свое ведение уделы. Таким образом, начиная с Бжетислава, Чешское княжество вырастает в удельное великое княжество. В международных же отношениях, в силу своей зависимости от Германской империи, оно известно как Богемское герцогство.

При одном из ближайших преемников Бжетислава, втором из его сыновей, великом князе Вратиславе II (1061—1092), помогавшем Генриху IV в его внутренней борьбе с германскими князьями и во внешней напряженной борьбе—с римским папой Григорием VII, к Чехии в 1086 г. была присоединена, в качестве ленного дара императора, смежная с Чехией на северо-востоке область лужицких сербов. Эта так называемая Верхняя Лузация, т. е. Верхняя Лужица, единственный островок, уцелевший от огромного некогда сплошного сербского населения, занимавшего территорию начиная от пограничных с польским народом рек Бобры и Гвизды—на востоке и вплоть до бассейна притока Лабы Салы и далее—на западе, сохранила благодаря этому присоединению к Чехии вплоть до 30-х годов настоящего столетия свою культурно-национальную самобытность.

В том же 1086 г. Вратислав II получил от Генриха IV титул короля, дававший чешскому великому княжеству политическую независимость. Но за преемниками Вратислава II этот титул не был восстановлен, и Чешское княжество вновь оказалось в зависимости от Германской империи.

Глава III

ПОЛЬША

(870—1138)

Народное предание рассказывает, что поляне решили избрать своим князем того, кто в состязании на скорость первым добегит до цели. Таким оказался некто Лешек; он и стал князем польского племени полян. С именем Лешка народное предание связывает начало объединения родственных польских племен под гегемонией полян. Его сын и преемник Лешек II продолжал объединительную политику отца и приобрел столько земель, что наделил ими двадцать одного сына, которые должны были управлять своими владениями под верховною властью старшего из них Попела. Сын Попела, Попел II, говорит предание, отравил всех своих дядьев и приказал бросить их тела в озеро Гопло. Вышедшие из тел дядьев мыши съели Попела II, и тогда старейшины польского племени избрали в князья Земовита, сына колесника из Крушвицы, Пяста.

Древнейший средневековый польский историк-хронист Мартин Галл (Gallus, XII в.) сообщает на страницах своей летописи следующее предание: князь гнезненской земли Попел и простой крестьянин-землепашец Пяст справляли одновременно каждый семейный праздник. В это время сюда пришли два странника. Отвергнутые князем Попелом, они были радушно приняты крестьянином Пястом и в благодарность за гостеприимство совершили чудо, в результате которого еда и питье для угощения гостей так умножились, что Пяст пригласил к себе на праздник князя Попела со всеми его гостями. Вскоре после этого Попел был изгнан из страны и нашел себе приют на каком-то острове, где его и съели мыши. В князья народ избрал сына Пяста, Земовита (870—890), который первый положил начало объединению польских племен в государство. Его преемниками были: сын Лешек и затем внук Земомысл, продолжавшие политику отца и деда.

Земовит, Лешек и Земомысл — это первые, исторически засвидетельствованные гнезненско-познанские князья. В конце X в. княжеский стол занял сын Земомысла — Мешко, или Мечислав I (960—992). Таким образом, наиболее экономически мощный из всех польских племен союз полянских племен явился первым в Польше центром перерастания союза племен в государство, т. е. первым центром образования польской государственности во главе с князьями из рода Пястов. Как и в Чехии, этот процесс имел своим исходным моментом накопление огромных богатств в руках рода Пястов, т. е. в руках верховного союзного полянского князя, что давало ему возможность, прежде всего, содержать при себе и на свои средства многочисленную, хорошо вооруженную дружину, с помощью которой Пясты, такой же дворянский землевладельческий слой (шляхта) в полянском родовом обществе, как и чешские лехи, легко могли предпринимать удачные грабительские набеги на соседние племена и тем самым увеличивать свои богатства и расширять свои земельные владения, с одной стороны, и с другой — хорошо обеспечивать материально и своих дружинников. Так, например, источники говорят о Мешке, что он имел у себя 3 тысячи рыцарей, способных к бою, которых сотня равняется десяти сотням других аналогичных военных организаций, что он давал им одежду, коней, оружие и все, что им нужно (Аль-Бекри, XI в.). Ближайший преемник Мешка, его сын Болеслав, прозванный Храбрым (992—1025), имел у себя войско в составе уже 20 тысяч. Располагая такими силами, верховный полянский князь без особого труда мог ликвидировать родовые организации с возглавлявшими их владыками-князьями внутри своего племени, зачислив последних в состав своих дружинников-рыцарей. Затем он проделал то же самое и с родовыми организациями-союзами и в среде соседних племен, присоединяя их земли путем военного захвата к своим владениям, а их родовых владык-князей включая в состав своей дружины-рыцарей, где они поступали на полное иждивение князя, превращаясь из выборных народными собраниями (веча) своих ополей или жуп (русск. вервь) владык и князей в рыцарей-дружинников полянского князя и образуя в целом военнотрудовой класс, состоявший на службе у князя в его полном распоряжении.

С ликвидацией родового строя неизбежно исчезали и племенные организации с возглавлявшими их воеводами-князьями. С другой стороны, и сам полянский князь из избранного волею народа на племенном вече воеводы племени превращался в государя, в богатого земельного собственника, владельца огромной территории, опиравшегося на мощную собственную военно-аристократическую дружину рыцарей-шляхты и через

нее же управляющий и своими обширными владениями. Это были княжеские чиновники, именуемые в латинских источниках *баронами*. С ликвидацией родового строя, протекавшей не вдруг, но постепенно, в процессе материального укрепления княжеской власти ликвидировались и общеплеменные народные собрания—веча, и их функции переходили теперь к княжескому совету из тех же дружинников-рыцарей, княжеских сановников и должностных лиц по личному выбору князя. Только в исключительных случаях созывались вече, к участию в которых приглашался и простой народ, но только из того района, где в данный момент присутствовал князь для разрешения местных спорных вопросов.

Таким образом, как и в Чехии, в Польше процесс ликвидации родового строя привел к образованию государства, выросшего из полянского союза племен, на основе усиления материальной мощи полянского рода Пястов и роста частной собственности родовой знати.

Как и повсюду, в других аналогичных случаях, государство в Польше явилось, таким образом, учреждением, которое, по характеристике Энгельса, обеспечивало вновь приобретенные богатства отдельных лиц от коммунистических традиций родового строя. Оно не только освящало прежде столь мало ценную частную собственность и это освящение объявляло вышею целью всякого человеческого общества, но и приложило печать всеобщего общественного призвания к развивающимся одна за другою новым формам приобретения собственности, а следовательно, и к непрерывно ускоряющемуся накоплению богатств, которое увековечивало не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущих и господство первого над последним.¹

Верховная власть в польском государстве, как оно сложилось к XI в., принадлежала к о р о л ю, управлявшему государством на правах неограниченного монарха, объединявшего в своем лице все высшие административные, судебные и военнo-командные функции. Государственная территория составляла частное владение короля, и он распоряжался ею по собственному усмотрению, получая в собственное же распоряжение и все государственные доходы, в том числе и все даннические повинности с трудового населения.

В административном отношении польское государство делилось на *каштелянии*, или *поветы*. Во главе поветов стояли королевские наместники, так называемые *каштеляны*,

представлявшие в своем лице на местах неограниченную королевскую власть; они были судьями, сборщиками податей и командующими местными войсками. В качестве помощников при королевских наместниках состояли: *судья*, *скарбник* (казначей) и *коморники* (судебные пристава и полицейские чиновники). *Каштелянии*, или *поветы*, делились на *ополя*; во главе каждого *ополя* стоял *жупан*, или *пан*. Административным и военным центром *каштелянии* был *грод*, укрепленный пункт (русск. «город», лат. *castellum*). Все названные выше должностные лица составляли армию королевских *урядников* (польск. *urzędnik*), т. е. чиновников, королевскую бюрократию, состоявшую на службе и иждивении короля. Представителями высшей бюрократии были: *воевода*, заместитель короля по верховному командованию армией во время войны; *канцлер*, заведывавший королевской канцелярией, и целый ряд придворных чинов: *чашники*, *стольники*, *конюшие*, *ловчие*, *скарбники*, *коморники*.

При короле состоял рыцарский отряд его личной охраны. Королевское же войско было размещено по городам и в лагерях. Оно делилось на полки (по тысяче человек в каждом), на сотни и на десятки, а по вооружению—на рыцарей панцирных, носивших в качестве военного обмундирования *шишак* и *кирасу*, т. е. панцирь, и вооруженных копьем (*oszezer*, «ощец») и мечом, а также на рыцарей щитовников, вооруженных деревянными щитами и копьями. Как армия чиновников, так дружина и войско содержались на средства короля. Основным источником этих средств королю служили массы трудового народа, так называемые *кмети* (польск. *kmieć*), т. е. крестьяне. Польское крестьянство в это время пользовалось личной свободой, землей и правом свободного передвижения, за что вносило в королевскую казну плату в виде целого ряда *поборов*: *поральное*, *подымное*, *подворовое*, *ссынное* (*ser*)—с урожая хлеба, «*парез*» (*parraz*)—со скота для королевского стола; «*стража*», или *сторожевое* (*stróza*),—на содержание военного гарнизона; при разбедах князя (короля) или его урядников крестьяне обязаны были поставлять перевозочные средства—*лошадей* (*podwody*) и *возы* (*powóz*) и перевозить багаж короля и всей его своры (*przewod*), а на остановках доставлять им продукты питания (*stan, stacya, stanowisko, nastawa*).

Уже князь Мешко (по-русски «Медведь»), он же Мечислав I, выступает в истории как владетель огромной территории, доставшейся ему по наследству от отца Земомысла, обнимавшей землю полян, серадзян, ленчан, куявов, мазуров, белых и черных хорватов в Карпатах. На западе владения этого полянского, или польского, князя доходили до Одры, на юге они граничили с Чехией, на востоке с ятвягами и Русью, на севере

¹ Фридрих Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1932, стр. 107 и сл.

с поморскими славянами (поморяне) по левой стороне Вислы и с пруссами—по правой. Однако в военном отношении Польша в это время оказалась не настолько еще окрепшей и организованной, чтобы выдержать натиск своего мощного западного соседа—германцев, и Мешко, разбитый маркграфом Героном, наместником северо-восточной германской провинции (марки), принужден был признать ленную зависимость Польши от Германии (Оттон I). В предупреждение худших для себя последствий от возможных дальнейших нажимов на Польшу со стороны германцев он поспешил принять христианство (966) по латинскому обряду, а два года спустя, в 968 г., организовал по тем же соображениям и познанское епископство, подчиненное магдебургскому архиепископству, созданному Оттоном I для укрепления своих политических позиций в среде вновь обращенных в христианство полабских славян. Угрожаемый постоянно со стороны западного соседа и недостаточно еще обеспеченный внутри страны в обстановке напряженной племенной борьбы, Мешко боролся за свое самосохранение, имея руки развязанными для любого маневрирования, и, заключая союзы то с немцами, то с полабскими славянами, легко изменял и тем и другим, смотря по тому, на чьей стороне в данный момент оказывалась сила, и с кем ему именно в данный момент было выгоднее поддерживать союзнические отношения. Во всяком случае, он так же энергично вместе с немцами выступал против полабских славян, как не менее энергично боролся вместе со славянами же против немцев. Словом, в своей внешней политике и в международных отношениях он действовал смотря по обстоятельствам.

В тех же целях самосохранения он старался заключать родственные союзы с соседними государями, причем по тем же, очевидно, соображениям выдавал дочь Зигфриду три раза замуж: сначала за шведского короля Эриха, потом за норвежского Олафа и, наконец, за датского Свена. «Стараясь извлечь выгоду из каждой смуты в Германии,—говорит о Мешке польский историк,—он покидал друзей в нужде и соединялся с их врагами. Когда по смерти Оттона I вспыхнула война между кандидатами на трон—сыном покойного Оттоном II и Генрихом баварским—Мешко поддерживал последнего, но лишь до тех пор, пока первый не одержал верх. Покорившись Оттону II, Мешко не сохранил верности его потомку. Как только по смерти императора вспыхнула новая война за престол между его малолетним сыном Оттоном III и Генрихом баварским, Мешко вторично изменил саксонской династии. И лишь тогда, когда Оттон III вышел из борьбы победителем, Мешко принес ему ленную присягу, обещал дружбу и подарил верблюда». Характеризуя в приведенных выше словах политику Мешко, поль-

ский историк говорит о его благоразумии и предусмотрительности.¹ Во всяком случае, незадачливые далекие преемники князя Мешка, господа Мосьцицкие, Пилсудские и Беки в своей международной политике были не менее «благоразумны» и «предусмотрительны», однако из этого ничего не вышло, очевидно потому, что в свое время они не догадались подарить западному соседу верблюда. Жить бы им во времена Мешка, когда верблюды имели успех!

Перед смертью «благоразумный» Мешко разделил свои владения между сыновьями от двух своих жен: первой—Дубровки, дочери чешского князя Болеслава I, и второй—Оды, бывшей монахини, которую он выкрал из монастыря. Старший сын его Болеслав Храбрый, получив в свои руки власть, немедленно ликвидировал «благоразумие» отца тем, что изгнал из своих владений младших братьев с их матерью Одой, а доставшиеся им по наследству от отца владения присоединил к своим землям. Затем, заключив союз с киевским князем Владимиром и признав свою зависимость от Германии, которую он усердно поддерживал в ее наступлении на полабских и прибалтийских славян, обеспечив себе таким образом восточный и западный тыл, Болеслав завоевал поморских славян. Через христианских миссионеров он стал нащупывать почву для овладения землями пруссов; захватил ряд соседних с Польшей чешских владений на юге; организовал в Гнезне с разрешения Германии польское архиепископство, что положило начало независимости Польши от Германии в церковном отношении; получил корону непосредственно из рук германского императора и титул патриция римского народа, что, однако, не давало ему политической независимости: захватил земли соседних с Польшей вдоль ее западных границ сербов-лужичан и мильчан и, воспользовавшись внутренними неурядицами в Чехии, пытался присоединить Чехию к Польше. Захватническая политика Болеслава, приведшая к значительному расширению территории владений Болеслава, и, в частности, его вмешательство в чешские дела привели польского князя к вооруженному столкновению с Германией, которое тянулось в течение 14 лет и закончилось в 1018 г. миром и договором о взаимопомощи с Германией, по которому в руках Болеслава остались Лужицы, область мильчан и Моравия.

Заключив мир с Германией и подкрепив свои силы немецкими войсками, Болеслав поспешил в Киев на помощь своему зятю Святополку Владимировичу, который, убив своих младших братьев Бориса и Глеба, захватил в это время в свои руки

¹ См. Влад. Грабенский. История польского народа. СПб., 1910, стр. 12.

киевское княжество, но был изгнан из Киева братом Ярославом новгородским. Болеславу удалось овладеть Киевом и посадить на киевский стол Святополка. Пробыв в Киеве одиннадцать месяцев, Болеслав вернулся в Польшу, разграбив по дороге Червонную Русь (Хорватию) в Карпатах, и в 1025 г., без санкции римского папы и германского императора, был самочинно коронован гнезненским архиепископом, чем формально утвердил свою политическую независимость от Германии.

Разбухшая в результате насильственных захватов Болеславом чуженациональных территорий, Польша распалась по швам и распалась тотчас же после смерти Болеслава, при его сыне Мешке II (1025—1034). Венгерский король Стефан отнял у польского князя подкарпатскую Словакию; датский Канут, прозванный Великим, занял Поморье; чешский Бжегислав I отнял Моравию; великий князь киевский Ярослав Мудрый воссоединил с Киевской Русью отторгнутую от нее поляками Червонную Русь; германский император Конрад II—Лужицы и область мильчан.

После смерти Мешка II, ввиду малолетства его сына Казимира, Польша вступила в полосу бескоролья (1034—1040). Государством управляла мать Казимира, Рихеза, племянница Оттона III. Эти годы бескоролья отмечены в истории Польши первой народной революцией, массовым восстанием наиболее угнетенных классов польского общества, рабов и кметей, страдавших от невыносимой эксплуатации и непосильных королевских поборов. Веками накопившийся народный гнев вылился, наконец, в форму беспощадного погрома не только непосредственных народных насильников и эксплуататоров—чиновников, рыцарей и ксендзов, но и всего, что так или иначе носило на себе печать эксплуатации и насилия: городов, костелов и самого христианского культа, отказываясь от которого, народ возвращался к старым культовым традициям родового строя—к язычеству. Восстание рабов и кметей приняло широкие размеры и внесло значительное расстройство в государственную жизнь монархической Польши. Вдовствующая королева с сыном бежала в Германию, где нашла себе приют у Генриха III. В среде племенной знати возродились старые традиции племенного сепаратизма, насильственно придушенные в свое время грабежом и разбоями польских князей и парализованные монархией Пястов. Страна подверглась нападению Бжегислава чешского, который взял города Краков, Геч и Гнезно и угрожал полным завоеванием Польши, чему помешало вмешательство Генриха III в пользу Польши.

С помощью немецких войск Казимир вернулся в Польшу, задушил народное восстание и вступил в исполнение своих

наследственных княжеских прав (1040—1058). Обеспеченный со стороны Чехии поддержкою Генриха III, Казимир женился на дочери Ярослава Мудрого, Марии Доброгне, и этим родственным союзом укрепил свои позиции и на востоке, что дало ему возможность воссоединить с Польшею отложившуюся от нее Мазовию. Он занялся реставрацией пошатнувшейся за годы народного восстания монархической Польши и ее хозяйства, ввиду чего был окрещен феодальными историками именем «Реставратора» и «Обновителя» Польши, хотя никакого обновления в государственную жизнь Польши он, по существу, не внес: он восстановил рабовладельческий аристократический монархизм со всеми связанными с ним привилегиями эксплуататорских классов и укрепил бесправие трудовых масс польского народа.

Внешние политические обстоятельства содействовали усилению монархического деспотизма преемника Казимира—его сына Болеслава, прозванного Смелым или Щедрым (1058—1080). Генрих IV был занят борьбою с папою Григорием VII; Чехия, Венгрия и Россия переживали внутренние неурядицы на почве борьбы князей за уделы. Это дало Болеславу Смелому возможность путем военных вмешательств в династические распри укрепить свое влияние в Венгрии поддержкою князя Бели и его потомков против его брата Андрея и его потомков; в Чехии—поддержкою Яромира против брата Вратислава; на Руси—поддержкою изгнанного из Киева великого князя Изяслава и захватом в 1069 г. Киева. Ловя в мутной воде рыбу, Болеслав создал себе в международном окружении известный политический авторитет репающего фактора, в чем сам он был убежден, повидимому, больше всех, ввиду чего занял вызывающую позицию по отношению к своему защитнику и опекуну Генриху IV, которому был обязан и своим тронem и всеми своими успехами. Генрих IV объявил Болеслава бунтовщиком и лишил его престола. В ответ на это Болеслав в 1076 г. устроил себе торжественную коронацию. Это, однако, не спасло его от печальной развязки.

Упоенный внешними головокружительными успехами, питавшими его честолюбие, Болеслав не доглядел того внутреннего взрыва, который он сам же подготовлял себе своим деспотизмом. Положение в стране приняло настолько острый характер, что стало невыносимым даже для его ближайших сановников-аристократов, привыкших обыкновенно к покорному раболепию перед королевскою властью и из личных выгод, которые давала им преданная служба королю, содействовавших укреплению королевского деспотизма. Военный авантюризм Болеслава становился им, очевидно, немотогу. Против короля организовался заговор во главе с его младшим

братом Владиславом Германом, поддержанным сановниками в лице воеводы Сецеха и краковского епископа Станислава из Щепанова. Заговор был раскрыт. С зверской жестокостью Болеслав расправился с заговорщиками; епископа Станислава он собственноручно изрубил в куски. Но это не спасло положения. Оппозиция оказалась настолько сильною, что Болеслав принужден был сложить оружие и бежал за границу.

После бегства Болеслава польский престол занял его брат Владислав I Герман (1080—1102). Будучи ставленником оппозиции, свергнувшей с престола Болеслава, Владислав оказался всецело в руках воеводы Сецеха, который пользовался им как орудием для достижения своих целей. Основная цель Сецеха и его ближайшего окружения была направлена к ликвидации династии Пястов и к замене ее новою, своей собственной династией. Осуществить свои замыслы Сецеху и его партии, однако, не удалось, потому что и Пясты имели в стране сильную группу своих сторонников. При их поддержке сыновья Владислава I, Збигнев и Болеслав, подняли против отца и воеводы Сецеха восстание, в результате которого Сецех был изгнан из Польши, а Владислав, сохранив за собою верховную власть, разделил государство между Збигневом и Болеславом, отдав Збигневу в удел Великую Польшу (земли полян) и Мазовию, а Болеславу—Малую Польшу (Краков) и Силезию.

После смерти Владислава-Германа между братьями начались раздоры и борьба за верховную власть, в результате которой интриговавший против брата Збигнев лишился своих владений. Болеслав, прозванный Кривоустым (1102—1138), присоединил удел брата к своим владениям и единолично управлял объединенным королевством, а перед смертью поделил свои владения между сыновьями, установив в Польше ту же систему престолонаследия, построенную на принципе сеньората, т. е. старшинства в роде (удельная система), которая в это время уже действовала на Руси (Ярослав Мудрый, 1054) и в Чехии (Бжетислав I, 1055).

Глава IV

ПЕРВОЕ БОЛГАРСКОЕ ЦАРСТВО

(679—1018)

В 1866 г. русский ученый А. Попов открыл интересный документ, написанный на русском языке с сохранением в тексте слов и выражений на каком-то загадочном языке. Этот документ оказался списком или именником первых болгарских князей с древнейших времен до 765 г.¹ и представляет собою очень ценный документ, позволяющий восстановить с большою точностью хронологические даты правления болгарских князей до Аспаруха, но особенно начиная с Аспаруха и его ближайших преемников. До Аспаруха в этом списке названы болгарские князья или ханы: А в и т о х о л, И р н и к—оба из династии Дуло; Г о с т у н—из рода Ерми; К у р т, Б е в м е р—из той же династии Дуло. «И потом,—читаем мы в списке,—приде на страну Дуная И с п е р и х князь тожде и доселе». А затем следует продолжение списка, составленное после Аспаруха при одном из его преемников, в котором названы: И с п е р и х из династии Дуло (сын Курта, или Куврата, см. выше), вступивший на болгарский престол, согласно расшифровке проф. Златарского, в течение 642 г. и переправившийся через Дунай в 660 г., Т е р в е л ь из той же династии; С е в а р—то же; К о р м и с о ш—из рода Вокиль; Т е л е ц из рода Угаин; У м о р из рода Укиль (Вокиль); В и н е х—то же; год вступления на болгарский престол Винеха, последнего из князей, поименованных в списке,—765—766 н. э.²

¹ См. А. Попов, Обзор хронографов русской редакции. М. 1866, I, 25 и сл.; проф. В. Н. Златарский, История на българската държава през средните векове, I, ч. I, София, 1918, стр. 219, 226 и сл., 379—382 и др. Отдельные загадочные неславянские слова и выражения в этом списке пыгались расшифровать: Гильфердинг, Иречек, Куник, Радлов, Гези Куун, Вамбери, профессор Кембриджского университета Вугу, проф. В. Н. Златарский.

² В. Н. Златарский, Болгарское летоисчисление. «Изв. Отд. русск. языка и словесности ИАН», т. XVII (1912), кн. 2; см. его же, Имали ли са българите свое летоисчисление? «Списание на Българ. Акад. на науките», т. I, I (1911), стр. 16—24.

Заклучив в 679 г. мирный договор с Византией (Константин IV Погонат) и установив, согласно договору, границы своего государства, Аспарух тем самым юридически оформил международное признание вновь возникшего на византийской территории болгарского государства как самостоятельной, независимой державы. Этот договор Константина IV с «варварами» не пользовался популярностью в византийском обществе, и ближайший преемник Константина IV, его сын Юстиниан II (685—714), попытался нарушить договор с болгарами и с этой целью предпринял поход против Болгарии, но в одном из балканских проходов был разбит болгарами и едва сам лично успел спастись бегством.

Свергнутый вскоре после этого с престола, он обратился за помощью к преемнику Аспаруха, князю Тервелю (702—719), пообещав ему богатые подарки и свою дочь в жены, если только он поможет ему вернуть престол. Тервель пошел навстречу просьбе Юстиниана и в 705 г. неожиданно для византийского правительства явился со своим войском, составленным «из болгар и славян», к самым стенам византийской столицы. В результате этого военного выступления Тервеля Юстиниан был восстановлен на престоле, Тервель же всенародно получил от византийского императора царскую мантию, был провозглашен кесарем. Кроме того, он получил дополнительный приренок византийской территории к своим владениям по ту сторону главного Балканского хребта, так называемую Среднегорскую область с плодороднейшими долинами по р. Туниже (Туловско поле) и притокам р. Марицы, известную впоследствии под именем Загорие, и в 706 г. с богатыми подарками вернулся в Болгарию. В официальных документах византийского правительства Тервель после этого стал именоваться титулом «канасивиги», т. е. великий князь. Византийское правительство не могло, однако, мириться с создавшимся положением вещей и еще раз после этого попыталось ликвидировать «варваров», но и на этот раз болгарам удалось нанести византийской армии сокрушительный удар. В Византии наступили внутренние неурядицы, чем воспользовался Тервель, дважды в это время опустошивший византийские владения, и византийское правительство вынуждено было заключить с Тервелем в 716 г. новый, выгодный для Болгарии, договор, который оставался в силе в течение всего правления Льва III (717—741).

При ближайших приемниках Тервеля (Кормисох, Винех, Телец, Сабин, Умар, Телериг, Кардам), начиная с 735 г. и вплоть до вступления на болгарский престол Крума (802—815), Болгария становится жертвою сложных внутренних неурядиц, связанных с борьбою партий в среде боярства (бойлы). Она переживает несколько династических переворотов, чем искусно

пользуется византийское правительство, стараясь частью интригами в среде болгарского боярства, частью непрерывными военными мероприятиями, наконец—всемерным разжиганием национальной славяно-болгарской розни внутри княжества максимально ослабить его политическую и военную мощь. Тем самым оно старалось окончательно добить своего ненавистного соседа и узурпатора византийской территории, имеющего перед собою огромный резерв славянского населения на полуострове для дальнейшего расширения своих владений и укрепления своего политического влияния и своей мощи, угрожавших самому существованию империи. В связи с этим стоит и «славянофильская» политика византийского правительства, выражавшаяся, в частности, в законодательной реформаторской деятельности императоров Исаурийской династии, в издании так называемой эклогии земледельческого закона (Nomos georgicos). Последний заведомо был рассчитан на укрепление византийского влияния в среде славянского населения на полуострове в целях противодействия успехам славянской объединительной политики болгарского правительства. Однако все усилия раздираемой внутренними классовыми противоречиями, угрожаемой на востоке со стороны арабов и разлагавшейся теократической империи парализовать политические успехи Болгарии и остановить ее дальнейшее наступление на византийскую территорию были тщетными. «Варварская» Болгария во главе с такими выдающимися для своего времени государственными деятелями и полководцами-завоевателями, как Крум (802—815), Омортаг (815—831), Борис-Михаил (852—888) и Симеон (893—927), продолжала с каждым годом расширять свою территорию на полуострове за счет византийских владений и укреплять политическую и военную мощь.

К Р У М

(802—815)

Когда вождь франков Карл, прозванный Великим (768—814), объединив под своею властью все германские племена и создав таким образом обширное государство, ликвидировал на территории Паннонии последние остатки аварской державы, Крум, поддерживавший добрососедские отношения с аварами, занял принадлежавшие аварам юго-восточные районы Венгрии, а также область Банат, заселенные аварами и славянами, и таким образом Болгария на Тиссе и Саве вступила в непосредственное соприкосновение с великою державою франков и значительно усилила свои территориальные и военные ресурсы. С другой стороны, новые территориальные приобретения Болгарии на северо-западе лишали Византию непосредственной сухопутной

связи с Западом, т. е. наносили серьезный удар по ее экономическим интересам, что, повидимому, и явилось главной причиной того, что византийское правительство нарушило свой мирный договор, заключенный императрицей Ириной с предшественником Крума—Кардамом, а новый император Никифор I (802—811) в 807 г. открыл военные действия против Крума. Начиная с этого времени, болгарско-византийские отношения при Круме носят исключительно напряженный характер и протекают в обстановке жесточайших военных столкновений, ужасающего взаимоистребления массового мирного населения, кровавых погромов, грабежей, причем «культурные» византийцы в этом отношении ничем не уступают «варварам» Крума. В одном из бесконечных военных столкновений с византийской армией, которыми наполнено все правление Крума, чаще всего при этом не по инициативе последнего, 26 июля 811 г. болгары нанесли византийцам поражение, какого до тех пор еще не знала история Византии. Командующий византийской армией император Никифор был убит в бою, все его военачальники уничтожены. Болгарам досталась огромная военная добыча.

По преданию, Крум насадил голову Никифора на копье, а затем приказал череп его оковать в серебро и в дни больших торжеств пил из этой чаши здравицу за своих славянских бояр и им предлагал пить из нее же. Однако Крум был не только варваром-завоевателем, жившим захватническими устремлениями, грабежом и насилиями, приносившими ему огромные доходы; он был вместе с тем и хорошим организатором своего далеко еще внутренне не окрепшего и не благоустроенного государства. Он привлекал к себе на работу иностранных специалистов, вроде арабских военных инженеров и греческих финансистов и т. п.; ему же предание приписывает и широкую законодательную деятельность, направленную к урегулированию внутренней политической и общественной жизни страны.

ОМОРТАГ

(815—831)

После смерти Крума и кратковременного, в течение нескольких месяцев, правления его преемника Цоко, свергнутого с престола и убитого партией Крума, на престол был возведен сын Крума, знаменитый впоследствии «канасивиги», как величают его надписи, Омортаг, или Мартагон (815—831), еще более расширивший границы Болгарии за счет византийской территории, основавший в 821 г. новую столицу Преслави и оставивший после себя целую библиотеку надписей на камнях

и на колоннах, в которых Омортаг говорит о своих успехах и достижениях. Заключив с Византией тридцатилетний мирный договор, Омортаг обратил все свое внимание на северо-запад и северо-восток своих владений. На северо-западе подвластные ему племена—тимочане, кручане и бодричи, угрожаемые наступлением на них с севера франков (Людовик Благочестивый, 778—840), стали добровольно переходить под власть франков; на северо-востоке, в Валахии и в Бессарабии, болгарские владения стали тревожить угры. Попытка Омортага договориться с Людовиком и уточнить государственные границы не увенчалась успехом: Людовик не ответил на соответственное приглашение Омортага, и последнему пришлось разрешать этот вопрос военными средствами, т. е. походом по Драве в свои северо-западные владения. В конце концов, Омортагу пришлось отказаться от части своих владений на крайнем северо-западе, в Посавской Паннонии, удержав, однако, за собою города Сирмиум (теперь Срем) и Сингидунум, получивший с этого момента имя Белград. Эти районы оставались во владении Болгарии вплоть до 1018 г., когда так называемое Первое болгарское царство, сломленное, наконец, Византией, прекратило свое существование и было превращено в византийское наместничество.

БОРИС - МИХАИЛ

(852—888; ум. 907)

С именем князя Бориса, или Богориса, связывается крупнейшее событие в истории болгарского народа, которое внесло существенные изменения во внутреннюю жизнь болгарского общества и в международное положение Болгарии и заложило основы ее новой культурной жизни и новых политических отношений. Этим событием было принятие Борисом христианства по византийскому обряду.

Уже с первых веков своего поселения на полуострове языческая славянская масса столкнулась здесь с христианством, которое стало распространяться на полуострове начиная с II в., а в IV веке в городе Сердице (София) уже был создан и духовный собор (343), что говорит об успехах, достигнутых к этому времени христианскою пропагандою в этих районах Римской империи. В это же время христианская догма была объявлена господствующей религией в Византийской империи (Константин Великий), ибо к этому времени эта догма фактически была, очевидно, уже господствующей среди местного населения, в том числе, несомненно и среди известных кругов славянского населения на полуострове. Таким образом, в то время как высшие классы болгарского общества (Крум, Цоко, Омортаг)

оставались язычниками и боролись с христианской пропагандой, видя в ней византийскую интригу, угрожающую существованию Болгарии, известные круги славянского населения в значительной своей части формально уже были христианами, т. е. культурно, а стало быть, и политически уже были втянуты в сферу византийского влияния.

К IX в. Болгария уже представляла собою крупную политическую единицу, активно выступавшую на арене международных отношений. С нею ищет союза моравский князь Ростислав в своей борьбе с Людовиком немецким; с нею же ищет союза и Людовик немецкий, мечтавший о захвате Моравии. Последнему удается привлечь Бориса на свою сторону, но, чтобы еще более тесно связать союзные узлы, он настаивает перед Борисом в 862 и 863 гг. на принятии христианства. Вопрос о принятии христианства в эту эпоху для правящих классов Болгарии был, прежде всего, вопросом политическим. Современное международное право великих держав нетерпимо относилось к политическим организациям, где еще сохранялся языческий культ: оно отказывало им в признании, отрицало легальность их существования, рассматривало их как налетчиков и узурпаторов. Для молодого, развивающегося и крепнущего политического организма, каким в это время была Болгария, такое положение в области международных отношений было немислимо: оно мешало естественному развитию организма.

В то время как Людовик немецкий через голову Ростислава моравского вступил в сношения с Борисом, имея в виду вовлечь его в союз для нажима против Моравии, Ростислав моравский, с своей стороны, через голову болгар вступил в сношения с Византией, в результате чего в 863 г. византийским правительством была отправлена в Моравию специальная миссия с культурно-просветительными заданиями во главе с известными солунскими братьями—Константином (Кириллом) и Мефодием, из которых первый был не только выдающимся ученым, но и одним из выдающихся византийских дипломатов. Таким образом болгарский тыл оказался бы весьма небезопасным на тот случай, если бы Людовик вздумал осуществлять свое намерение захватить Моравию. Мало того, пока Людовик собирался прибрат к рукам Моравию, Византия неожиданно в 863 г. предприняла наступление против Бориса, вынудив его просить мира, а в 865 г. Борис принял христианство от Византии, объявив его государственной религией: этого требовали внешние и внутренние политические интересы болгарского князя.

Нельзя, однако, думать, чтобы сторонники германского влияния в правящих болгарских кругах могли спокойно отнестись к своему поражению и победе своих противников,

византийско-славянской партии. По всем вероятностям, они вели определенную интригу, требовали пересмотра дела, доказывали необходимость для Болгарии союза с Людовиком именно, а не с Византией, с которою у них еще не все счеты были сведены и на которую у болгар имелись свои виды.

Несомненно также и то, что эту оппозицию составляло старое болгарское боярство, потерпевшее, вместе с принятием христианства, поражение и в борьбе за свое политическое преобладание и ограничение княжеского абсолютизма. В этой сложной политической обстановке Борис (в христианстве—Михаил) по секрету от Византии в 866 г. неожиданно обратился к римскому папе с просьбою, чтобы тот изложил ему основы истинного христианского учения, разрешил бы вопрос о болгарском патриархате, дал бы руководство в гражданских делах и выслал бы ему духовных лиц, которые наставили бы его народ. С аналогичною же просьбой он обратился одновременно и к Людовику немецкому.

Рим, заинтересованный в том, чтобы захватить Балканский полуостров в сферу своего влияния, охотно пошел навстречу Борису. Однако, когда Борис потребовал конкретного разрешения интересовавших его вопросов, в частности—вопроса об организации церковного управления, Рим стал вести себя весьма уклончиво, не скрывая тенденции сосредоточить светскую власть в своих руках. В 870 г., воспользовавшись заседавшим тогда в Константинополе церковным собором, Борис провел вопрос чрез этот собор, который решил дело в пользу подчинения Болгарии в церковном отношении Византии. Немедленно после этого, невзирая на протест папских легатов, византийский патриарх Игнатий, по соглашению с Борисом, назначил для болгарской церкви особого архиепископа. Таким образом болгарский князь Борис-Михаил получил, в конце концов, то, что отвечало его стремлениям к упрочению международного положения Болгарии как самостоятельного государства, к укреплению абсолютизма во внутреннем управлении и к установлению добрососедских отношений с Византией.

Акт принятия Болгарией в IX в. христианства от Византии определял собою дальнейшее направление и характер ее культурно-политического развития. Как в организации внутреннего управления, так и во всем быту, в искусстве и литературе господствующих классов правящая Болгария имела для себя высшим образцом и непререкаемым авторитетом Византию, ее организацию власти, быт ее двора, ее церковность, ее искусство и литературу. К этому образцу она тянулась, ему она подражала, его она воспроизводила в мелочах для того, чтобы, сравнившись с ним, состязаться с ним же в борьбе за первенство власти.

С именем князя Бориса-Михаила в истории болгарской культуры, помимо принятия христианства, связывается еще два крупных события, имевших в свое время большое культурно-общественное значение. Во-первых, это приглашение Борисом к себе моравских учеников знаменитого в истории славянской книжности и просвещения моравского учителя Мефодия—Климента, Наума, Ангелария и др., которые, преследуемые после смерти своего учителя (885) его преемником Вихингом, принуждены были бежать из Моравии и, переправившись через Дунай, попали в пределы тогдашней Болгарии, в Белград, откуда наместником болгарского князя Боритаканом были направлены к Борису. Борис использовал этих образованных пионеров славянской грамоты и просвещения в своих культурно-политических целях, назначив, между прочим, Климента—организатора, проповедника и писателя—на должность учителя в Кутмичевицу в Охридской области (Македония), где он и умер в 916 г. в сане епископа Величского, оставив после себя целый ряд литературных трудов, имевших крупное культурно-историческое значение.

Во-вторых, при болгарском князе Борисе был переведен на славянский язык византийский сборник законов, известный под именем «Номоканон», или «Кормчая книга», первый писанный свод законов, наставлений и правил церковного и светского характера.

При Борисе-Михаиле территория болгарского царства расширилась еще больше сравнительно с территорией Болгарии при Омортаге. В нее входили теперь, между прочим, вся Македония за исключением ее юго-западной части с г. Солунью, а также сербские области Призрен, Ипек и Рашка.

В 888 г. Борис-Михаил отрекся от престола в пользу старшего своего сына Владимира и по обычаю того времени «удалился на покой» в монастырь. Но когда его сын обнаружил намерение восстановить права старого язычества, он арестовал Владимира, ослепил его и заключил в тюрьму, а вместо него посадил на престол младшего своего сына Симеона, после чего вновь удалился в монастырь, где принял схиму и скончался 2 мая 907 г.

СИМЕОН

(893—927)

Получив воспитание при византийском дворе, Симеон своими глазами видел, наблюдал и проникался «свчаями и обычаями» византийского абсолютизма, видал его пышный церемониал, его дворцовую роскошь и богатство, золото и пурпур, его искусство и науку, и по настроению стал истым византийцем. Эта

школа сослужила Симеону хорошую службу, когда он взошел на болгарский престол и повел непримиримую, агрессивную политику против своего же учителя, Византии.

Все устремления Симеона во внешней политике были направлены в основном к захвату Константинополя и византийского престола. Действуя как искусный полководец и тонкий дипломат, Симеон, с одной стороны, ведет непрерывные войны с Византией (894, 896, 904, 913, 920—924), значительно расширяет границы старой болгарской державы, доходившей теперь на юго-востоке почти до самых стен Константинополя (Визе, Люле-Бургас, Эски-баба, Родосто), на юге охватывавшей Димотику, Серес, Македонию и Албанию, на западе—побережье Адриатического моря и старосербскую область Рашку; объединяет под власть болгарской государственности целый ряд новых славянских племен и областей. С другой стороны, в своей агрессивной захватнической политике он впервые сталкивается со своим западным соседом, славянскими племенами сербов, сидевшими в области между реками Ибар и Лим. К IX в. Симеон уже образовал здесь вокруг себя первую независимую Сербскую державу, которая хотя и входила в состав Симеоновой Болгарии, но неохотно мирилась с этим положением вещей, стремясь свергнуть с себя болгарское великодержавное иго, что сербам и удалось сделать в 924 г., когда они нанесли поражение болгарским войскам и отстояли свою независимость.

Занять византийский престол Симеону, однако, так и не удалось, но свои военные и политические успехи он завершил провозглашением себя в 925 г. «Вазилевсом», т. е. «царем, цесарем и самодержцем всех болгар и ромеев», и стал официально титуловаться: «во Христа бога благоверный царь и самодержец всех болгар и греков». Этот титул, хотя бы номинально приближавший положение болгарского князя к роли и положению византийского императора, интересен, в частности, в том отношении, что он показывает, что в конце IX и в начале X в. балканские славяне, вошедшие с VII в. в состав болгарской державы и составлявшие ее коренное и основное массовое население, известные при первых болгарских князьях византийским историкам всегда под именем с л а в я н наряду с другим упоминаемым ими же этническим именем б о л г а р, очевидно уже утратили свое старое племенное имя—с л а в я н е и получили имя своей политической организации, т. е. и м я б о л г а р. Другими словами, болгарская государственность передала свое имя и своему не-болгарскому, славянскому населению, так что «болгарин» во время Аспаруха и его ближайших преемников (VII—VIII вв.) означал еще именно б о л г а р и н а а с п а р у х о в о й д р у ж и н ы; в конце же IX в. это имя уже о з н а ч а е т славянина болгарского г о с у д а р с т в а,

которое к этому времени и по культуре и по языку было уже славянским государством.

Что касается внутренней политики царя Симеона, то она органически вытекала из его основного стремления к захвату Византии, диктовавшемуся политическими и хозяйственными интересами господствующих классов болгарского общества. Для того чтобы подготовить в международном масштабе приваение захвата византийского престола, Симеон должен был озаботиться тем, чтобы и в культурном отношении он был равным Византии так же, как он был равен ей своею территорией и своими политическими успехами. Византия была центром науки, искусства, литературы. И Симеон, получивший хорошее литературное образование при византийском дворе, создает у себя при болгарском дворе славянский литературный центр, сам занимается литературою, по выражению византийского патриарха Николая, «ежедневно напоая свою душу живоною водою учения и любознательно перечитывая книги древних»; переводит избранные сочинения византийских (греческих) авторов на славянский язык, вроде, например, Иоанна Златоуста (Златоструй, «Симеонов сборник»); поручает ряд литературных работ другим лицам, поддерживая всячески литературную и культурно-просветительную работу у себя в Болгарии. При Симеоне развивают свою большую литературную деятельность уже названный нами выше Климент, один из образованнейших людей своего времени, затем пресвитер Константин, екаарх Иоанн («Шестоднев»), черноризец Храбр («О письменах») и др. Это литературное движение, характеризуемое в истории славянских литератур обычно как «золотой век» славянской письменности, легло в основу последующего литературного развития у всех славян на востоке и западе и создало из Болгарии своего рода колыбель славянской литературы и образованности.

Кроме того, некоторыми учеными (Зигель, Флоринский) инициативе Симеона приписывается издание компилятивного сборника законов, известного под именем «Закон судный людем», хотя болгарский ученый проф. С. С. Бобчев склонен отнести составление этого юридического памятника скорее к предыдущей эпохе, к эпохе Бориса.

Верный византийским традициям своего родителя и сам убежденный «византиец», Симеон завершил укрепление своей власти, лишив феодальных жупанов права наследования в своих областях и введя взамен наследственного права назначение верховною властью на должности жупанов доверенных лиц, вследствие чего полунезависимые феодалы превратились в провинции, во главе управления которых стояли местные органы центральной правительственной власти. Таким образом,

в начале X в. Болгария по своему государственному, политическому и социальному строю, а равно и по культуре господствующих классов, представляла собою приближение к Византии с ее абсолютизмом, с господством светского и духовного чиновничества и знати, с закабаленным, угнетаемым и разоренным непрерывными войнами массовым населением.

По мере того, как крепла мощь господствующих классов и официальная Болгария все более и более превращалась в маленькую Византию с большими претензиями занять место разлагавшейся и умиравшей большой Византии, все более и более росла и углублялась пропасть между высшими правящими классами и народом, между официальными государственностью и церковностью, с одной стороны, и народным сознанием—с другой. Это непримиримое противоречие послужило основой, на которой развилось и вспыхнуло в Болгарии в ее народных низах при ближайшем преемнике Симеона—Петре (927—969) огромное революционно-рационалистическое движение, известное под именем б о г о м и л ь с т в а .

ПАДЕНИЕ ПЕРВОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА

Блестящие успехи Симеона в области внешней политики, блеск его двора и богатства духовной и светской правящей знати, купленные дорогою ценою крови и разорения народа, не обеспечивали устойчивости и прочности полufeодальной болгарской державы, и со смертью царя Симеона начинается процесс ее быстрого упадка и разложения.

Преемником Симеона на болгарском престоле явился второй из его сыновей, кроткий, богобоязненный и миролюбивый Петр (927—969). Старший, Михаил, по неизвестным причинам был отстранен от престола и пострижен в монахи. Ввиду молодости Петра в качестве советника и руководителя Симеон приставил к нему его дядю Георгия Сурсовула. Эти обстоятельства, повидимому, сослужили роль стимула к развитию в правящих болгарских кругах внутренних трений и борьбы за власть.

Трения начались с момента заключения Георгием Сурсовулом на очень выгодных для Болгарии условиях мира с Византией (927). Болгария была признана в границах, оставленных ей Симеоном; за болгарским князем официально был признан титул царя; за болгарскою церковью полная независимость и собственный патриарх, да кроме того Византия обязалась платить Болгарии ежегодную дань. Политический мир был скреплен заключением родственного союза между византийским и болгарским дворами женитьбою царя Петра на внучке императора Марии.

Однако заключение этого мира, повидимому, не отвечало ни интересам, ни настроению сильной придворной военной партии и поддерживавшего ее феодального боярства, а разоренные города и закрепощенное в большинстве своем за светскими и духовными земельными вотчинниками крестьянство не могли быть для правительства Петра какою-либо опорой в его борьбе с притязаниями феодалов. Напротив, разоряемое постоянными войнами и эксплуатируемое агентами светской и церковной власти массовое городское и сельское население или спасалось бегством в Византию и Сербию, или уходило в леса и горы, или же переходило в ряды антиправительственной оппозиции.

Поэтому правление Петра отмечено несколькими боярскими восстаниями, в одном из которых фигурировал отстраненный от престола Михаил (в Струмицкой области, в 930 г.), а в другой—младший сын Симеона—Иван (подготовка заговора против Петра происходила в 928 г.). Эти восстания обыкновенно жестоко подавлялись, но одно из подобных же восстаний, именно восстание одного из македонских феодалов Николы, окончилось для него удачно. Из западных областей болгарского царства он образовал независимое государство, стал во главе его, а Петру оставил восточную часть Болгарии. Таким образом, в 963 г. симеонова Болгария распалась на два самостоятельных царства: восточное и западное.

Вместе с вступлением на византийский престол воинственного Никифора Фоки положение восточно-болгарского царства, теснимого к тому же с севера мадьярами, стало критическим. В 968 г., решив покончить с унижительным положением болгарского данника, с одной стороны, и с другой—восстановить свои былые экономические выгоды, связанные с обладанием торговых путей на полуострове, находившихся в руках болгар, Никифор Фока не только отказался платить болгарам дань, но и с повором выгнал из Константинополя болгарских послов, явившихся сюда за данью. Такая неожиданная и резкая перемена византийской политики по отношению к Болгарии объяснялась крупными военными и политическими успехами Никифора Фоки на востоке в борьбе Византии с арабами.

Наметив план действий против болгар, Никифор Фока, при содействии специального эмиссара, херсонесца Калокира, поднял против болгар киевского князя Святослава. Вести борьбу с Святославом выпало на долю уже преемнику Петра, его сыну Борису (969—972).

В конце весны или в начале лета 968 г. Святослав во главе 60-тысячной армии спустился в лодках вниз по Днепру и Черным морем двинулся в устье Дуная. Болгария была застигнута врасплох, и выставленная ею против Святослава 30-тысячная

армия была разбита русским князем и заперлась в Доростоле (болг. Дръстър, древне-римск. Durostrum, теперь Силистра).

Согласно показаниям нашей летописи под 6475 (968) годом, Святослав в связи с поражением болгар, «взя город 80 по Дунаеву, и седе княжа ту, Переяславци, смяя дань на Грьдех». Центром своих болгарских владений Святослав сделал город Преславец, т. е. Малый Преслав, расположенный на правом, болгарском берегу Дуная, против болотистого озера Балта, между нынешними городами Черна-вода и Хърсов (Гирсово). Это был очень важный торговый пункт, лежавший в самом узком месте между Дунаем и Черным морем. По объяснению проф. Златарского, летописное выражение «город 80 по Дунаеву» следует понимать не в прямом смысле слова, как 80 городов, расположенных вдоль побережья Дуная, но как 80 городов тридунайской области или в области Дуная, т. е. в северо-восточной Болгарии. Таким образом, в первый свой поход на Болгарию Святослав, по объяснению проф. Златарского, завоевал нынешнюю Добруджу и часть Делиормана.

Чтобы спастись от киевского князя, болгарское правительство вступило в переговоры с Византией и одновременно предложило печенегам напасть на Русь и тем самым заставить русских с их князем очистить Болгарию, на что печенеги согласились и осадили Киев. Это заставило Святослава поспешить в Киев, но значительную часть своей армии он оставил в Болгарии.

Ликвидировав в Киеве угрожавшую ему со стороны печенегов опасность, в следующем же 969 г. Святослав вновь направился в свою болгарскую область. «Не любо ми есть в Киеве быти,—говорил Святослав своей больной старушке-матери Ольге,—хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середя земли моей, яко ту вся благая сходятся: от грек злато, паволоки, вина и овоее разноличные, из чех же, из Угрь сребро и комони, из Руси же скоро и воск, мед и челядь».

Во вторую болгарскую экспедицию 969 г. Святослав продвинулся из своего Переяславца уже далее на юг, занял самую столицу Болгарского царства—Великий Преслав, где захватил в плен болгарского царя Бориса II со всем его семейством и братом Романом, и, перевалив через Балканский хребет, взял Пловдив (Филиппополь), завоевал, таким образом, всю Болгарию и через Адрианополь проник на византийскую территорию, вплоть до нынешнего Люле-Бургаса (Аркадиополь). Встревоженная наступлением Святослава, угрожавшего уже теперь самой столице империи, Константинополю, Византия в лице преемника Никифора Фоки, Иоанна Цимисхия (969), принуждена была принять меры против своего же вчерашнего союзника и нанесла Святославу ряд жестоких поражений. Заклучив в 972 г. мир с Византией, Святослав покинул Бол-

гарнию и направился в Киев, но по дороге, у днепровских порогов, был убит из засады печенегами.

Открыв военные действия против Святослава, Цимисхий уверил болгар, что единственное его намерение—спасти Болгарию и восстановить ее погрязшие права. Закончив, однако, борьбу с Святославом, Иоанн Цимисхий объявил Болгарию присоединенной к империи, уничтожил болгарский патриархат, подчинив Болгарию в церковном отношении византийскому патриарху. Он оставил всюду свои гарнизоны и увел с собою в Константинополь болгарского царя, где последний принужден был всенародно снять с себя знаки царского достоинства и стать в ряды византийских сановников в звании магистра империи.

Вместе с этим актом восточно-болгарское царство прекратило свое независимое существование (971), но западно-болгарское царство со столицею сначала в Софии, а затем в Охриде, куда был перенесен и патриарший престол, продолжало сохранять свою политическую независимость под управлением сыновей Николы—Давида, Моисея, Аарона и Самуила. Воспользовавшись вспыхнувшим в восточной Болгарии восстанием против Византии, они объединили всех болгар в борьбе против византийского ига. Младший, Самуил, который после смерти других братьев и бежавшего к нему из византийского плена сына Петра, Романа, в 980—1014 гг. был фактическим болгарским царем, имея своею базой западное болгарское царство, своими военными предприятиями наводил ужас на Византию, но спасти Болгарию ему все же не удалось. Византийский император Василий II, прозванный Болгаробойцем (976—1025), стал систематически наносить удар за ударом Болгарии и отбирать у нее одну за другою ее области, пока, наконец, в 1014 г. в сражении при горах Беласицы болгары не были разбиты наголову. По свидетельству византийского историка, Василий ослепил 14 тысяч пленных болгар, оставив на каждые сто душ по одному с одним глазом, который должен был быть поводом остальных. Когда об этом жестоком поступке Василия донесли царю Самуилу, которому бегством удалось спастись от пленения, то с ним, говорят, произошел удар, и он скончался.

После смерти Самуила Болгария еще несколько лет отчаянно боролась с греками за свою независимость, но в 1021 г. взятием Срема на Дунае Византии удалось сломить последние остатки болгарского сопротивления, и вся Болгария в своих обеих составных частях, восточной и западной, подпала под греческое иго, была обращена в византийское наместничество с греческими чиновниками и духовенством и обложена материальными повинностями.

Положение вещей в Болгарии под греческим игом приняло в конце концов такой характер, что, повидному, стало забываться и самое имя болгар и Болгарии; по крайней мере, византийские историки начала XII в. говорят о Мизии, о Загорье вместо Болгарии, и о влахах вместо болгар.

Страдавшее от непосильных поборов и злоупотреблений болгарское население боролось со своими насильниками восстаниями. Из этих восстаний известны: 1040 г. в Нише и Скопии под предводительством внука царя Самуила, Петра Деляна, и 1072 г. в Македонии, с главным центром в Призрене, под предводительством Георгия Войтеха. Восстания эти подавлялись византийскими войсками, население подвергалось жестоким репрессиям, истязаниям и разорению и спасалось бегством в горы.

С севера в то же время пределы Болгарии были открыты для вторжений печенегов и половцев (куманов), поддерживавшихся попустительством византийского правительства.

В 1048 г. около 800 тысяч печенегов переправились через замерзший Дунай, вторглись в Болгарию и рассыпались по всем ее областям, грабя беззащитные города и деревни. В 1064 г. в Болгарию вторглось 600 тысяч половцев и подвергли ее новому опустошению. Византия, в борьбе с болгарским народным движением за освобождение от тяжелого ига бесправия и произвола, впервые вызвала из Азии в Европу и турок, поселив отряды их в Македонии по р. Вардару и в окрестностях Охриды в качестве своих жандармов. Беспрепятственное хозяйничанье этих пришельцев на полуострове превратило цветущую некогда Болгарию в сплошную пустыню.

Кое-где, преимущественно в малодоступных горных областях, сохранились, однако, полунезависимые вотчины болгарского боярства, платившего Византии дань и поддерживавшего торговые связи с окрестным горным пастушеским населением. Из среды этого боярства с течением времени выдвинулись два брата, Федор и Асень, ставшие в 1186 г. во главе нового восстания. Старший из них, Федор, был провозглашен в Тырнове «царем болгар и греков» и принял имя сына царя Симеона—Петра. Попытки Византии задушить это восстание окончились неудачей, и в следующем 1187 г. она принуждена была заключить с болгарам мир и признать независимость Болгарии. Петр отказался от престола в пользу своего брата Асеня, который и был коронован в Тырнове на царство с титулом «царь болгар и волхов». Петр же принял на себя должность правителя восточных провинций Болгарии с центром в г. Преславе. Так было положено начало второму Болгарскому царству.

1. Dr. Konst. Jireček, Dějiny naroda bulharskeho. Praha, 1876; то же, русск. изд., в переводе Ф. К. Бруна и В. Н. Палаузова. Одесса, 1878; то же, болг. изд. «Историята на българите». Търново, 1886.

2. Проф. В. П. Златарски. История на българската държава през средните векове, т. 1. Първо българско царство. Ч. 1. Епоха на хунно-българското надмощие. София, 1918; ч. 2. От славенизацията на държавата до падането на първото царство. София, 1927 г.

3. Dr. František Hůbl, Dějiny naroda bulharskeho. Díl I. V Praze, 1930.

4. М. С. Дринов. Началото на Самуловата държава.—1875—1876 г. См. Съчинения на М. С. Дринов, т. 1, София, 1909, стр. 317—364.

5. Ето же, Южные славяне и Византия в X веке. 1875 г. См. там же, стр. 365—520.

6. Матвей Соколов. Из древней истории болгар. СПб, 1879 (I. Образование болгарской национальности; II. Принятие христианства болгарскими славянами).

7. Академик Н. С. Державин. История Болгарии. Том I. Происхождение болгарского народа и образование первого болгарского государства на Балканском полуострове. Москва—Ленинград, 1945.

Литература по специальным вопросам истории болгарского народа названа в указанных выше сочинениях общего характера

Глава V

СЕРБИЯ И ХОРВАТИЯ

(IX—XII вв.)

После кратковременного существования державы Людевита Посавского (819—822) в бассейне среднего Дуная (западная часть Славонии), представлявшей собою первый опыт организации государственности у юго-западных славян—сербов, хорватов и словенцев, быстро ликвидированный франками, в середине IX в. в Загорье, на территории, расположенной между реками Ибар и Лим и занятой сербским племенем, в области Рашка, т. е. Рашская земля, с городом Раса (теперь Новый-Базар), впервые начинает складываться сербское государство. Эта исторически исконная область балканских сербов, основное ядро сербской государственности, известна сейчас у сербского народа под именем «Старая Сербия». В эпоху турецкого владычества на полуострове она входила в состав Новобазарского санджака.

Основную базу, на которой выросло сербское государство, был союз родственных западно-балканских славянских племен, в среде которых наиболее экономически мощное и организационно окрепшее в лице своей родовой знати, жупанов, сербское племя заняло постепенно ведущую роль, включив в свой состав и растворившиеся впоследствии в нем окрестные племена, быстро утратившие в этом племенном скрещении свои собственные племенные наименования. Окружавшая сербское племя международная политическая обстановка диктовала сербским жупанам настоятельную необходимость укрепления своей обороноспособности в целях охраны своей богатой плодородной территории, своих владений и хозяйства, т. е. усиления своей военной мощи против наступающих с северо-запада франков, с адриатического побережья—Венеции, с востока—болгар и с юга—Византии. Связанное своими прекрасными водными путями—реки Ибар, Колубара, Дрина и Морава—с великой Дунайской артерией, где в это время протекала бур-

ная жизнь международных столкновений и борьбы за обладание ею и всем ее бассейном—Тисса, Драва, Сава—с их богатейшими скотоводческими и земледельческими районами, сербское племя давно уже было втянуто в круговорот мировых событий, которые, начиная с VII в., развивались в этих придунайских районах. Оно не было изолировано от окружающего его внешнего мира, с которым было тесно связано своею экономической жизнью и события которого разыгрывались у самого порога владений сербских жупанов. Их ближайшие сородичи с севера—бодричи Срема, браничевцы и кучане Поморавии уже были включены с начала IX в. в состав болгарских владений Крума и Омортага; та же участь угрожала и сербам. Правда, она их не миновала, и уже при болгарском Симеоне в первой четверти X в. не только владения сербского племени, но и владения целого ряда родственных западно-балканских племен входили в состав Симеоновой Болгарии вплоть до Адриатического побережья на юг от р. Бояны. Тем не менее борьба сербских жупанов за свое самосохранение во всей этой сложной международной обстановке толкала их к усилению своей военной мощи, в целях защиты своей собственности, своей жизни и своих политических интересов, а этого можно было достигнуть только путем укрепления материальной базы и политической власти, т. е. путем насильственного захвата смежных племенных территорий.

Говоря о происхождении сербов, Константин VIII Багрянородный называет безыменного князя, который впервые привел сербский народ в Иллирик, что приурочивается им к первой половине VII в. Этому князю наследовал сын, затем внук и т. д. по порядку, вплоть до Вышеслава—VIII в.; ему наследовали, по Константину Багрянородному, Родослав, Просигой и, наконец, Властимир (по Шафарыку, между 836 и 843 гг.).

Властимиру принадлежит первая, исторически засвидетельствованная попытка собирания сербской земли путем захвата смежных племенных территорий, что создавало ему необходимую для укрепления власти экономическую базу. Помимо Рашской земли, в состав владений Властимира уже входила довольно обширная территория, простиравшаяся далеко на северо-запад, вплоть до рек Босны и Врбаса, правых притоков Сава, и включавшая в себя, кроме Старой Сербии, и территорию восточной Боснии. Так было положено начало сербской государственности. Аналогичный процесс перерастания союза племен в государство мы наблюдаем в это же время и у смежного с сербами на западе, родственного им племени т р а в у н ь я н или т р е б и н ц е в, где в роли сербского Властимира выступает жупан Бела.

Государство жупана Властимира и государство жупана

Белы—это были два наиболее удачливые зародышевые центра начальной сербской государственности. Сознание общности классовых интересов привело вскоре этих двух племенных вождей, основоположников сербской государственности, к заключению родственного союза: сын Белы—Краина, или Крайна, женился на дочери Властимира, провозгласившего своего зятя самостоятельным князем (первая половина IX в.).

Обширные владения Властимира после его смерти достались трем его сыновьям: Мунтимиру, он же Мутимир, Строимиру и Гойнику, управлявшим государством сообща под верховенством старшего из них, Мутимира.

Однако, возникнув на территории Византийской империи явочным порядком, не располагая еще в начале своего существования тою военною силою, какою в это время (середина IX в.) располагала Болгария, ослабляемое внутри династическими распрями сыновей Властимира, созданное им молодое сербское государство очень быстро, на первых же порах своего существования, было ликвидировано Византией как независимое государство, и сербские жупаны принуждены были признать ее верховную власть.

При Мунтимире болгарский князь Борис-Михаил заключил мир с сербами, для чего лично предпринимал поездку в сербскую столицу, Расу, а когда возвращался в Болгарию, его сопровождали в качестве охраны двое сыновей Мунтимира, Борен и Стефан, за что Борис отблагодарил их богатыми, по выражению источника, подарками, состоявшими из двух рабов, пары собак, пары соколов и 90 штук мехов.

Устранив в 872 г. от власти своих соправителей-братьев, Мутимир остался самодержавным властителем Сербии, как ее великий жупан; ему были подвластны жупаны остальных сербских племен, за исключением неречан, которые почти всегда были независимыми.

Изгнанные Мутимиром из Сербии братья нашли себе приют в Болгарии у князя Бориса. Здесь, по инициативе Бориса, сын Строимира—Клонимир (у сербских историков—Кломинир) женился на болгарке, и от этого брака у Клонимира родился в Болгарии сын Чеслав или Часлав, которому впоследствии пришлось сыграть крупную роль в истории болгарско-сербских отношений при преемнике Бориса, царе Симеоне.

У великого жупана Мутимира было трое сыновей: Прибислав, или Прибеслав, Бран, или Вран, и Стефан. В 890 или в 891 г. Мутимиру наследовал старший из них, Прибислав. Через год его сверг с престола двоюродный брат Петр, сын изгнанного из Сербии Мутимиром брата его Гойника, проживавший в эмиграции у хорватов.

Петр умер, коварно захваченный болгарами, в темнице

в 917 г. После этого сербский престол перешел к внуку Мутимира, сыну Брана, Павлу, который правил три года. В 920 г. его сменил Захарий, сын старшего из Мутимировичей—Прибислава, томившийся также в темнице у болгар. В необходимую минуту они использовали его против Павла, прогнав которого из Сербии, Захарий захватил в свои руки власть. Когда болгарско-сербские отношения обострились, Захарий, после ряда военных столкновений с болгарями, бежал в Хорватию, а болгары, коварно арестовав всех сербских жупанов, разгромили Сербию. Семь лет спустя после этого сербский престол в 934 г. занял Часлав, бежавший из Болгарии и отдавшийся под власть Византии. Так рисуется древнейший период политической истории сербов по данным Константина Багрянородного.

По свидетельству того же автора, белые хорваты, жившие за Багибареей (ἐκείθεν Βαγιβαραίας) и подчиненные королю франков и саксов, имели собственного князя. Когда, по показанию того же источника, хорваты, изгнав из Далмации аваров, поселились на территории Далмации, они имели своим князем отца Порги, а затем Поргу. Это событие приурочивается к VII в. Самостоятельного князя тогда же имели и посаевские хорваты; в правление князей Порги и Порины (Борна) они приняли христианство от Рима. При Михаиле II Бальбе (820—829) хорваты, сербы, захлумцы, тревуняне и др., отпав от Римской (т. е. Византийской) империи, говорит Константин Багрянородный, «сделались самовластны и независимы» и управлялись своими жупанами—старшинами (см. выше).¹

Из хорватских князей после Борны Константин Багрянородный называет Терпимира, его сына Красимира и сына последнего, Мирослава, убитого баном Прибунией, или Прибиной, занявшим после него княжеский стол. Другие источники после Борны называют хорватских князей: Ладислава (821) и Мислава (около 839), преемником которого был Терпимир, называемый и у Константина Багрянородного. Около 864 г. великим жупаном Хорватским был Демогой² и т. д.

В то время, когда Византия ликвидировала сербское государство Властимира, как узурпатора ее территории, у нее же под боком, у самых стен столицы в конце IX и в самом начале X вв. успело вырасти огромное болгарское государство Бориса-Михаила и его сына Симеона, захватившее в свои руки почти всю византийскую территорию на полуострове, в том числе и земли, занятые сербскими племенами, и угрожавшее самому

¹ Проф. В. Т. Дптякин. Образование государства у хорватов. «Исторический Журнал», 1944 г., № 10-11.

² К о п с т. Г р о т. Известия Константина Багрянородного о хорватах и сербах. СПб., 1880, стр. 123 и сл.

существованию империи. Это катастрофическое для Византии положение вещей вынуждает византийское правительство, в целях противодействия завоевательным успехам Болгарии, пересмотреть и коренным образом изменить свою сербскую политику. Путем всевозможных подачек и возведением в сан византийского проконсула, ей удастся привлечь на свою сторону хорватского князя Томислава (910—930) и тем самым укрепить его политические позиции, как верховного хорватского князя. Теми же средствами Византии удается привлечь на свою сторону также болгарского ставленника в Сербии, жупана Павла Брановича (917—920), и владетеля Захлумья, Михаила. Однако византийское правительство, продолжая попрежнему рассматривать славянское население на полуострове, как варваров и захватчиков византийской территории, явно плелось в хвосте событий. Признаваемые византийцами за «варваров», славянские народы полуострова в лице своих ведущих племенных элементов, жупанов и князей, уже выросли в солидную материальную силу, не укладывавшуюся в рамки старых, патриархально-родовых отношений. С другой стороны, они выросли в силу, которую не мог удовлетворить почетный титул проконсула разлагавшейся империи, бессильной оказать существенную материальную поддержку своим «проконсулам» против угрожающей им со всех сторон опасности потерять не только свой почетный титул, но и все свое состояние вместе с территорией и самую жизнь. Вот почему Томислав, не ожидая возможности признания независимости своего государства со стороны Византии, обратился к римскому папе за королевской короной, и римская курия охотно пошла навстречу хорватскому князю, политически заинтересованная, особенно после неудачи, постигшей ее в переговорах с Борисом болгарским, в вовлечении народов полуострова в сферу своего влияния. Томислав получил от Рима и королевскую корону и признание независимости за хорватским государством, что, однако, несколько не поколебало его добрососедских отношений с Византией. Больше того, в это именно время византийское правительство добровольно передало во владение хорватского «проконсула» далматинские города, представлявшие собою жизненную необходимость для Хорватии, тем более, что в это же время особенные виды на эти города, равно как и на все Адриатическое побережье, питала Венецианская республика. Включение в состав Хорватии богатых торговых далматинских городов значительно, конечно, усиливало и материальные ресурсы Томислава и политическую мощь его государства. Этим, в частности, объясняется и то обстоятельство, что после захвата мадьярами в конце IX в. Блатенской Паннонии, находившейся во владении Арнульфа баварского, в ко-

тору входила также и Посавская Паннония Людевита, славянское население последней, между Дравой и Савой, перешло под власть Томислава. Таким образом, к началу X в. на Балканском полуострове выросло обширное и мощное Хорватское королевство.

Ту же линию поведения византийское правительство усваивает и по отношению к сербским жупанам, подчиненным болгарскому царю Симеону или находившимся в вассальной от него зависимости, вроде, например, сербского жупана Часлава, сына Клонимира, из рода Властимировичей, владетеля Рашской области, бывшей сербской державы Властимира. После смерти болгарского царя Симеона (927) в правление его слабого преемника Петра (927—969) в Болгарии, утомленной и ослабленной непрерывными военными предприятиями Симеона, начинается резкий упадок завоевательной энергии и поднимаются серьезные внутренние неурядицы. Эти неурядицы приводят, в конце концов, первое болгарское царство к полному расстройству и захвату его Византией. В 932 г. сербский жупан Часлав Клонимирович (932—960), бывший вассал болгарского царя Симеона, родившийся от матери-болгарки и воспитывавшийся в Болгарии, поднял при поддержке Византии восстание против Болгарии и передался под власть Византии. Чаславу удалось захватить целый ряд соседних племенных областей и подчинить под свою власть обширную территорию в центре бывших владений Симеона, начиная от Савы и Дуная на севере и вплоть до области Зеты на юго-западе и р. Моравы на востоке.

Однако и Хорватии Томислава и Сербии Часлава едва удалось только пережить своих основателей. Сербия была вновь завоевана Византией. Сербская родовая знать, спасаясь от византийского плена, бежала на запад, в приморскую горную область Зету, занятую родственными племенами, и здесь в конце X в. возник новый центр сербской государственности—Сербская Зетская держава, впоследствии Черногория, во главе с зетским князем Воиславом (ум. 1051).

Воспользовавшись наступившими в Византии неурядицами, Воислав объединил под властью зетского князя все старые сербские области, в том числе Боснию и Рашку. Его преемник Михаил в 1076 или 1077 г. получил от папы Григория VII (по тем же соображениям, по которым римская курия в аналогичном случае охотно пошла навстречу хорватскому Томиславу) знаки королевской власти, в связи с чем Сербское Зетское государство становилось независимым королевством, а сербский князь—кралем, т. е. королем. Столицей Сербского королевства в это время был город Скадар (Скутари, Шкодра).

Преемником Михаила был его сын, краль Бодин (1081—1101), исполнявший при отце, в последние годы его жизни, обязан-

ности соправителя. Назначением себе в преемники сына Михаил нарушал старый родовой порядок вещей, в силу которого отцу должен был наследовать на престоле не сын, а старший в роде Воиславичей. Родовая знать восстала поэтому против кандидатуры Бодина, но конфликт был улажен вмешательством верховного главы сербской церкви, дуклянского архиепископа, и Бодин занял королевский престол.

Правление Бодана протекало в атмосфере напряженных отношений с Византией, которые были урегулированы только в 1095 г. заключением специального договора о пограничном размежевании Сербии и Византии. В силу этого договора в состав Сербского королевства Бодина входили: Зета (нынешняя Черногория), Босния, Герцеговина и северные районы «Старой Сербии». Таким образом, Бодину удалось с успехом наладить взаимоотношения с Византией, но ему не удалось все же ликвидировать оппозиции в среде своих племен и родов, т. е. родичей. Наиболее активные из них были захвачены им и убиты, другие бежали в Дубровник. Преследуемые Бодином, они скрылись из Дубровника в Константинополь, где были охотно приняты как элемент, пользуясь которым византийское правительство всегда могло поддерживать внутренние распри в Сербском королевстве и таким путем достигать своих целей. Эта же оппозиция родичей привела к тому, что после смерти Бодина Сербское Зетское королевство распалось на три независимые друг от друга части: Зету, Рашку и Босну. На этом закончилось свое историческое существование Сербское Зетское королевство.

В XII в. независимая Босна во главе с баном Боричем с 1155 г. попадает на короткое время под власть Венгрии (мадьяр), а затем, с 1166 г.,—под власть Византии; Рашку в 1168 г. захватывает в свои руки поддержанный Византией великий жупан Стефан Неманя, который в 1170 г. присоединяет к своим владениям и Зету (Черногорию). Политическим центром сербского народа попрежнему становится Рашка, т. е. исконная область сербского племени на полуострове, «Старая Сербия», во главе с великим жупаном Стефаном Неманем, под верховною властью Византии, как одна из ее провинций. Таким образом, ко второй половине XII в. на смену Зетской Сербии на полуострове вырастают два новых политических и культурных центра сербского народа: Босна, или Босния, и Рашка. Босния с этого времени попадает в сферу культурного влияния Запада и католичества, Рашка—в сферу влияния Византии и православия. Рашка же становится и центром образования нового Сербского государства во главе с династией Неманичей.

Что касается Хорватского королевства, то, в противоположность росту материальной и политической мощи Сербского ко-

ролевства, оно после смерти Томислава (930) идет к упадку и, по выражению сербского историка, становится «тенью томиславовой Хорватии» (Ст. Станоевич). Воспользовавшись временным ослаблением Хорватии, Венецианская республика начала с нею упорную борьбу за обладание Далмацией, но хорватский король Петр II Кресимир (1058—1074) вышел победителем в этой борьбе, и Далмация осталась в составе его владений. Ему же удалось значительно расширить границы своего королевства и вообще поднять политическую мощь государства до такой высоты, какой Хорватия никогда не достигала ни до Петра Кресимира, ни после него. С другой стороны, по политическим соображениям, Петр Кресимир в церковном вопросе держался римской ориентации, что вызвало напряженные отношения между королем и хорватской общественностью. На Сплитском церковном соборе в 1060 г. славянский язык был запрещен, как язык церковного культа, в Далмации. До этого он был запрещен и по всей Хорватии, но, повидимому, это запрещение не имело решающей силы, и славянский язык продолжал оставаться и после этого в Хорватии языком культа, чем и объясняется решительное постановление Сплитского собора. Однако это постановление в широких кругах хорватской общественности вызвало решительный протест, что привело, начиная с 1071 г., к организации в Хорватии трех национальных епископств, которые оставались все же в зависимости от Сплитского митрополита. Таким образом, спорный церковный вопрос в Хорватии был разрешен наполовину: она получила славянский язык в качестве языка культа, но не получила церковной независимости. В то же время в Сербии удалось создать в Баре независимую национальную церковную организацию (архиепископию) в границах сербского государства.

После смерти Петра II (1074) Венеция в 1076 г. вновь захватила в свои руки хорватские далматинские города, и с этого момента независимая Хорватия навсегда потеряла Далмацию. Преемник Петра Кресимира, Звонимир (1076—1089), не сумел поддержать Хорватию на высоте достижений своих предшественников, и она быстро пошла к упадку. Как рядовой вассал римской курии, он без всякой надобности впутался в европейские дела, в войну норманнов с Византией и Венецией и в распри папы Григория VII с немецким Генрихом IV. Все это привело к расстройству внутренних дел в государстве и вызвало общее недовольство, тем более, что укрепление на среднем Подунавье мощи мадьяр стало серьезной угрозой для Хорватии, лежавшей на пути их дальнейшего продвижения на юг, в Моравскую долину и на Адриатическое побережье. Воспользовавшись внутренними династическими распрями, наступивши-

ми в ослабленной Хорватии после смерти Звонимира, в 1091 г. мадьяры легко проникли в Посавскую Паннонию (Славонию) и подчинили ее своей власти, а после этого, воспользовавшись царившей в Хорватии анархией, сюда явился для наведения порядка, очевидно по родственным соображениям, венгерский король Коломан, как брат жены Звонимира, и после битвы на Гвозду, где погиб в бою последний король независимой Хорватии—Петр III, в 1102 г. овладел всею Хорватией. С этого времени Хорватское королевство, как самостоятельное государство, надолго прекратило свое независимое существование.¹

¹ Литература: К. Грот. Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах. СПб., 1880. Ст. Станојевич, Историја Српског народа. Београд, 1910. Его же. Историја срба-хрвата и словенаца. Београд, 1924. Его же. Историја Срба, Хрвата и Словенаца. 1920; 2-е изд. 1924; русск. изд. 1917; франц. изд. 1919; Feldo Šišić, Povijest Hrvata. Zagreb, 1925; K. Jireček, Geschichte der Serben. Gotha, 1911, В. I; то же на сербск. яз. Историја Срба, 1, 1922.

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР за № 2230*

*

Технический редактор
Е. Н. Симкина

Подписано к печати 10/XII—1945 г.
А-24533. Печ. л. 13¹/₂. Уч.-изд.
л. 14,5. Тираж 10 000. Заказ 153

*

16-я типография треста «Полиграф-
книга» ОГИЗа при СНК РСФСР,
Москва, Трехпрудный, 9.
Отпечатано во 2-ой типографии
Издательства Академии Наук,
Москва, Шубинский, 10

SEMINÁRNÍ

Hist.-práv.

KNIHOVNA

oddělení